

между тѣмъ, въ этотъ именно день пчеловодъ выбираетъ мѣсто для своей пасѣки—дѣло, которое никоимъ образомъ не можетъ считаться неважнимъ...

Въ заключеніе скажу только, что и донынѣ удержался еще въ нашихъ глухихъ краяхъ (Меленковскій уѣздъ) типъ пчеловода, до мелочей повторяющій тотъ образъ, который видѣть на пасѣкѣ со страницъ описанаго сборника. Не измѣнилось даже основы пчеловоднаго хозяйства, которое нынѣшнему опирается не на опытъ и наблюденіе, а на глубоко проникшее въ душу народа сущѣріе.

М. Назаровъ.

Р. Меленки,
21, X, 1911.

Болѣзни и рожденіе человѣка въ селѣ Марковѣ на Анадырѣ¹⁾.

I. Болѣзни и ихъ лѣченіе.

Пропеходя, главнымъ образомъ, отъ вымирающихъ инородцевъ чувашинъ и юкагировъ и будучи поражена наслѣдственностью сифилисомъ, такая небольшая, изолированная группа людей, какъ марковцы, издавна между собою переродившися и продолжаютъ родниться, лишь только это по закону становится возможнымъ²⁾, естественно должны нести начальными послѣдствіемъ

¹⁾ Предлагаемый очеркъ написанъ Иппол. Никл. Сокольниковымъ, который пробылъ на Анадырѣ десять лѣтъ (1897—1907). Хотя о населеніи по Анадыру и, въ частности, с. Маркова имѣется "порядочная литература, но тема, разработанная г. Сокольниковымъ съ большой тщательностью и детальностью, можетъ въ существующей литературѣ встрѣтить только немногіи параллельныя указанія. Такъ, въ работѣ А. В. Олсуфьевъ: „Об cantь очеркъ Анадырской округи и быта населения. Съ картой“ („Записки Приамурскаго Отдѣла Имп. Р. Г. О-ва“, т. II, вып. I, Соб. 1896, № VIII+245 стр.) имѣется глава IV: „Жизнь русского въ теченіе года“, гд. XIII „Отношенія русскихъ, чукчъ и ламутовъ между собою.—Болѣзни инородцевъ“ и др.; также напечатанія „Рукопись жителей села Маркова I. Ільчкова: Анадырский край“ („Записки О-ва изв. Амур. края“, т. II, Вып. 1, 1893, № XXVIII+158 стр. + 41 табл. рис.) содержитъ въ гл. 2-ой описание с. Маркова и его жителей, а въ гл. 5-ой описание быта населения, обрядовъ, кѣровати, шаманства; затѣмъ въ трехъ статьяхъ И. А. Гончарова: „Сведенія о населеніяхъ по Анадыру“, „Обѣдное населеніе реки Анадырь“ и „Составъ населения Анадырской округи“ („Записки Приамур. Отдѣла Имп. Р. Г. О-ва“, т. III, вып. I, Хаб., 1897, № 80, стр. 71—179), а также въ статьѣ А. П. Сильникова: „Небыдка на Камчатку и на р. Анадырь 1897 г. стамъ же, т. II, вып. 3, Хаб., 1897, № 79 стр.)—имѣются сведенія, не безполезныя при чтеніи статьи г. Сокольникова. То же можно сказать о сочиненіи „Степная жизнь на Сибири“ Д. Ф. Кеннана (Соб., 1871) и др.

²⁾ Тройородныхъ вѣчаются съ разрѣшеніемъ благочиннаго; женъ, не родственныхъ по крови, взять нецѣль. При этомъ здравые брачующіеся въ расчетѣ принимается, что до некоторой степени и противно—совершенно здоровыхъ семей быть.

всего этого; къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести иѣкоторую слабость и недоразвитость въ физическомъ отношеніи¹⁾ и разстройство первої системы. Это послѣднее выражено особенно рѣзко: иѣть, положительно, семьи, въ которой не было бы истеричныхъ или привадочныхъ. Если ко всему этому прибавить крайне нигигійничная условія жизни, отсутствіе надлежащей чистоплотности и профилактики, то станетъ яснымъ, что организмъ марковцевъ предстаиваетъ собою очень благопріятную почту для восприятія и развитія разныхъ заболѣваній. И дѣйствительно, стоитъ только одному кому-либо закашлять, заболѣть горломъ, коносомъ, получить какую-либо сильнъя прыщи или нарывы, какъ съ увѣренностью можно предсказать, что переболѣеть большинство; о такой болѣзни заразнаго характера, какъ инфлюэнца, ничего ужъ и говорить—она переберетъ всѣхъ. Всякое страданіе, даже легкое, вызываетъ оханья и стоны; мужчины въ этомъ отношеніи не лучше женщинъ: не говоря ужъ о стонахъ и оханьяхъ во время болѣзни, мѣхъ не разъ приходилось наблюдать взрослыхъ, здоровыхъ мужчинъ, кричавшихъ и лизавшихъ чувствъ при обыкновеніяхъ порѣзахъ. Самый познанітельный ушибъ или царапина вызываютъ всегда вскрикиваніе характернымъ здѣшнимъ звукомъ „ѣ...“

Надо благодарить судьбу за то, что здѣсь иѣть, и не было ни натуральной осipy²⁾, ни холеры, ни проказы, ни такихъ горловыхъ болѣзней, какъ дифтеритъ, скарлатина³⁾ и крушъ, и за то, что независящія отъ марковцевъ обстоятельства не даютъ имъ возможности много пить. Мѣхъ кажется, что при возникновеніи въ этихъ бѣдъ, для исчезновенія ихъ съ лица земли не потребо-

¹⁾ Небольшой ростъ, слабость структуры и короткonoсость очень не рѣдки. Ранніе браки играютъ въ этомъ тоже не малую роль.

²⁾ Осенняя эпидемія въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія свирепствовала на низовьяхъ рѣки Колымы: въ другихъ мѣстахъ, по состоянію съ здѣшнимъ краемъ, ея не было. Слово „ожибается“ говоря, что въ 1873 г. осенняя эпидемія была въ Гижигѣ. „Охотско-Камчатскій Край“, Т. I, стр. 416.

³⁾ Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія била, будто бы, скарлатина, запасенная изъ Гижиги, где тогда умерло отъ нея много народа; здѣсь же умерло лишь немногіхъ дѣтей. Для борьбы съ этой эпидеміей въ Марковѣ былъ командированъ гижигинскій окружной фельдшер Душкінъ. Рассказываютъ, что дѣти болѣли тогда „горѣми и сизападией“. Вторично эта болѣзнь здѣсь не появлялась.

валось бы и пятидесяти лѣтъ. Несмотря на то, что бѣшенство собакъ („собака дикуетъ“, „дикая“) здѣсь не рѣдкость, случаевъ смерти людей отъ водобоязни не знаютъ—очевидно, она людямъ не передается, т. к. случаи укусовъ „дикими“ собаками людей были и при мѣхѣ, были, конечно, и раньше, но всегда оканчивались благополучно. Безъ этой милости судьбы, при постоянной воинѣ съ собаками, было бы не мало смертей и отъ водобоязни.

Объ условіяхъ жизни марковцевъ, съ точки зреіня гигіиены, отдельно говорить не приходится; изъ описаний этой жизни, помѣщенныхъ въ разныхъ мѣстахъ настоящей книги, явствуетъ, что они неудовлетворительны. Такова же и чистоплотность. Хотя полы, стѣны и потолки въ избахъ моютъ хорошо и довольно часто, но воздухъ въ большинствѣ изъ нихъ отвратителенъ. Не говоря ужъ о запахахъ отъ сумнія одежды и обуви, выѣлки никуръ, несвѣжайши пищи и дѣтскихъ испражнений, сильнѣе всего поражаетъ непривычный носъ запахъ отъ оттаивающей въ избахъ „круглой“ рыбы (см. ниже), рѣдкій годъ успѣвающей замерзнуть на избахъ до того времени, пока не начнетъ портиться. Для поборанія этихъ ароматовъ, иѣкоторые накуриваютъ можжевельникомъ („вересникъ“ — Juniperus communis), или „душницей“ (Dracoceratia)¹⁾, но дѣлается это только въ рѣдкихъ случаяхъ,—когда ждутъ почетныхъ гостей, въ большиіе праздники или когда ужъ самимъ станеть пентернѣжъ; послѣднее бываетъ, впрочемъ, чрезвычайно рѣдко.

Бань въ Марковѣ всего четыре; все онѣ черныя и очень маленькие—просто срубъ, вмѣстимостью около 70—75 куб. арш. съ потолкомъ, прикрытымъ землею, безъ крыши и съ дверью прямо на дворъ. Пользуются ими, но довольно рѣдко, хозяева и еще весьма немногіе. Послѣ регуляръ женщины обмываются въ избахъ передъ затопленіемъ чуваломъ; передъ нимъ же моютъ и дѣтей. Этотъмъ вода холодна настолько, что не купаются. Умываются изо рта и кое-какъ, зачастую безъ мыла; въ дорогѣ не умываются совсѣмъ. Вѣлье сильно занапинаютъ; моютъ его съ мы-

¹⁾ Въ Марковѣ, располож. на рѣчной долинѣ, вдали отъ горъ, „душницы“ аѣтъ; иногда, впрочемъ, приносятъ ее вѣкоторые, измѣнчивѣе настѣнѣ вверхъ по р. Майлу, где уже берега гористы. Есть она и у Ероопольскъ, у которыхъ горы подъ бокомъ.

лочь, но большую часть года въ вонючей¹⁾ водѣ Марковки, передающей ему свои ароматы. У некоторых, наиболее нечистоплотныхъ, посильное платье пронитывается такимъ противнымъ запахомъ, что даже привычный носъ воротить на сторону.

Такъ какъ у женщинъ голова постоянно повязана, а у девочекъ и девушки почти всегда покрыта головнымъ платкомъ (платокъ, „накидка“)²⁾, то расчесываніемъ волосъ занимаются не очень прилежно. Всклокоченные („космы“) волосы подъ платками у девочекъ и девушекъ мнѣ приходилось замѣщать очень часто; подъ женскими головными повязками дѣло обстоитъ не лучше. Мыть головы рѣдко³⁾; гребни употребляютъ простые роговые, двухсторонніе. Только у очень немногихъ молодыхъ девушекъ можно видѣть хорошіе волосы, но это украшеніе сохраняется не долго,—вѣроятно отъ нечистоты они скоро выпадаютъ.

Носовые платки („русицкъ“), иногда даже шелковые, есть далеко не у всѣхъ; въ нихъ не сморкаются, и пользуются ими лишь для помаживанія во время танцевъ и для обтирания испотѣнаго лица.

Чтобы захотѣть марковцевъ начаще мыться, кромѣ обличий, указаний на полезность этого, я старался действовать и на ихъ самолюбіе, подтрунивая надъ тѣмъ, что между ними, вѣроятно, не рѣдкость и такие, которымъ въ земной юдоли приходится помыться всего трижды: родившись, передъ свадьбой⁴⁾ и умеревъ, да и то въ 1 и 3 случаяхъ происходитъ это помимо ихъ воли. Долженъ сознаться, что отъ этихъ способовъ воздѣйствія никакой существенной пользы не получилось; но крайней мѣрѣ, чило бани не увеличилось.

Это же касается профилактики, то изъ дальнѣйшаго читатель можетъ усмотрѣть, что все она сводится лишь къ немногимъ чисто вѣщнимъ приемамъ, не имѣющимъ никакого практическаго значенія.

1) Съ осени до весны, подготавливаясь къ мясамъ уступившихъ лососей.

2) Тѣ марковскія слова, на которыхъ не поставлено ударенія, произносятся съ общесибирскимъ у насъ ударениемъ.

3) О винности будущъ сказано выше.

4) Передъ свадьбой моются обязательно.

Хотя марковцы, какъ добрые христіане, и говорять, при службѣ, что въ болѣзняхъ, какъ и во всемъ прочемъ, воленъ Богъ, но если поклоняться, то окажется, что, въ действительности, болѣзни посыпаются нечистой силой, которая для этого можетъ вселиться въ человѣка даже самолично. Кроме того, посыпаются болѣзни („портить“) шаманы и наговорщики—люди, имѣющіе прямое отношеніе къ нечистой силѣ; есть, впрочемъ, такіе же „мастера портить“ и изъ обыкновенныхъ людей.

Слазъ тоже играетъ не малую роль. Всякую эпидемію зовутъ „новѣтремъ“ и знаютъ, что пить можно заразиться отъ соприкосновенія съ больными или ихъ вещами, но, увы, на практикѣ мало на это обращаются вниманія, привыкнувъ къ тому, что „новѣтре“, все равно, какъ-нибудь да доберется. Въ концѣ февраля 1900 г. первые больные корью появились въ домѣ священника¹⁾; пришлось, конечно, запретить спошениѣ съ питьемъ, объяснивъ, что такую мѣру необходимо принять, хотя бы для того, чтобы эпидемія не сразу охватила все селеніе и тѣмъ бы дала возможность бороться съ нею²⁾. Но эти объясненія, ви- начальнику примѣръ Гижиги, где всѣдѣствіе цепринятія никакихъ мѣръ умерло чуть ли не 50% (у паша умерло около 8%)³⁾,

1) Западн. корь почевашіе тамъ ламуты, попавши въ селеніе обманомъ. Остановленные передъ селеніемъ, они сказали, что приковчевали гонять („постить“) съ р. Аянки, где болѣзни пѣть и куда съ самой осени никто со стороны не приѣзжалъ; сами они тоже инкуда неѣздили. Вносятѣсійоказалось, что у нихъ, передъ самимъ отѣзжаніемъ изъ Марково, были переболѣвшіе корью гижигинцы. На Андырѣ существуетъ правило, по которому, при случахъ о болѣзни эпидемическаго характера, появившейся где-либо по селенію, врѣзкіе съ той стороны не допускаются въ селеніе до тѣхъ поръ, пока разысками уѣздныхъ или сельскихъ властей не будетъ установлено, что виновенъ пріѣхавшимъ эпидеміи опасаться нечего.

2) Въ уѣздѣ былъ тогда лишь одинъ старший фельдшеръ И. С. Калмыковъ, живавший на Ново-Маріинскомъ посту. Боролись съ корью изъ Марково и близайшихъ къ нему поселкахъ чинами уѣздиої администраціи. Помощникъ начальника уѣзда В. С. Диденко, не специалистъ, по человѣку изъ врачебномъ дѣлѣ опытный, не одну зиму, начиная съ 1898 г., занимавшій изъ Марково изданной англікой и лѣчильницей населеніе. Его рѣдкаго по внимательности и сердечности отношенія къ больнымъ—на Андырѣ никогда не забудутъ.

3) Когда въ декабрѣ 1899 г. изъ Гижиги пріѣхали варты изъ Камчатки, где уже болѣли корью, то ихъ допускали въ селеніе, не принявъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ. Уѣздный вратарь Л. предупредилъ только, чтобы съ пріѣзжими

не могли вразумить. Не могло вразумить и то, казалось бы, вполне убедительное доказательство, что вернувшись из Гижиги 2-го января 1900 г. трое полубольныхъ нашихъ людей, благодаря принятию соответствующихъ мѣръ, никого корью не заразили¹⁾. Ватюшка, положимъ, дипломатически помалкивали, но матушка сердилась и говорила, что они „не поганые“, чтобы ни имъ къ людямъ, ни людямъ къ нимъ не ходить.

Марковцы вѣрять въ очистительную силу огня и, еще не такъ давно, приѣзжавшіе изъ мѣстъ съ „попѣтреемъ“, должны были передъ поселкомъ или отдельнымъ жильемъ проѣзжать между горящими кострами. Да и теперь, лишь только въ Марковѣ забѣгаютъ и закричать, что Здуть дальше (издалека), какъ женщины начинаютъ выбрасывать на улицу горящія головенки или горячіе угли.

Къ медицинской помощи марковцы обращаются охотно, особенно, если видятъ въ лицѣ ея представителей сердочное отношеніе къ больнымъ, что, къ сожалѣнію, на нашесть сѣверѣ встречается рѣдко.

Мѣстные способы врачеванія, какъ и во всякой народной медицинѣ, составляютъ: лѣченіе разными своими внутренними и наружными средствами; приѣзжаніе къ помощи Церкви²⁾, шамановъ и наговорщиковъ; разные способы устрашенія болѣзни; старанія обмануть ее; лѣченіе отвратительными средствами и лѣченіе подобнымъ. Кромѣ того, есть и чисто мѣстный, ориги-

нальный способъ лѣченія „на добномъ“. Обманываютъ болѣзнь, мнѣя имона навсегда. Изъ марковцевъ сейчасъ есть двое мужчинъ среднихъ лѣтъ—Софронъ С—нъ и Митрофанъ А—нъ. Крестное имя обоихъ—Димитрій. Переименовали имена, когда сильно болѣли въ молодости. Есть такія же и женщины.

Постараюсь теперь, насколько сумѣю, дать сиѣднія объ аналѣтическихъ болѣзняхъ. Классификаціи ихъ, принятой въ медицинѣ, придерживаться не буду. Большая часть этихъ болѣзней, конечно, вездѣ известна, по есть и такія, которыхъ составляютъ особенность здѣшнаго края; къ такимъ я отношу „черноту“ и „имеряченіе“. Приволя имѣть съ тѣмъ мѣстные народные способы врачеванія, я долженъ оговориться, что въ настоящее время, при наличіи въ Марковѣ медицинскаго персонала и казенной аптеки¹⁾, они примѣняются сравнительно рѣдко. Всеже, не чувствуя облегченія отъ препараторъ латинской кухни, марковецъ приѣзжаетъ къ своимъ „срестамъ“, а какъ къ послѣдней инстанціи, обращается, при возможности, къ чукотскому или эмуутскому шаману или наговорщику²⁾. Бываетъ, вирочемъ, и наоборотъ,—испробовать безуспѣшино свои „сресты“, съ запущеніемъ уже болѣзни обращаются къ помощи медицинскихъ чиновъ.

Такія болѣзни, какъ „цернота“, „ущоинъ“, „спѣриутой пупъ“, „стreichутая голова“, „родимецъ“ и „иринаѣки“³⁾ лѣчатъ исключительно своими средствами, къ официальной медицинѣ не обращаются. Нѣкоторые способы лѣченія, перешедшіе еще отъ „лосельныхъ“ (старинныхъ) шамановъ,—язычниковъ, примѣняются только вечеромъ⁴⁾, „когда зоря гаснѣтъ“. Очевидно, тутъ дѣло не обходится безъ помощи нечистой силы.

1) Мѣнѣе и отпускъ медикаментовъ производится безпомоздано.

2) Не такъ давно у марковцевъ было достаточно и своихъ шамановъ и наговорщиковъ, въ 1897 г. изъ нихъ я засталъ въ живыхъ трехъ шамановъ, одного наговорщика и двухъ наговорщицъ; шаманы эти и одна изъ наговорщицъ вскорѣ примерили; другая наговорщица умерла летомъ 1906 г., а наговорщица, пожилой чумачихъ Ив. Шарыповъ, до сихъ поръ существуетъ и живъ. Есть еще старикъ чумачихъ Сем. Шарыповъ, бывший долгое время шаманомъ: лѣтъ 15 тому назадъ, покаявшись, отъ этого занятия бросилъ; отъ грамотности и достаточнаго толкованія. Отъ умеръ осенью 1907 г.

¹⁾ Очищеніе.

²⁾ Это будетъ оговориваться.

Кровопусканіе („метать кровь“) и ставленіе банокъ („тянуть ракову кровь“) местными способами практикуется теперь рѣдко, да и то подъ шумомъ, т. к. знаютъ, что официальная медицина этого не одобряетъ; надо думать, что она не одобрила бы и еще очень многое изъ марковской практики, если бы въ лицѣ своихъ представителей надумала съ нею ознакомиться.

Хотя за послѣдніе 10 лѣтъ я и не знаю случавшегося приносенія марковцами въ жертву собакъ („коряцка вѣра“)¹⁾ и дѣланія „деревянаго огня“ („дирижанный огонь“)²⁾, но утверждать положительно, что пережитки эти теперь уже немыслимы, я не рискую. То и другое, въ цѣляхъ врачеванія, практиковалось еще не такъ давно,—живы еще паочіе свидѣтели³⁾.

Если начать разспрашивать марковцевъ о местныхъ способахъ избавленія отъ разныхъ болѣзней, то прежде всего начнутся отиекиванія и уверенія, что „нынѣ у настъ того пѣту—забудутъ; сросва разны дѣлали досельные люди (предки, въ старину), а горные (бродячіе и кочевые) дѣлаютъ и донынѣ“. Поэтому не слѣдуетъ вѣрить—„горные люди“ знаютъ и практикуютъ далеко меньшѣ разныхъ „сресвъ“, чѣмъ марковцы; вѣрою только то, что теперь, при наличии медицинской помощи, лишь немногіе запасаются своими лѣчебными („пользительны“) травами и кореньями, а прежде запасались всѣ. Собирать ихъ полагается на канунѣ „Лѣтилго Ивана“ (24 июня—Кунала; этого названія не знаютъ); некоторые говорятъ, что дѣло это можно растянуть и на цѣлую недѣлю—до 1-го июля. Сушить „пользительны“ травы на солнцѣ, но такъ: „чтобы солнцемъ зарь не налилъ“. Если на „соптосходѣ“ въ день „Лѣтилго Ивана“ умыться водой съ свѣженарванными цветами, то цѣлый годъ будешь здоровъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что марковцы по „забѣли“ своихъ „сресвъ“, можетъ служить дальнѣйшее описание ихъ мною. Какъ и вездѣ, женщины здесь консервативны мужчины,

1) Унилостителльная жереба вообще: при болѣзни—этому началу, ее называютъ.

2) Плоское деревянное грубое подобие человѣческой фигуры безъ рукъ и бѣдъ ногъ („чѣмѣй бѣгъ“); ягоды добываются вершинами, при помошіи особыхъ приспособленій, упираясь въ углубленіе на немъ деревянного же стержня. См. ниже.

3) Объ этомъ будетъ въ отдельномъ очеркѣ.

БОЛЬНИ И РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ СЕЛЬ МАРКОВЪ НА АНАДЫРЬ. 79

а потому среди нихъ больше знающихъ разныя „сресвъ“, но, увы, опять-таки, какъ и вездѣ, настоящихъ знатоковъ по этой части можно найти только среди мужчинъ.

2) Для кровопусканія существуетъ инструментъ, похожій на ветеринарный ланцетъ, но меньшихъ размѣровъ; зовется онъ „топоркомъ“, необходимымъ къ нему дополненіемъ служить „кочутко“—наложка, на одномъ концѣ которой сделано подобіе раздвоенного оленѣяго коныта; имъ и ущемляютъ жилу, чтобы она не выскользнула изъ-подъ „топорка“. Кровь „мечутъ“ или изъ локтевого сгиба, или немногіе новыши кистевого; а изъ ноги—немногіе новыши ладыжки („кругла костка“). „Мечутъ“ и носрѣдинѣ лба, новыши глазъ. Приступая къ „метанію“ крови изъ одной изъ конечностей, сперва растираютъ („собираютъ“) ее сверху внизъ, стараясь согнать кровь къ мѣсту предстоящей операции; затѣмъ, несколько повыше этого мѣста, туда перетягиваютъ ногу или руку пациента ремешкомъ и просаживаютъ жилу. Вмѣсто общеупотребляемыхъ кровяныхъ банокъ употребляютъ небольшой, вершка въ 2 длиной, полый рожокъ—верхний конецъ копытъ или баранѣяго (дикаго барана) рога—съ отверстиемъ въ кончикѣ. Приставивъ такой рожокъ широкимъ отверстиемъ къ большому мѣсту, сильно тянутъ изъ него воздухъ ртомъ черезъ отверстіе тонкаго конца, которое затѣмъ быстро затыкаютъ проволожной втулочкой. Когда предполагаютъ, что уже натянуло достаточно, вынимаютъ втулку, снимаютъ рожокъ и быстро дѣлаютъ насѣчки „топоркомъ“. Во время всѣхъ этихъ манипуляцій большой лежитъ.

3) Массажированіе считается очень полезнымъ при разныхъ болѣзняхъ; производить его обыкновенно женщины; „бабушки“ по части массажированія считаются специалистками—оно ихъ излюбленное средство при всѣхъ болѣзняхъ у беременныхъ и роженицъ.

Описаніе ападырскихъ болѣзней начну съ корня многихъ эльзинъ золь—*спифилиса*.

У него здѣсь два общеизвестныхъ названія: „худа боль“ и „косъей боль“, по которымъ, весьма, впрочемъ, немногіе, употребляютъ и такія названія, какъ „венерицеска“ и „политическая“; настоящее же название болѣзни—*спифилисъ*—я слышалъ лишь однажды, да и то отъ человѣка, почтывавшаго книги и газеты. Самое распространенное название—„косъевъ

боль". Всюкія прорвавшіся опухоли съ гнойнымъ истечениемъ называются „проломами"; язвы—„ранами"; гной—„дуростью".

Когда и откуда занесены сюда сифилисъ впервые, сказать трудно; могли занести его якуты, тунгусы и русские; могъ онъ быть даромъ из Америки¹⁾. Преданій объ этомъ нетъ, старики знаютъ лишь то, что „косьевая боль всегда була". Затѣмъ можно установить тотъ фактъ, что переселившіеся сюда съ Аянюемъ (р.р. Большой и Сухой Аяню—правые притоки р. Колымы, въ которую впадаютъ однимъ устьемъ) въ началѣ 2-й половины прошлаго столѣтія (съ середины 50-хъ г.г. по 66-й г.) осѣдлые чуваши, юкариры и одинъ якутъ (Игнашка) были больны сифилисомъ въ такой формѣ, что заразили имъ заѣшившихъ старожиловъ²⁾. Только въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія для борьбы съ эпидеміей сифилиса, охватившей къ тому времени весь заѣшившій сѣверо-востокъ, были устроены въ сѣверныхъ окружахъ (теперь уѣзды) Приморской Области больницы съ специально командированными врачами и фельдшерами³⁾. Одна такая больница была и въ Гижигѣ; изъ Марковъ⁴⁾ вошли изъ нее нескользко больныхъ сифилисомъ мужчинъ и женщинъ; въ числѣ ихъ одного чуваща съ женой и постороннюю имъ девочку. Въ 1897 г. я засталъ въ Марковѣ этого чуваща еще изъ жилыхъ, но уже давно безъ ногъ, покрытыхъ постоянно незаживавшими язвами. Онъ умеръ въ 1900 г.; жена его съ признаками третичнаго сифилиса умерла въ 1888 г. Девочка, лѣчившаяся отъ сифилиса въ гижигинской больнице, вмѣстѣ съ ними, теперь за 40 лѣтъ,—она съ провалившимся переносцемъ. Прочіе, лѣчившиеся тамъ же, примерли до 1897 г. отъ разныхъ болѣзней. Марковцы говорятъ, что отъ гижигинскаго лѣченія пользы было мало. Всѣ остальные сифилитики, т.-е. огромное болѣниество, лѣчились до-

¹⁾ Наставники Америки полагаютъ, что сѣди сифилиса всрѣчаются уже на костяхъ до-европейскихъ могилъ. Ф. Ратнеръ. Народовѣданіе, т. I, стр. 487.

²⁾ Въ серединѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія сифилисъ существовалъ въ Колымскомъ краѣ во всю. Возникновеніе этой эпидеміи ставятъ на вину северныхъ: отхода, мѣроепроводъ, и одно изъ заѣшившихъ его наименій—„полинѣска".

³⁾ Краткая исторія этихъ болѣзней: з-ръ П. В. Слюсаревъ. „Охотско-Камчатскій край", т. I, стр. 522—523.

⁴⁾ Аяндымскій край принадлежалъ тогда къ Гижигинской округѣ.

ма¹⁾) и, какъ здѣсь утверждаютъ, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ гижигинской больнице. Ни постоянного врача, ни фельдшера въ Марковѣ тогда не было, вслѣде о немъ окончательно не забыли и врачъ гижигинской больницы пріѣзжалъ и пробывъ цѣлую недѣлю²⁾.

Устройство больницъ для борьбы съ сифилисомъ въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія было мѣромъ запоздалой, она не могла принести никакой существенной пользы тогда, когда населеніе было уже заражено. Больницы слѣдовало устроить лѣтъ на 10 раньше, а, главное, тогда же принять действительныя административныя мѣры противъ распространенія эпидеміи, что сдѣлать здѣсь гораздо легче, чѣмъ въ мѣстахъ, густо населенныхъ.

За послѣдніе 10 лѣтъ здѣсь не было новыхъ заболеваній сифилисомъ³⁾, не было также и другихъ венерическихъ заболеваній, исключая 2—3 случаевъ гонорреи⁴⁾; наслѣдственный же сифилисъ въ разныхъ степеняхъ есть, кажется, у всѣхъ. Проявляется онъ различно: бываютъ боли въ костяхъ, сопровождающіеся язвами и разрушениемъ костей. Не далѣе, какъ въ 1906 г., умерла отъ этого одна молодая замужняя женщина; подъ конецъ она была вся въ язвахъ и у нея провалился носъ. Мать ея болѣла въ молодости сифилисомъ. Съ такими же признаками, какъ только что помянуто, за послѣдніе десять лѣтъ умерло шестеро лѣтъ, двѣ женщины среднихъ лѣтъ, одна старуха и одинъ старикъ⁵⁾. Раньше, какъ говорятъ, были случаи смертей отъ силь-

¹⁾ Изъ нихъ еще живы 3 старика и 7 старухъ; зовутъ ихъ „санарейщиками" и „санарейщицами"—главнымъ лѣкарствомъ служилъ отваръ спасанарильного корня, покупавшагося у колымскихъ торговцевъ.

²⁾ После него, за 25 лѣтъ—съ 1875 по 1900 г.—въ Марковѣ были пабѣдомъ пять Гижигъ, па промя каждый разъ не болѣе падѣли, окружные тамошніе врачи трижды. Въ томъ числѣ одинъ разъ врачъ пріѣзжалъ для вскрытия скопроностожно умершой. За тотъ же періодъ времени, въ цѣляхъ врачебныхъ, побывали здѣсь по одному разу два гижигинскихъ окружныхъ фельдшера и дважды была гижигинской казакъ для прививки осны; для того же пріѣзжалъ вторично и одинъ изъ поминутовыхъ фельдшеровъ.

³⁾ Кажется, ихъ не было съ 80-хъ г.г. прошлаго столѣтія.

⁴⁾ При желаніи получить коэффиціентъ пѣкогорныхъ болѣзней по сообщающимъ здѣсь даннымъ, число марковцевъ за послѣдніе 10 лѣтъ слѣдуетъ принимать, не среднемъ, за 400 душъ обоего пола.

⁵⁾ Носы проваливались не у всѣхъ.

ныхъ опухолей суставовъ, сопровождавшихъ язвами. Бываютъ очень сильные головные боли, отъ которыхъ, случалось, умирали; за послѣдніе десять лѣтъ такихъ смертей не было. Дополнительно часты выкидыши и мертворожденія; за послѣдніе десять лѣтъ одна молодая женщина родила 3-хъ мертвыхъ младенцевъ съ признаками разложения; за тотъ же періодъ времени было еще три подобныхъ случаевъ. Часты случаи дѣтскаго родимца; не рѣдки младенцы съ очень большими животами при сильной худобѣ остального тѣла; также, въ большинствѣ случаевъ, скоро умираютъ; происхожденіе этихъ больныхъ животовъ объясняютъ излившимъ кормлениемъ. Весьма часты разные струпья, опухоли, гнойныя истечения изъ ушей и изъ опухолей возле нихъ и лишай; эти послѣдніе сопровождаются иногда порчую ногтей на рукахъ и на ногахъ навсегда; известенъ, впрочемъ, одинъ случай, когда испорченные ногти сошли и вмѣсто нихъ выросли хорошие. Много кривоногихъ. Всякія травматическія поврежденія не легко излѣчиваются. Все это, кажется, тоже наслѣдіе сифилиса. Почти у всѣхъ на выдающихся частяхъ скуль (os zudomaticum) имѣются красноватыя пятна, при близайшемъ разсмотрѣніи оказывающіяся скопленіемъ красныхъ и фиолетового оттѣнка жилокъ и узелковъ; у молодежи, лѣтъ до 22—23, когда цѣль лица свѣтлѣе и розовѣе, эти пятна имѣютъ видъ румянца; позднѣе же, когда лицо бурѣстъ, они выступаютъ особенно рѣзко, при чѣмъ фиолетовый оттѣнокъ становится замѣтнѣй. Я сперва думалъ, что это послѣдствія обмороженія, но, приглядѣвшись и разспросивъ, узналъ лишь то, что оно тутъ не при чѣмъ. Ноаже, одинъ американецъ ¹⁾, прѣѣждавшій въ Марково въ началѣ 1901 г., увѣрялъ меня, что точно такія же пятна имѣются у туземцевъ Алласки и что американскіе изслѣдователи считаютъ ихъ въ числѣ показателей наслѣдственнаго сифилиса.

Чисто мѣстный способъ лѣченія сифилиса состоять въ томъ, что больного, въ зависимости отъ развитія болѣзни, укладываютъ въ пологъ ²⁾ на время отъ 12—25 дней; все это время онъ остается тамъ безвыходно и совершенно закупореннымъ,

¹⁾ M-r Norman L. Vauxton, препараторъ, замѣдливший зоологическимъ отдѣломъ Сибирь-Тихо-Океанской экспедиціи въ Приморской Области. (The Jesup North Pacific Expedition).

²⁾ Извѣдуги или олениныхъ икуръ, вместимостью около 10 куб. арш.

отчего постоянно сильно потѣеть. Ежедневно—утромъ, въ полночь и вечеромъ—ему даютъ по стакану крѣпкаго, горячаго отвару „коряцкой травы“ ¹⁾ (пьянушникъ; сибирская роза; камыш; ильяя трава—*Rhododendron chrysanthum*). Для приготовленія этого отвара, вѣточки и листья „коряцкой травы“ сильно кипятятся въ чайникѣ (у всѣхъ—мѣдные) съ замазанными глиной крышкою и посокомъ; на полуводерный чайникъ берется ихъ слабый ²⁾. Послѣ этого 1-го періода лѣченія больной продолжаетъ лежать въ пологѣ еще столько же дней, т.-е. отъ 12—25, поднимается; все время нахожденія въ пологѣ больного старательно берегутъ отъ простуды; выпущенный, наконецъ, оттуда, онъ можетъ выходить изъ избы лишь на короткое время за пургой, да и то таись закутаннымъ, чтобы не дышать испосредственно холоднымъ воздухомъ. Эта предосторожность отъ простуды соблюдается также количествомъ дней, какое требовалось на каждый изъ періодовъ лѣченія, т.-е. отъ 12—25. Для вытапливанія изъ язвъ гноя, чаще всего къ немъ прикладываются же-
деровую дровесину, приготовляемую такъ: содравъ съ кедровой вѣтки кору, насѣблять ножомъ верхніаго слоя, дрепесину и жуяуть ее до тѣхъ поръ, пока она не превратится въ тѣстообразную массу. Иногда для той же цѣли прикладываютъ къ язвамъ холщевыя тряпочки или куски коричневатой дерюги, которой бываютъ обшиты мѣста съ кирпичнымъ чаемъ. Передъ прикладываніемъ этихъ вытѣжныхъ средствъ, язвы ежедневно обмываются крѣпкимъ отваромъ „коряцкой травы“; очень полезнымъ считается обмывать имъ и все тѣло больного.

Все время лѣченія запрещается есть красную рыбу (лососи съ краснымъ мясомъ), „харитона“ (харіусъ), налима, щуку и черную ягоду (голубика и черная смородина); польза есть ничего сырого, жирнаго, соленаго и испорченаго; всякая пища должна быть хорошо проварена. Такой пищевой режимъ рекомендуется соблюдать до 3-хъ лѣтъ.

¹⁾ Въ данный времена узнали объ ея лѣчебныхъ свойствахъ отъ коряковъ. У ботаниковъ *Rhododendron chrysanthum* считается растеніемъ лдовитымъ; здесь же, но общему правилу для пихкъ широтъ, оно это свойство утратило.

²⁾ На полуводерный чайникъ—3 листка и 3 корешка; кипятить, не замазывая глиной ни крышки, ни посока.

Есть еще два способа лѣченія сифилиса, но, очевидно, заимствованные съ запада—оть русскихъ: лѣченіе „сапареемъ“ (сарсапарильный корень—*Radix Sarsaparillae*) и лѣченіе киноварью.

При первомъ, больного укладываютъ въ пологъ на 40 дней, давая ему ежедневно утромъ, въ полдень и вечеромъ—по чайной чашкѣ крѣпкаго горячаго отвара сарсапарильного корня, приготовляемаго тѣмъ же способомъ, какъ и крѣпкій отваръ „коряцкой травы“. Для приготовленія 120 чашекъ отвара достаточно одного фунта корней. Все время лѣченія больного берегутъ отъ простуды и лишаютъ сахара; остальной пищевой режимъ и вытяжные ѣластыри на язвы такіе же, какъ и при лѣченіи „коряцкой травой“, отваромъ которой обмываются язвы и весь больной и при сарсапарильномъ лѣченіи.

Въ давно прошедшія блаженныя времена, когда можно было свободно привозить спиртъ съ Аюйской ярмарки¹⁾, практиковалось еще лѣченіе „сарсапарильно-спиртое“: пили „сапарей“, настояенный на спирту. Избраники судьбы, имѣвшіе возможность воспользоваться такимъ лѣченіемъ, были счастливцами вдвойнѣ—во-первыхъ, напивались, а это для марковца дороже всего, а во-вторыхъ, не должны были ложиться въ пологъ и остерегаться простуды, такъ какъ такое великолѣпное средство, какъ спиртъ, дѣлаетъ эти предосторожности излишними. Пищевой режимъ обыкновенного сарсапарильного лѣченія все же соблюдался. Комичный всего то, что одинъ старикъ увѣрялъ меня въ особой „пользительности“ лѣченія сифилиса „сапареемъ“ на спирту.

2. Для лѣченія киноварью, смотря по развитію болѣзни, больного укладывали въ пологъ на 20 или 40 дней; никакими отварами его не поили, но предосторожности отъ простуды и пищевой режимъ соблюдались такіе же, какъ и при лѣченіи „коряцкой травой“. Все лѣченіе киноварью состояло въ томъ, что врачующій всего одинъ разъ, въ 1-й день лѣченія, окуривалъ у больного язвы парами киновари. Для этого плоскіе раскаленные камни клались на желѣзную сковороду, съ которой врачующій залѣзалъ въ пологъ къ больному (обоимъ имъ предварительно завязывали

¹⁾ Верстахъ въ 800-хъ оть Маркова и верстахъ въ 250-ти оть Нижнеколымска—Аюйская крѣпость на р. Сухомъ Аюѣ.

глаза¹⁾, носъ и ротъ). Затѣмъ порошокъ киновари насыпался на горячію камни и парами его окуривались язвы, которыхъ ежедневно послѣ того обмывались прокипяченной водою и къ нимъ прикладывался вытяжной пластырь (на бумагѣ) изъ желтаго воска, перетопленнаго вмѣстѣ съ натуральной лиственичной смолой (живица)²⁾. Иногда, впрочемъ, пользовались для этого и жеванной кедровой древесиной. Сифилитическая язвы, не поддавшіяся этимъ способамъ лѣченія, присыпались иногда купоросомъ, который, по разсказамъ, имѣлъ видъ маленькихъ камешковъ зеленаго цвѣта³⁾.

Ихъ сперва клали на горячій камень, отъ чего они становились сырьми, а потомъ толкли и порошкомъ этимъ присыпали язвы; отъ этого больные сильно кричали. Киноварь и купоросъ покупались въ Гижигѣ; лѣченіе имѣ, вообще практиковавшееся рѣдко, не примѣнялось уже болѣе 30 лѣтъ.

Лѣченіе „коряцкой травой“ и „сапареемъ“ примѣняется и теперь при тяжелыхъ формахъ наследственнаго сифилиса, но безуспешно.

Судя по разсказамъ о такихъ признакахъ „косыѣвой или худой боли“, какъ опухоли, гноящіяся язвы и сильныя боли въ костяхъ, сопровождавшіяся иногда разрушениемъ ихъ, можно, пожалуй, заключить, что это былъ уже третичный періодъ сифилиса, который только и начинали лѣчить, не умѣя распознать первыхъ періодовъ болѣзни. Объ успѣшности только что описанныхъ способовъ лѣченія, теперь трудно, конечно судить; можно установить лишь тотъ фактъ, что со временемъ послѣдней вспышки эпидеміи сифилиса, въ началѣ 2-й половины прошлаго столѣтія, наибольшей популярностью пользуется лѣченіе „сапареемъ“, которому здѣшняя молва приписываетъ очень хорошия результаты. Текущиye моники—„сапарейники“⁴⁾, несмотря на преклонный возрастъ, довольно бодры, и большая часть ихъ ничѣмъ, повидимому, не

¹⁾ Одна старуха, лѣчившая киноварью, отъ этого, говорятъ, ослѣпла.

²⁾ Вытекающій изъ растущаго дерева и затвердѣвающій на корѣ; ее собираютъ и очень любятъ жевать. Называютъ „сѣра“, а настоящую сѣру (*Sulfur*) зовутъ „горючая сѣра“.

³⁾ Должно быть *Ecetrum sulfuricum* стидин.

⁴⁾ О числѣ ихъ сказано выше.

отличается отъ своихъ здоровыхъ сперстниковъ¹⁾). Все же у иныхъ изъ нихъ иногда появляются язвы; въ дурную погоду все они жалуются на боль въ костяхъ, а дѣвь старухи изъ такихъ, умершія въ недавнее время, имѣли признаки развивающейся тро-тичной формы сифилиса.

Въ 1905 г. умеръ въ Марковѣ старикъ юкагиръ Ив. Борисовъ; онъ былъ торговцемъ и лѣтъ 20 тому назадъ взялъ къ себѣ въ домъ сильно больного „косяѣвой болью“ сорокалѣтнаго чукчу изъ „кауралий“ Бутылена; лѣчили его „санаресмъ“ и вылечились. Въ благодарность за это, кромѣ единовременной хорошей платы пушиной и битыми оленями, Бутылэнъ ежегодно денежно промѣнивалъ исключительно Ив. Борисову всю свою пушину и прочее, привозившееся имъ изъ Чукотскаго полуострова для торгоши на Анадырѣ; кромѣ того, даромъ былъ ему оленей. У Бутылена былъ хороший табунъ и пушинны бывало помногу („цѣбця буль завотистой“). Такая благодать окончилась 1900 годомъ,—въ зиму съ 1900 на 1901 г. гололедица, какъ и опо уесьма многихъ, погубила у Бутылена почти весь табунъ; съ тѣхъ поръ онъ пересталъ появляться на Анадырѣ, и Ив. Борисовъ окончательно захудалъ. „Косяѣвѣа болѣ, когда у кого уанатца, не дай Господи, пытать коряпку трапу; это одно ересство досѣльныхъ людей—имъ людесно вилѣживались“. Такой отзывъ о старинномъ способѣ лѣченія сифилиса далъ мѣстный старикъ чуканецъ Сем. Ш-опъ, лучший знатокъ мѣстной старини; но какъ я уже упомянула, съ средини прошлаго столѣтія стали предпочитать лѣченіе „санаресмъ“.

Здѣсь, какъ и везде, современники надѣляютъ своихъ предковъ разными завидными свойствами, въ числѣ которыхъ занимаютъ не послѣднєе мѣсто долгая жизнь и способность легко и скоро, даже иногда не лѣчась, избавляться отъ болѣзни, которыхъ къ тому же въ тѣ времена было менѣе тендеренциаго; съ послѣднимъ приходится согласиться: не далѣе, какъ въ началѣ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія, страшная опустошенія произвела въ колымскомъ краѣ натуральная осна, о которой до того не слыхали; къ счастью, она сюда не дошла; но и здѣсь съ того же временія появилась неизвѣстная до того инфлюэнза съ осложненіями, дающа-

¹⁾ Между „санарейниками“ есть двое сыновъ гундомъ—одинъ мужчина и одна женщина, а у другой—огрь бывшей на лицѣ сифилитической язвы шрамъ во всю щеку и перекошенное лицо.

съ тѣхъ поръ наибольшій % смертности. Въ началѣ 1900 г. появилась здѣсь впервые корь (въ формѣ эпидеміи).

Рядомъ съ сифилисомъ приходится поставить „черноту“ („чернота или цѣрная болѣ“), какъ болѣзнь, имѣющую съ нимъ иѣ-которое сходство. Эта своеобразная болѣзнь (Колымскаго проис-хожденія) характеризуется тѣмъ, что страдающіе ею, болѣе или менѣе, чериѣютъ²⁾, при чомъ все тѣло и лицо покрываются черными пушками. Особенно опаснымъ periodомъ считается время съ 1-го июня по 15 августа³⁾; въ это время больнымъ рекомендуется особенная осторожность отъ простуды и тщательное лѣченіе. Простуживаться при „чернотѣ“ вообще опасно, т. к. это влечетъ за собою появление на тѣлѣ прыщей⁴⁾, могущихъ, при дальнѣйшей неосторожности, превратиться въ большіе нарываы по всему тѣлу, влекущіе за собою смерть. Въ мартѣ 1906 г. умеръ отъ „черноты“ тридцатилѣтній юкагиръ Митрофанъ Чанинъ; въ концѣ лѣта 1905 г. онъ простудился („прохололился“)—появились прыщи, головная боль и боль въ костяхъ; затѣмъ отъ лѣченія мѣстными средствами стала поправляться, но не воостре-речся и среди зимы, въ большую стужу, сѣвѣздить въ дальнюю дорогу въ плохой одеждѣ и опять простудился. Послѣ того слегъ и въ половинѣ марта въ большихъ мученіяхъ (кричалъ отъ болѣй) умеръ; передъ смертью былъ очень черенъ и весь въ большихъ нарывахъ и язвахъ—одна рука перегнила поти до кости.

Мать покойнаго болѣла сифилисомъ и „чернотой“ и умерла, говорятъ, отъ этой послѣдней. Задолго до смерти М. Чанина, отъ „черноты“ же умерло двое его братьевъ и двѣ сестры⁵⁾. Въ на-стоящее время остается въ живыхъ изъ всей этой семьи одна

²⁾ При спальномъ разлитіи болѣзни, мало отличающейся отъ негровъ, но тонь этой черноты совершенно тусклый, землистый.

³⁾ Въ это время чернота усиливается и пушокъ увеличивается.

⁴⁾ При первомъ обостреніи болѣзни отъ простуды, прыщи бываютъ на лице, кистяхъ рукъ и ступняхъ; иногда сходятъ поти, но излѣчепіе, вырастающее вновь. Итогомъ легко простудиться, памокая при неподѣбѣ, произволившейся въ самое критическое для „черноты“ время. Кромѣ того, почти всѣ лѣтнія заня-тия марконцевъ соединены съ памоканіемъ,—изъ лучшихъ случаѣвъ, промычива-ютъ только поти. Поэтому больнымъ „чернотой“, все время, пока планируютъ на-лодкихъ, рекомендуется особая осторожность.

⁵⁾ Двое умерло дѣвьми, а двое подростками. Была еще одна сестра, полуум-ная, умершая отъ кори въ 1900 г.

лишь замужняла сестра покойного, „чернотой“ не больная, но родившая одного изъ своихъ троихъ дѣтей въ черномъ пушкѣ, державшемся около 2-хъ лѣтъ. Говорятъ, что рожденіе такихъ дѣтей избавляетъ мать отъ опасности самой заболѣть „чернотой“.

Въ настоящее время есть здѣсь съ явными признаками „черноты“ двое мужчинъ и пять женщинъ—всѣ люди семейные и имѣющіе дѣтей; есть, кромѣ того, нѣсколько подозрительныхъ по „чернотѣ“ дѣтей. За послѣднія десять лѣтъ четверо такихъ больныхъ—двое мужчинъ и двѣ женщины—умерло отъ разныхъ другихъ болѣзней. „Чернота“ сильно распространена, и только немногія семьи могутъ поквалиться тѣмъ, что въ роду у нихъ никто ею не болѣлъ. Болѣзнь эта передается не только по прямой, исходящей линіи, но вообще коренится въ роду: у здоровыхъ родителей изъ пяти дѣтей одинъ смыть вдругъ съ „чернотой“,—оказывается, что его покойная тетка „чериѣла“.

„Чернота“ отца или матери передается далеко не всѣмъ дѣтямъ. Марковцы считаютъ эту болѣзнь излѣчимой на томъ, вѣроятно, основаніи, что больные, неуклонно слѣдующіе мѣстному способу лѣченія и требующему при немъ режиму, не получаютъ острой формы. Гибель почти всей семьи Чаниныхъ, къ счастью, исключеніе. Отъ „черноты“ пьютъ отваръ „дивитѣльника“¹⁾ (*Tanacetum boreale*), рѣже—крапивы (*Urtica dioica*); моются и умываются ими же; но это лѣченіе облегчаетъ лишь временно. Радикальнымъ же средствомъ считается отваръ „коряцкой трапы“, приготовляемый slabѣе (менѣе горькимъ),²⁾ тѣмъ при лѣченіи сифилиса; этотъ отваръ пьютъ вѣсто воды въ теченіе трехъ лѣтъ; въ теченіе того же времени еженедѣльно моются отваромъ „дивитѣльника“ и имъ же ежедневно умываются. Иногда вѣсто отвара „дивитѣльника“ моются и умываются отваромъ крапивы. Нашевой режимъ такой же, какъ и при лѣченіи сифилиса. Паціентъ считается излѣченнымъ, если въ критическое для „черноты“ время—съ 1 июня по 15 августа—болѣзнь, противъ обыкновенія, неустанаетъ усиливаться. Всѣже на мой взглядъ, цѣсть лица у такихъ вылѣчивавшихся значительно темнѣе, тѣмъ у людей „чернотой“ не болѣвшихъ—

¹⁾ Название ликой рабини—„дивитѣльникъ“—указываетъ на то, что она будто бы помогаетъ отъ девяти болѣзней.

²⁾ Чтобы можно было пить, не насылая себѣ („сунѣрбъ“—терпимо).

иныхъ,—онъ у нихъ почти такой же, какъ у больныхъ „чернотой“ въ слабой степени.

6) Въ началѣ 1900 г. занесена была изъ гижигинскаго уѣзда на А纳дырь корь, имѣвшая эпидемическій характеръ. Она была здѣсь впервые и унесла изъ числа марковцевъ около 8%;¹⁾ переболѣли положительно всѣ²⁾. Послѣ того она больше не появлялась³⁾, а дѣтская корь, столь обыкновенная и неизѣжная въ Европѣ, здѣсь совершенно неизѣстна. Мѣстнаго способа лѣченія кори нѣть.

Осенью 1906 г. было что-то вродѣ *внѣренной оспы*; болѣли, преимущественно, дѣти. Голова, лицо и все тѣло покрывалось небольшими красноватыми опухолями, превращавшимися затѣмъ въ струпья. Температура была повышенная; протекала болѣзнь довольно легко. Мѣстнаго способа лѣченія этой болѣзни нѣть. Всякія струпья зовутъ „коростами“.

8) Эпидемія, именуемая здѣшней официальной медициной инфлюэнзой, проявляется сильнымъ жаромъ, головной болью, ломотою тѣла, кашлемъ и болью горла; она нерѣдко осложняется колотьемъ въ бокахъ и затруднительностью дыханія. Сравнительно съ другими болѣзнями, она уносить наиболѣшее количество жертвъ,⁴⁾ но преимущественно, изъ числа стариковъ и дѣтей. Обыкновенно она бываетъ почти каждый годъ дважды: въ началѣ зимы и къ веснѣ. Замѣтально то, что инфлюэнза никогда не появляется раньше возвращенія марковцевъ изъ дальніхъ поездокъ въ Гижигу, къ бухтѣ барона Корфа и на Ново-Маріинскій постъ. Съ весны 1904 г. и по декабрь 1906 г. ея не было. Простало ли эта случайность? Дѣло въ томъ, что ни въ 1904, ни въ 1905 г.г. по слуху войны съ Японіей, не было пароходнаго сообщенія нашего сѣвера съ Владивостокомъ и зими^{1904/5} и ^{1905/6} гг., при наличіи обычныхъ дальнихъ поездокъ,⁵⁾

¹⁾ У чукочъ и ламутовъ 9% смертности былъ гораздо болѣйшей.

²⁾ Мы, приложивъ элементъ, перенеслисъ изъ свое времія дѣтскую корь, не болѣли; не тронула корь и покойныхъ стариковъ Щипицыныхъ—священника и его женой, болѣвшихъ сю когда-то очень давно въ Колымскомъ краѣ.

³⁾ Писано въ концѣ 1907 г. на О-вѣ Берингѣ.

⁴⁾ Годы, когда она бываетъ въ легкой формѣ, очень рѣдки.

⁵⁾ Ни на Ново-Маріинскій постъ, ни въ бухтѣ барона Корфа пароходоить изъ Владивостока не было. Въ Гижигѣ же былъ отгуда одинъ пароходъ осенью 1905 г.

были безъ инфлюэнзы. Лѣтомъ 1906 г. пароходное сообщеніе съ Владивостокомъ восстановилось, а въ декабрѣ уже стали сю боязнь¹⁾). Лѣтомъ 1907 г. инфлюензу привезъ владивостокскій пароходъ срочнаго рейса „Уссури“. Въ началѣ августа, когда я на немъ уѣжалъ съ Ново-Маріинскаго поста, тамъ почти всѣ были уже больны. За послѣднія десять лѣтъ это было впервые, что эпидемія началась лѣтомъ. Обыкновенная инфлюенза, по марковски, — „горацка“; осложненная колотьемъ въ бокахъ — „кобъль“, а затруднительнымъ дыханіемъ — „удусъ“; оба эти осложненія бываютъ и одновременно. Въ общемъ, когда больному какой бы то ни было болѣзни трудно дышать, то говорятъ, что его „затыкаѣтъ“.

При сильномъ жарѣ („горацка“, „зарь“), къ рукамъ, ногамъ, кѣстамъ пониже реберь („точки мѣстъ“) и пахамъ больного привязываютъ куски намоченной въ холодной водѣ оленьей шкуры или камасы²⁾. Если можно достать, то предпочтительнее для той же цѣли мясо свѣжей щуки. Лѣтомъ привязываютъ свѣжіе листья „саламайника“ (это не шаламайникъ, а caccalia hasfata), или „мачихи“ (не мать и мачиха, а Petasites); рѣже употребляютъ „урасъ“ (Chenopodium album), говорятъ, что отъ больного „обесѣливать“. Нить даютъ воду съ мятою (привозной), „кислицой“ (красная смородина) и „брусындой“ (брюсника). Даютъ мерзлую рыбу, мерзлое мясо (то и другое конечно въ сыромъ видѣ) и кусочки льду.

Все это дѣлается для того, „чтобы зарѣ вѣгивала изъ нутря“.

Отъ „колоти“ нагрѣтый на огнѣ камень заворачиваются въ мокрую тряпку и прикладываются къ тому мѣсту, противъ которого колетъ; иногда вместо этого натираютъ бока водой, настойкой на тояченомъ нашатырѣ или мочой; эту послѣднюю даютъ и во внутрь по $\frac{1}{2}$ чайной чашки на ночь³⁾). Поять еще водой, вскипяченной съ „громовой стрѣлой“⁴⁾ и, наконецъ, употребляютъ

¹⁾ Въ это время привозятся на пароходъ разные товары, полученные съ пароходовъ.

²⁾ Кожа съ оленыхъ ногъ.

³⁾ Иють или свою мочу или девичью — мальчиковъ до трехъ лѣтъ.

⁴⁾ Чаще всего небольшіе куски обсидіана конусообразной формы, (л. б. nucleus или кусочки обточенные водой), но отнюдь не наконечники копий и стрѣль каменного вѣка; сомнительно, чтобы послѣдніе назывались громовыми

следующее симпатическое средство: синюю сахарную бумагу прикрываютъ то мѣсто груди, противъ котораго колетъ, и тычутъ въ нее ножомъ, повторяя 3 раза подъ рядъ — „ни миша колеѣтъ, а я тиба колю“). Если къ „колоти“ присоединяется „касель (кашель) или „удусъ“, то больному даютъ пить вмѣсто воды отваръ „богульника“ (bagulnikъ — *Ledum palustre*), значительно облегчающій кашель и дыханіе. Богульникъ считается очень хорошимъ средствомъ отъ всякаго кашля. Кроме всего перечисленного, у больного инфлюензой стараются вызвать испарину, прикрывая его возможно теплѣе.

Прежде — „до начальства“¹⁾ — лишь только заслышать, что гдѣ либо, по близости, „горацка съ колотѣмъ или удусѣмъ“, какъ сейчасъ же по всѣхъ поселкахъ гасили „зилѣзной огонь“ (зажигаемый при помощи кремня и огнива) и „дѣлали дириванѣй“²⁾. Дѣлали его шаманъ или наговорщикъ, а за испытаниемъ ихъ, какой либо опытный въ такихъ дѣлахъ старикъ. Каждый не исключалъ дѣтей, подрѣзая 3 стружочки изъ маленькой щепочки („зѣлѣнка“) сухого дерева, зажигалъ ее на „деревянномъ огнѣ“ и держалъ во рту, пока не гасла. Это должно было предохранить отъ заболѣванія, а въ худшемъ случаѣ, если всѣ же человѣкъ заболѣвалъ, облегчить болѣзнь. Затѣмъ „деревянный огонь“ разносили по избамъ и пользовались только имъ, пока болѣзнь не прекращалась. Все время болѣзни, вмѣсто сырой воды, пили слабый отваръ багульника.

³⁾) Дезинфиція, въ формѣ легкой эпидеміи, была за послѣднія десять лѣтъ всего одинъ разъ зимою 1902/3 гг. Отъ неї умерло тогда трое дѣтей. Единичные случаи поноса съ кровью не рѣдки, но оканчиваются благополучно.

Обыкновенные поносы часты, особенно лѣтомъ, когда падаютъ

„громовыми стрѣлами“, хотя о томъ приходилось читать; всякому вѣдь видно, что они дѣло руки человѣческіе.

¹⁾ Первый окружной начальникъ А. Ф. Грицевецкій прибылъ на А纳дымъ въ 1889 г. До того А纳дымск. край принадлежалъ къ Гижигинской округѣ и „папульскимъ“ бывало лишь наѣздомъ, да и то не каждую зиму.

²⁾ Въ плоскую досечку, имѣющую фигуру человѣка (безъ ногъ и руки) упираютъ деревянный стержень, быстро вertiaщійся, какъ спираль, при помощи особаго лучка. Отъ такого тренія довольно скоро получается огонь. Для скорости подкладываютъ немногого древесного угля.

ся до отвалу разной лгодой. Все это „поносъ“¹⁾ отъ котораго пьютъ поду съ толченымъ бересовынъ углемъ, крѣпкій и круто насоленный кирпичный чай и отваръ брусличныхъ листьевъ и вѣточекъ („бруслиникъ“), пить который считается полезнымъ чуть ли не при всѣхъ болѣзняхъ²⁾. „Пользительно“ дѣйствуетъ и сладкая желтая глина; ее размѣшиваютъ въ прокипяченой водѣ и, давъ осѣсть твердымъ частямъ, пьютъ эту мутную сладковатую жидкость. Этотъ сортъ сладковатой глины не такъ полезенъ, какъ настоящая бѣловатая сладкая глина, не содержащая въ себѣ твердыхъ частей. Ее находятъ только въ горахъ и зовутъ „сладкая земля“; разведенная въ прокипяченой водѣ, она похожа на болтушку изъ ржаной муки и вкусомъ, говорятъ, напоминаетъ оленье молоко. Ее считаютъ хорошимъ лѣкарствомъ не только отъ поноса, но и отъ „застойной воды“ (изжога), боли подъ ложечкой и лихорадки. Этую глину очень любятъ дикие бараны. Намуты зовутъ ее „Тажъ или Тажу“.

(16) *Заушина* („заусница“) частая гостья; бываетъ одинаково и у взрослыхъ и у дѣтей; имѣть характеръ эпидемической. На ночь прикладываютъ къ опухоли, предварительно нагрѣвъ, или занюханный мѣховой чулокъ (короткій—„онѣцкъ“) или слежавшуюся травяную стельку изъ обуви. Кромѣ того, пьютъ въ продолженіе 40 дней по три чашки въ день—утромъ, въ полдень и вечеромъ горячий, но не крѣпкій настой ольховыхъ барашковъ³⁾ („барабаскъ“) на водѣ.

Рожа бываетъ единичными случаями да и то рѣдко. Къ ней, кажется, слѣдуетъ отнести и такъ называемый злѣсь „литучій огонь“; онъ появляется въ видѣ распространяющейся болѣзнистой густой, красной, мокнущей сини, скоро сливающейся и покрывающейся струпомъ. Небольшой ожогъ углемъ на верхней части груди у ребенка повлекъ за собою распространеніе „лестучаго огня“ черезъ плечо на спину. Волютъ имъ, преимущественно, дѣти, но не часто. Какъ рожу, такъ и „лестучій огонь“ лѣчать

¹⁾ Занимавшися называніе. Собственно говоря, „поносомъ“ называютъ течеи рѣчныхъ и другихъ водъ, а про страдающихъ поносомъ говорить между собою „дрѣссы“.

²⁾ Такимъ же универсальнымъ средствомъ считается и Богородская трава (*Gymnopus Serpyllum*)

³⁾ *Alnus viridis*.

такъ: зовутъ двухъ мужчинъ—одного первенца въ какой-либо семье, а другого послѣдыша¹⁾. Старшій (первенецъ) высѣкаетъ огнivомъ искры на больное място и въ то же время между ними и младшимъ происходитъ слѣдующій діалогъ: Младшій—„Богъ помочь!“ Старшій—„Спасыбо!“ Младшій—„Циво рубись?“ Старшій—„Литучій огонь рублю“. Младшій—„Сики его горазно, чтобы онъ вѣкъ и по вику не булъ“. Это продолжается три вечера подрядъ. Фигурирующіе при этомъ огнivо и кремень, все три дня лѣченія, не „дѣрзатъ“, т.-е. не употребляютъ по прямому назначению.

(17) *Перемежающаяся ликорадка* („въ дроздъ бросасть“) бываетъ рѣдко, единичными случаями, и въ легкой формѣ. Лѣченіе состоится въ томъ, чтобы хорошенъко пропотѣть. Хорошимъ лѣкарствомъ считается „сладкая земля“, о которой сказано выше. Если у больного обметываются губы или онъ у него трескаются, то ихъ ма- жутъ жиромъ изъ „глѣїки“²⁾ или ушной сѣрои.

(18) *Кашляютъ* („касѣль“) постоянно; этому способствуютъ часто и рѣзкія перемены температуры, плохо устроенные дома и постоянное намоканіе при ловлѣ рыбы и разныхъ поездкахъ весной, лѣтомъ и осенью. Не рѣдки случаи застарѣлого кашля, особенно у стариковъ.

(19) *Чахотка* („касѣль-цихѣтка“ или просто цихѣтка) и здѣсь находитъ не мало жертвъ,—за послѣднія десять лѣтъ умерло отъ нея семь душъ обоего пола; въ томъ числѣ одно молодое супружество, одно супружество среднихъ лѣтъ, одинъ ножилой мужчина и двое мужчинъ среднихъ лѣтъ; у всѣхъ, кроме двухъ послѣднихъ, остались дѣти. Симптомы развившейся чахотки такъ типичны, что говоря о ней, я, кажется, меньше всего рисую опасность въ просакѣ. О сомнительныхъ случаяхъ, безъ рѣзко выраженныхъ симптомовъ, я здѣсь не поминаю.

Оғь кашля хорошо помогаетъ отваръ багульника; иногда довольноствуютъ тѣмъ, что берутъ въ ротъ его листья и сосутъ

¹⁾ Могутъ быть и женщины.

²⁾ Глинная большая плошка, на которой горить можетъ въ жиру морскихъ животныхъ. У сидячихъ чукочъ и айвановъ служить для осѣщенія внутри пологовъ и для варки пищи; у марковцевъ ихъ уже почти нѣть.

(„смокиютъ“). Пьютъ еще настой: полыни („камений полынь“¹)—*Pulsatilla patens* и цветы шиповника („сыниний цветки“—*Rosa acicularis*).

Отъ чахотки пьютъ отвары: „дусоицы“ (*Dracoccephalum*), „папоротника“ (*Nephrodium fragrans*), оленьего моха („блой оленевый мохъ“—*Stereocaulon*) и „згонъ“ (этой травы я не досталь); эти же травы закладываютъ за щеку, какъ табакъ, и слону проглатываютъ.

Хоча не совсѣмъ, а узъ крѣпко поддѣрживать; хоча цѣловѣкъ каслять, но духъ простираю и даѣтъ отдохъ“. При боляхъ въ груди, какъ и при „колоти“, пьютъ на ночь по $\frac{1}{2}$ чайной чашки дѣтской мочи (мальчиковъ до 3 лѣтъ) и сю же съ паштатыреемъ натираютъ грудь².

1) Насморкъ („насмѣрка“) на каждомъ шагу; у большинства онъ, кажется, никогда не прекращается; часто сопровождается струпьями въ носу, а иногда и гнойными, зловонными истечениями. Отъ насморка нюхаютъ дымъ можжевельника („вересникъ“); тоже, говорятъ, хорошо помогаетъ дымъ отъ жгучаго конята ликаго барана или порошокъ отъ него же.

2) Носовая кровоточенія („кровъ тикѣтъ изъ носу“) очень часты; не рѣдки обильныя и съ трудомъ останавливаляемыя. У иѣкоторыхъ они повторяются каждую весну. Лѣчать, намачивая голову и переносъ холодной водой или сѣбгомъ; ноздри промываютъ холодной водой или набиваютъ сѣбгомъ. Замѣчаютъ, изъ какой ноздри идетъ кровь обильнѣе, и на соответствующей руки туго перетягиваютъ ремешкомъ два послѣдніе пальца. Кромѣ того, считается „полезительнымъ“ устроиться такъ, чтобы кровь изъ носу капала на горячую голову.

3) Кровопотекія изъ горла („кровъ идетъ изъ рѣта“), не влекущія за собою дальнѣйшихъ тяжелыхъ послѣдствій, не очень рѣдки; иногда они прекращаются сами собой и довольно скоро, а иногда тянутся долго, годами, сильно истощая болѣющаго. Выпали случаи, когда такія затянувшіяся кровоточенія, изъ концѣ концовъ, влекли за собой скоропостижную смерть отъ хлынувшей изъ

¹⁾ Растущій по горамъ („каменья“); различаютъ еще другой видъ—„рѣбристой полынь“, растущій по акадырской долинѣ—*Artemisia vulgaris*.

²⁾ Для натирания годится моча и болѣе взрослыхъ дѣтей.

горла крови („задусылса кровью“). За послѣднія 40 лѣтъ насчитывается 5 такихъ случаевъ¹: умерло внесапно трое мужчинъ среднихъ лѣтъ, одна молодая женщина и одна девочка 13 лѣтъ; эта послѣдня была дочерью чахоточнаго отца и отличалась худобой, но какъ она, такъ и четверо остальныхъ, имѣющіе видъ людей здоровыхъ, умерли среди своихъ обычныхъ занятій. Отъ кровоточенія изъ горла пьютъ квасцы и очень крѣпкии чай съ солью.

Съ симптомами горловой чахотки умерло за послѣднія десять лѣтъ двое мужчинъ среднихъ лѣтъ.

4) На сердце („сердцева боль“) жалуются довольно часто, особенно на сердцебѣденія. Къ какой категоріи болѣзней сердца слѣдуетъ отнести эти страданія я, конечно, не знаю.

5) За послѣднія десять лѣтъ было два случая скоропостижной смерти: въ 1901 г. умеръ старикъ подъ 70 лѣтъ, а въ 1902 г.—старуха 65 лѣтъ. Вышнѣй тогда въ Марковѣ уѣздный врачъ Л. П. Колтунъ, въ 1-мъ случаѣ, опредѣлилъ смерть отъ болѣзни сосудистой системы и связанныго съ ней порока двухстворчатаго клапана, а во 2-мъ—отъ разрыва аорты. Лѣтъ 15 тому назадъ умерла скоропостижно на улицѣ девятилѣтняя девочка, посланная зачѣмъ-то къ соѣдямъ. Гижигинскій уѣздный врачъ, прїѣзжавшій для вскрытия, опредѣлилъ, какъ разсказываютъ, смерть отъ порока сердца. Про такія смерти здѣсь говорятъ „заткнулса“. При сердцебѣденіи, пьютъ Святую воду (Боголѣбенска или Святѣ водѣ). Если ся пить, то иконы обмываютъ простой водой, держа ихъ надъ какимъ-либо сосудомъ. Эта стекшая съ нихъ вода и замѣняетъ „Боголѣбенскую“.

6) Вшивость—явленіе настолько обычное, что нѣть, кажется, семьи, которая бы отъ нея избавлена совершенно. Есть и такія семьи, которые, даже по марковской мѣркѣ, порешили въ этомъ отношеніи границы допустимаго. Особенно много этого добра разводится во время побѣдокъ. Слышалъ, что иѣкоторые старые люди передъ смертью были, буквально, осыпаны вшами и что бывали между ними и такие, у которыхъ появлялись на тѣлѣ струя, а изъ нихъ вши.

„Клик—да цѣловѣкъ будзѣтъ безъ волосъ—то никогда не будзѣтъ!“ Такую отповѣдь я получилъ отъ одного порядочно грамотнаго

¹⁾ Послѣдній такой случай былъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ.

и толковаго старика, когда ведумалъ его увѣрять, что у меня этихъ насѣкомыхъ нѣть и что я ими не обзавожусь даже во время дальнихъ поездокъ и почлеговъ по чукотскимъ юртамъ.

По увѣренію марковцевъ, вши, какъ и рыба и пушной звѣрь („пѣкость“), бываютъ, годами, не въ одинаковомъ количествѣ. Когда ихъ „скудно“, то это „вороэйтъ“ плохой ходъ рыбы. Миѣ известенъ случай, когда одинъ марковскій мѣщанинъ, покойный Иванъ Бѣляевъ, замѣтивъ однажды весной „скудось восѣкъ“ въ Марковъ и боясь поэтому недохода рыбы, хотѣлъ посыпать за ними верстѣ за 80, въ семью Ильинскихъ, славяющеся и цоныиѣ особеннымъ обилиемъ этого добра. Илцуть и уничтожаютъ головныхъ вшей всегда при помощи туного ножа; бѣлье, одежду и постельные принадлежности вымораживаютъ, а въ дорогѣ трясутъ наль огнемъ. Когда въ головѣ ужъ очень много вшей, ее моютъ щѣлокомъ („себлокомъ“).

Чесотка („перецѣсть“) у марковцевъ явленіе довольно рѣдкое; они, между прочимъ, ся стыдятъ, а потому скрываютъ, пока можно. Получить чесотку—„оноганілса“ или „царапатца“. Она считается болѣзнью „горихъ людей“—чукочъ, бродячихъ ламутовъ и бродячихъ чувашцевъ, которыхъ марковцы считаютъ ниже себя и какъ бы по-евреѣски не чистыми: послѣ угощенія ихъ всегда тщательно перемываютъ посуду, чтобы не „опоганиться“. Про умершаго некрещенаго чукчу не скажутъ „померъ“, а „пропалъ“, т.-е., какъ про собаку и другихъ несѣбѣдныхъ животныхъ; про сѣбѣдныхъ говорятъ „усиуль“.

Выраженіе „пропалъ“ употребляется иногда и въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о смерти крещенаго чукчи и даже ламута¹⁾. Въ настоящее время (1906/7 г.г.) случаи чесотки у марковцевъ участились,—съ 1903 г. она постепенно охватила прианадырскихъ чукочъ, бродячихъ ламутовъ и бродячихъ чувашцевъ, а съ ними у марковцевъ постоянная сплошнія. Все лѣченіе состоитъ въ томъ, что чесоточные струниа растираются до крови комкомъ конскаго волоса отъ старой рыбной сѣти.

¹⁾ Ламуты крещены около 150 лѣтъ тому назадъ; язычниковъ между ними нѣть. Про бродячихъ чувашцевъ не скажутъ „пропалъ“—они „родники“: главное ядро марковцевъ (54 яслиныхъ души изъ 83-хъ) состоять изъ сеянныхъ чувашцевъ.

1) Це рѣдкое употребленіе въ пищу сырого мяса и рыбы и постепенное питье сырой воды, зачастую даже изъ такихъ мястѣ, гдеѣ она въ конецъ испорчена массой уснувшей красной рыбы, должны, конечно, способствовать развитію глистовъ. Сказать о нихъ что-либо определенное не могу; слышалъ только не разъ, что у некоторыхъ имѣстѣ съ испражненіями выходятъ какіе-то красные червячки (цѣрви²⁾—такъ называются и червяковъ и насѣкомыхъ), а у одного, по его словамъ, вышелъ однажды длинный кусокъ благо, плоскаго червя³⁾). Специального лѣченія нѣть.

2) Очень часты запоры („задний проходъ запирать“), боли подъ ложечкой, соединенные съ тошнотой и рвотой („болитъ подлозка“, „тоснить“, „блѣоть“) и обыкновенные поносы („попобъ“). Для развитія этихъ катаровъ почва весьма благопріятна: есть всякое сырье, пьютъ сырую, испорченную воду, очень любятъ лимонъ⁴⁾ („кислос“ или „кисло“). Отъ „подлозки“ дляятъ сухую горчицу, точеный перцъ и пьютъ разведенную сладкую землю и „Богоявленскую воду“, а отъ тошноты пьютъ холодную воду. О лѣченіи поноса сказано выше.

Анина („горло болитъ“) случается часто, бываетъ съ налетами и изъязвленіями, но протекаетъ благополучно.

Кромѣ лѣченія, практикуемаго при заушницахъ⁵⁾, пьютъ еще настой „горячика“ (этой травы я не досталь). Кромѣ того, просыпаешься ночью, больной каждый разъ долженъ намоченнымъ слюной безыменными нальцемъ обвести большое място, дѣлано кругомъ солницу; некоторые сонѣтуютъ имѣсто круга дѣлать на большомъ мястѣ, крестъ. То и другое полагается дѣлать, не говоря ни слова и не приподнимаясь на постели.

Желтуха („лицо или цѣловѣкъ золотѣтъ“) бываетъ очень рѣдко и протекаетъ благопріятно, но помнить и такие случаи, когда запустившись болѣзнь умирали. Отъ желтухи пробуютъ сперва смотрѣть подолгу на какую-либо желтую матерію или желтую⁶⁾

¹⁾ У большинства красныхъ засосевыхъ рыбъ весь желудокъ и кишечные придатки наполнены очень длиннымъ бѣлымъ, котѣчальнымъ, плоскимъ червемъ, чий ядъ.

²⁾ Хорошо еще, что въ южной испорченной рыбѣ не развивается рыбий ядъ.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ „Золотица“; краягъ золотой охрой, находимой въ горахъ; охру эту маркыцы плавутъ золотой глиной⁷⁾.

⁵⁾ Этнограф. Обзоръ. Кн. XC—XCI.

ровдугу, „чтобы ёловъицкая (ёловъицкая) золтий садилась на этотъ матиръяль“. Если этотъ способъ не действуетъ, то бе-рутъ живую щуку и помыкаютъ въ корыто съ такимъ количествомъ воды, чтобы она могла держаться въ немъ въ своемъ естественномъ положеніи; болѣй, покрывъ голову чѣмъ либо желтымъ, садится у самого корыта и пристально, не отводя глазъ, смотрить въ желтые глаза щуки до тѣхъ поръ, пока она не уснетъ. Если болѣзнь не проходитъ сразу, то продолжаютъ то же самое еще дважды. Утверждаютъ, что болѣе 3 дней и 3 живыхъ щукъ на избавленіе отъ желтухи не требуется. Послѣ каждого сеанса, уснувшая щука оказывается, будто бы, сильно пожелтѣвшей—болѣзнь въ нее переходитъ. Если такую уснувшую щуку есть собака, то окончательно; поэтому ихъ не выбрасываютъ на дворъ, какъ всякие другие отбросы, а кладутъ куда-либо высоко, чтобы склевали «вороньи» и сороки, или закапываютъ въ землю. О лѣчении желтухи шаманами будетъ сказано ниже.

Въ началѣ лѣта 1904 г. умерла одна молодая женщина съ симптомами рака яичника. Лѣчили ее, конечно, всякими способами: и препаратами латинской кухни и спасами „среевами“ отъ разныхъ болей живота („брюхо“), и, наконецъ, ухмылялись надъ ней «бабуски», предполагая женскую болѣзнь.

Весной 1907 г. умеръ въ Марковѣ одинъ пожилой мужчина, страдавшій около года какимъ-то дефектомъ тощевода; послѣдніе пять мѣсяцевъ передъ смертью онъ только изрѣдка, да и то съ большими усилиями, могъ проглотить чутъ-чуть чего либо жидкаго. Проглатываемое останавливалось, но его слопамъ, глѣ-то въ груди; послѣ неудачныхъ усилий чго-либо проглотить, оно извергалось назадъ съ яйцомъ. Съ такими же симптомами умерло здѣсь въ 1903 г. еще трое: пожилой мужчина, такая же женщина и старуха. Всѣ они говорили, что „ни тибѣ флуска, ни тибѣ ций, ни тибѣ водїска ни прокатываюца—все, мольца, назать идотъ“. Весной 1905 г. умеръ отъ такой же болѣзни обѣднѣвший оленный чукча Лигалъ.

Сть болей въ печени („печень“) пьютъ «живительникъ» (Tonacetum boreale).

Съ пупочными грыжами у лѣтей будетъ сказано ниже. У взрослыхъ же грыжъ вовсе не быть, и о нихъ не знаютъ. Есть, впрочемъ, выраженіе: „ахъ, будь ты кілопата“—его часто вставляютъ въ свою

волѣзни и рожденіе человѣка въ селе Марковѣ на Аладыре. 99

рѣчь покойный лесной старикъ Егоръ Березинъ. Надо поэтому думать, что грыжи у взрослыхъ когда-либо бывали¹⁾.

До 1901 г. жилъ въ Марковѣ старикъ финляндѣцъ Андрей Кинкинъ, у которого была моночная грыжа (кила); онъ умеръ въ 1905 г. въ Гижигѣ. Его болѣзни удивлялись.

Случай выпаденія прямой кишки очень рѣдки.

Изрѣдка жалуются и на почки („пѣцыки или пѣтки болятъ“). Въ настоящее время есть одинъ такой больной, мужчина лѣтъ сорока; за послѣднія десять лѣтъ отъ болѣзни почекъ умеръ всего одинъ пожилой мужчина. Отъ почекъ пьютъ настой «лонукъ» (Pirola incana) и юдятъ ея высушенные листья; пьютъ еще настой «медвѣдьяго корня» (Boschniakia glabra).

Задержаніе мочи („моць или мочь заинпрѣйтъ“)—явленіе не рѣдкое. О томъ, что въ мочевомъ пузырѣ можетъ быть камень, знаютъ, но думаютъ, что это бываетъ только у мужчинъ. Лѣчить такъ: толкнуть въ порошокъ кусокъ «хрусталия»²⁾ или сургуча и пить съ водой; пить также настой «каменнаго полыни» (Pulsatilla patens) и «цирилля» (этой травы я не досталъ). Кроме того, стараются найти между рѣчной галькой («дресна») камешки съ дыркой и черезъ нее мочатся—пусть, дескать, моча проходить также свободно по своимъ путямъ, какъ черезъ эту дырку.

Разнообразные лишай («лаціха») очень часты. Есть семьи, въ которыхъ они не выпадаютъ. У некоторыхъ лишайами испорчены ногти; у одного, еще молодого человѣка, ногти сходили совершенно, но опять выросли. Лѣчить, присыпая лишай тортымъ изрѣдка, или порохомъ, или сѣрой, можуть еще пѣтомъ съ оконь; изрѣдка же средстvомъ считается только шитье („сить наокругъ лаціху“): кожу вокругъ лишая простегиваютъ иглой со вѣтыми нитями женскимъ волосомъ, намазаннымъ углемъ; синие подкожные знаки отъ этого остаются навсегда.

Разныхъ сипней не оберешься; синь, при которой кожа, наопушу, чувствуется гладкой, зовутъ «синь»; все остальное—«коросты». Синь обыкновенноничѣмъ не лѣчить; въ лучшемъ случаѣ, обмывать отваромъ «живительника».

¹⁾ При описаніи пупочныхъ грыжъ у лѣтей будетъ помянуто и обѣ одномъ случаѣ моночной грыжи.

²⁾ Просто кусокъ какой-либо стеклянной посуды.

При наличии большой остроты зрения¹⁾, не мало красныхъ, слезящихся мазъ, особенно у женщинъ. Надо думать, что постоянное шитье, зачастую въ полуутмѣ, стрижанье у пылающего чува-ла и въ дыму костра и дымление кожъ служатъ тому причиной. Мужчинамъ приходится патрежать глаза все же меньше.

Общими причинами неудовлетворительного состояния глазъ анадырского населения надо считать: весеннее солнце, дымъ поваренья, дымокуры отъ комаровъ и мошки и рѣзкіе зимніе выѣты, въ особенности съ ноземкой („хіусъ“)²⁾.

Картузы съ козырьками, да и то не все, носятъ въ Марковѣ, только лѣтомъ, когда собственно говоря, можно обойтись и безъ козырьковъ; весною же, въ наиболѣе неблагоприятное для глазъ время, и зимой приходится носить теплые малахай, не имѣющіе никакого приспособленія для прикрытия глазъ. Весною, правда, иѣкоторые иногда³⁾ поворачиваютъ малахай бокомъ и устраиваютъ себѣ изъ присущенной нижней части наушника какъ бы козырекъ. Зимой этого сдѣлать нельзя—ушки и щеки оказались бы отмороженными.

Не очень давно были въ употребленіи въ весеннее время „наиѣрники“ — это родъ привязного козырька, сдѣланного изъ оснований стволовъ гусиныхъ перьевъ⁴⁾. Лучше всего, конечно, защищаютъ глаза отъ весеннаго солнца очки. Испородцами и до сихъ поръ употребляются самодѣльныя очки изъ дерева, моржевой кости и тонкихъ металлическихъ пластинокъ; въ нихъ прорѣзаны горизонтально длинныя, узкія щели. Въ настоящее время казенными складомъ выписывается въ уѣздъ значительное количество дешевыхъ синихъ и дымчатыхъ консервонъ съ щѣтками. Они хороши для защиты глазъ отъ весеннаго солнца. Зимою здѣсь очковъ, конечно, не надѣнешь — ими и обморозишь да и сами они такъ обмерзнутъ, что все равно, ничего не увидишь.

¹⁾ Верегахъ съ 20 отъ Маркова на SSW, на градской анадырской долинѣ рельефно выѣтаетъ Момолинская сопка, имѣющая около 200' высоты. Во время весеннаго хода дикаго оденя, за появленіемъ его на этой сопкѣ (покрытой еще сѣфомъ) сдѣлили съ Марковской кодокозы.

²⁾ Отъ такого „хіуса“ у изрѣзанныхъ собакъ идетъ иногда кровь изъ глазъ.

³⁾ Весной далеко не всегда такъ тепло, чтобы это можно было сдѣлать, не рискуя ушами и щеками.

⁴⁾ У ипородцевъ они и сейчасъ въ употребленіи (1907 г.), но мало.

Болѣе всего болѣютъ глазами весною — въ мартѣ, апрѣль и началѣ маѣ, когда здѣсь уже очень много солнечнаго света. Отраженіе химическихъ солнечныхъ лучей отъ снѣга, а въ особенности отъ паста, такъ поражаютъ глаза, что днемъ большинству нельзя обойтись безъ консервовъ. Безъ нихъ въ глазахъ очень скоро появляется острая боль, ѿчки распухаютъ, глаза сильно краснѣютъ и обильно слезоточатъ; болитъ голова. Про человѣка въ такомъ состояніи говорятъ, что онъ „слѣпуетъ“. Нѣкоторые начинаютъ „слѣповатъ“ еще въ февралѣ, особенно когда нападаютъ сѣбѣгіи снѣгъ¹⁾. Есть, впрочемъ, и такіе, которые настоличимъ образомъ не „слѣпуютъ“ даже безъ консервовъ²⁾. Къ этому надо добавить, что въ самое худшее для „слѣпованья“ время, поздней весной, когда бываютъ часты промыслы и Ѵада производятся почами, тогда совершенно слѣпыми, а днемъ снятъ. Когда въ апрѣльскій солнечный день гаѣ либо на открытомъ мѣстѣ приподнимаешь консервы, то все вокругъ кажется какимъ-то желто-краснымъ. У менѣ здоровые глаза и хорошее зрѣніе, но въ иной солнечный весенний день даже въ селеніи или въ лѣсу безъ консервовъ болѣно глядѣть и плѣтъ слеза.

Консервы и нахѣваль только въ дорогѣ, да и то не всегда; „слѣповатъ“ же только разъ, да и то одинъ правымъ глазомъ. Это случилось въ апрѣль 1907 г., по время поѣздки къ истокамъ р. Анадыра: пока глазъ не заболѣлъ, я Ѵхалъ безъ консервовъ, но въ мѣхономъ картузѣ съ большими козырькомъ; надѣвъ консервы, я ужъ не снималъ ихъ до дома, хотя благодаря имъ, глазъ пересталъ болѣть черезъ три дня.

Отъ „слѣпованья“ привыкаютъ на глаза холодное сырое мясо, распластанную рыбу или намоченную въ холодной водѣ тряпку и стараются, какъ можно лучше, защитить глаза отъ сѣфа.

Въ настоящее время среди марковцевъ есть испорченными глазами есть такіе: съ бѣльмомъ на одномъ глазу — двое пожилыхъ мужчинъ, одинъ 15 л. мальчикъ, одинъ 11 л. мальчикъ, одна пожилая женщина, две женщины среднихъ лѣтъ и одна молодая женщина. Полуслѣнныхъ, съ красными, слезящимися глазами — пять старухъ, одна женщина среднихъ лѣтъ и одинъ пожилой мужчина.

¹⁾ Слѣпуютъ и въ сумрачные весенние дни.

²⁾ Такихъ несмѣя немного.

Самых двоих—семидесятилетний старик и шестидесятилетняя старуха. Недавно умер сильной мужчина средних лет, у которого глаза были постоянно плотно закрыты¹⁾. Есть еще девять женщин, у которых вытекло по одному глазу; у одной из них, старухи, это случилось от какой-то болезни глаза, а у другой, женщины средних лет, от того, что по глазам стекнули живой ниткой; раны чистые, глаза долго болели. Дети часто рождаются с больными глазами.

Лечение глаза наиболеे варварское изъ всехъ осталъшихъ. Можно думать, что оно-то ихъ окончательно и портить. Самымъ безобразнымъ лѣчениемъ можетъ, конечно, почитаться прысканье въ только что заболевшіе глаза молокомъ изъ женской груди. Къ сожалѣнію, этимъ далеко не ограничиваются.

Если на вывороченныхъ вѣкахъ больныхъ глазъ замѣчаются маленькие волоски, то ихъ вырываютъ особыми желѣзными щипчиками, а если тамъ оказываются нарывчики („инуркі“), то ихъ соскальзываютъ или „топоркомъ“, служащимъ или „метаниемъ“ крови, или кускомъ сахара, или корешкомъ листового табаку, или сухой травой, или, наконецъ, личинкой опола, взятой подъ шкуру убитаго оленя²⁾. А то возьмутъ огниво, подержать его на морозѣ и приложить къ „инуркамъ“ да съ ними и оторвутъ. На образовавшійся отъ удаленія „инуркѣ“ ранки прыскаютъ молокомъ женской груди или намазываютъ ихъ трубочками нагаромъ (коричневая жижка, образующаяся въ чубукѣ—„оскрянка изъ дѣрзамои трубки“).

Если начнется дѣлаться бѣльмо, то въ глазъ влупаютъ немного мелко истолченного сахара или порошка изъ серебра³⁾. Иногда посредствомъ нера намазываютъ бѣльмо „березовымъ легтемъ“, приготовляемымъ такъ: зажигается бересковая луна и надъ ею пламенемъ нагреваютъ холодный топоръ или ножъ; отъ

1) Оедѣнъ лѣтъ 12 тому назадъ. Говорятъ, у него съ молодото былъ опухоль подъ склерами („золотуха“), которая, несмотря на применявшися мѣры, не прорвалась, но разошлась. Это то и нахочо—золотуха бросилась на глаза, и въ результатѣ—больные глаза, покачивавши лицомъ съблизитѣй. Въ настоящее время есть здѣсь молодой изрѣзъ или бродечка измугога, осѣянной, какъ говорятъ, при такихъ же условияхъ.

2) Желудообразная съ конечностями какъ бы ножками—зарубочками.

3) Чтобы получить этотъ порошокъ, скоблять ножомъ какой-либо серебряный предметъ, чаще всего ложку.

этого на желѣзѣ получается мокрая копоть („бтиоць“)—это и называется „бересовымъ легтемъ“.

Личистъ („ицьменъ“) первѣки. Лѣчить такъ: берутъ иголку со вѣтвой шнѣкой; эту послѣднюю прикрѣпляютъ къ волосамъ пациентка такъ, чтобы иголка висѣла поперекъ больного глаза день или два—„ицьменъ боятца иголку и пронадѣтъ“.

Другой способъ гораздо проще; неожиданно для больного, быстро подносятъ къ глазу съ ячменемъ „кукисѣкъ“¹⁾ съ выкрикомъ: „Аа, вотъ тиѣ кукисѣкъ!“ Больной сдрогнѣтъ, а тутъ заражать ни цѣловѣкъ, а ицьменъ и отъ того пронадѣтъ“.

Если ухо начнетъ „стремлять“, то кладутъ въ него небольшой кусочекъ намоченного въ водѣ листового табаку или вливаютъ немного крѣпкаго табачнаго же настоя на водѣ, а то засовываютъ тряпочку, намоченную въ трубочномъ нагарѣ, или вливаютъ одинъ этотъ нагаръ („оскрянка“). При шумѣ въ ушахъ или начинающейся глухотѣ, положивъ больного набокъ, вставляютъ ему въ ухо воронкообразную трубку изъ бумаги („свицѣ“) и зажигаютъ съ верхняго конца. „Свицѣ“ этой даютъ добрѣть почти до самаго уха. Говорятъ, что она „вычѣгливать изъ уха сырость“, и больной „отъ того исправлѣтца“. Изъ пестарыхъ людей сильно тутъ на ухо только одинъ мужчина. Старикъ отецъ его болѣлъ сифилисомъ и сильно гудилъ. Дочь глухого, девочка лѣтъ 15-ти, глухонѣмая; есть еще другая глухонѣмая девушка, лѣтъ 19-ти.

Зубы вообще плохи и болятъ часто. Если иѣть душилъ, то стараются между больнымъ вѣбомъ и соѣдинимъ засунуть маленький кусочекъ моржового ромилъ или „троегранной тундряной травы“ (сарех). Если же душило есть, то въ него кладутъ терпкий табакъ, а иногда клади (и чилибуху („кулубкъ“), покупавшуюся прежде для добыванія иушиныхъ звѣрей²⁾ въ этомъ послѣднемъ случаѣ боли, конечно, чтобы больной не глотать слюны.

Для вырыванія зубовъ пользуются крѣпкой жильной шнѣкой. Рассказывали мнѣ и о такомъ оригинальномъ способѣ удаленія больного зуба: старикъ Абрамъ Собольковъ, котораго въ 1897 г.

1) Но то, что насыпь кукисѣкъ это называютъ, и просто выдвинутый вѣсомъ впередъ изъ сжатаго кулака сгѣбъ безъмѣннаго пальца. Такъ у насъ делаютъ, обыкновенно, при дракѣ, чтобы больше ударить.

2) Съ приѣзда ли Анаадырь начальника округа И. А. Гончарова, промышлять отравой было запрещено.

я уже не засталъ въ живыхъ, желалъ вырвать у себяъ болѣй зубъ, приказалъ женѣ приготовить длинную и крѣпкую жильную нитку¹⁾; однимъ концомъ этой нитки онъ обвязалъ болѣй зубъ, а къ другому привязалъ тяжелый молотокъ, которымъ, выйдя на дворъ, и запустилъ въ пространство. Зуба, конечно, какъ не было, но за то и старикъ на ногахъ не устоялъ.

Ревматизмъ, конечно, не рѣдки („бувагъ прохолодіца—спина или ноги или руки ломать“), но такихъ которые дѣлали бы человѣка инвалидомъ, наблюдать не приходилось, хотя условія для нихъ здѣсь самыя подходящія. Отъ зомоты въ рукахъ носятъ браслеты красной мѣди, коричневой работы, а спину и ноги лѣтать таисъ: накинять въ болѣйшомъ желѣзномъ котѣ около двухъ фунтовъ брускичныхъ кустиковъ съ листочками (брушистникъ)²⁾. Какъ только этотъ отваръ остынетъ на столько, что можно стерпѣть („сусѣрѣ“), садятся возлѣ и опускаютъ въ него ноги, вода должна хватать до колѣй.³⁾ Сидѣть таисъ часа по три ежедневно и, будто бы, для 3—4 „юлесно вѣтѣщаютса и спина и ноги“. Лѣтать иногда и ноги мѣдными браслетами, но рѣдко. Нарись въ башнѣ, положи болѣйшую спину вахаестатъ, хорошенько вѣнчикомъ изъ полыни („рѣцнаго полыни—Artemisia vulgaris“).

„Если отъ патуаной работы надѣргась руку или ногу въ суставѣ⁴⁾ то болѣйшо мѣсто наѣды сѣть, а буде сѣть ии помогать, стѣвать еди“. Шитье производится такъ же, какъ и при лѣченіи липаинъ, но не вокругъ болѣйшаго мѣста, какъ тамъ, а просто по немъ. Прибѣгая къ „еди“, на „надерганий“ суставъ кладутъ желѣзный аутъ,⁴⁾ дыркой проткнъ середину болѣйшаго мѣста: наѣбо, видное въ эту дырку, кладутъ кусочекъ зараженнаго трута и держатъ до тѣхъ поръ, пока тѣло подъ нимъ не сморщится. Образованійся отъ этого струпъ не лѣтать—онъ гноится и изъ него чѣчетъ что-то въ родѣ воды: этимъ и „боль иходитъ“.

¹⁾ Или оленевыхъ жилъ.

²⁾ Имеютъ при ревматизмѣ и настой брушистника, заваривая его для этого чайникъ. Нигдѣ его считается очень подозрительнымъ при всякой болѣзни; горицѣ и крѣпѣй пьютъ, какъ и другое лѣкарственное настоекъ, а остуженный и свѣтлый—умѣтъ воду.

³⁾ Не суставный ли ревматизмъ?

⁴⁾ Жерданий скребокъ для выскабливанія шкурукъ: при выѣздаѣ онъ круглый и съ дыркой посерединѣ.

На боль въ поясницѣ („поясница болѣть“) жалуются довольно часто. Лѣтать, преимущественно, припарками („пирать“). Распаривъ на сильно нагрѣтомъ камѣ сырой тундрой мохъ (Sphagnum) или „рѣцнай полынь“, намоченный предварительно въ водѣ или человѣтской мочѣ, прикладываютъ къ болѣйшому мѣсту; иногда припаркой служить кусокъ дымленины,¹⁾ предварительно намоченный, а затѣмъ нагрѣтый у огня. Нариться въ башнѣ полынью: вѣнчикомъ тѣ же хорошо. Какъ и при боли въ почкахъ, пьютъ настой „лопусковъ“ и щадить ся высушенные листья.

Слышится, что немного пониже поясницы („пистѣвокъ“) появляется почти внезапно такая сильная боль, что, какъ говорится, ии сѣть, ии сѣть. Съ одной ножной женщиной это случилось послѣ дня вѣзы на партѣ, въ которой она сидѣла, упираясь поясницей въ задокъ. Это и называется „уцѣбъ“; такъ же называютъ и сильныя боли въ спинѣ, не поддающіеся никакому лѣченію.

Какъ и при лѣченіи „лѣтучаго огня“, зовутъ первенца и послѣднюю. Большого кладутьничкомъ напрѣкъ порога входной двери, головою въ избу; на болѣйшо мѣсто, плечо тѣла, кладуть налку или вѣнчикъ.

Перенесъ съ топоромъ въ рукахъ становится въ дверяхъ бокомъ—правая нога на лѣвой, лѣвая въ избѣ, а послѣдній у головы большого. Происходитъ повторяемый трижды тотъ же дѣялогъ, что и при лѣченіи „лѣтучаго огня“: поминаютъ только, конечно, „уцѣбъ“. Рубя предметы, полученные изъ спинѣ большого, первенецъ дѣлаетъ это „сусѣрѣ“ для него. Продѣлываютъ это три вечера подъ рядъ, „когда зоря гаснѣтъ“. Топоръ, палку или вѣнчикъ все три для лѣченія ии на какія другія надобности не употребляютъ.

Цѣна, какъ эпидемія, здѣсь не бываетъ; бываютъ лишь единичные случаи, да и то въ легкой формѣ. Въ Марковѣ есть двѣ чувашскія семьи²⁾, въ которыхъ чаще, чѣмъ въ другихъ, идти, иѣть да и заболѣть кто-либо изъ дѣтишекъ „рѣтомъ“³⁾. Служ-

¹⁾ Продамашинен покрышка юрты (тумъ).

²⁾ Семьи—Афанасія Дычкова и Гаврилы Соболькова.

³⁾ Бываетъ это, обыкновенно, въ началѣ весны, пока не станеть очень легко добывать листья „спѣвѣну“.

чается это далеко не каждый годъ и серіозною болѣзнью не считаєтъ. За послѣднія десять лѣтъ былъ, впрочемъ, однажды и такой исчадійный случай: весной 1900 г. одна чуванская семья¹⁾, болѣя, какъ и всѣ остальныя, корью, заболѣла одновременно и сильной цингой. Отецъ и мать, люди среднихъ лѣтъ, но болѣзниеные, не выжили, а двое ихъ маленькихъ сыновей выздоровѣли. Зимой съ 1905 на 1906 г. на Ново-Марійскомъ посту болѣльцы цингой съ опухолью ногъ казакъ Егоръ Селиановъ. Этому 1906 г. онъ былъ отиравленъ въ Петропавловскъ на Камчаткѣ, где и выздоровѣлъ. При цингѣ рекомендуется полоскание рта квасцами, дѣтской мочой, а еще лучше—оленевой. Полощутъ и настоемъ морошечныхъ стебельковъ съ листьями и цветками („мороссеникъ“—*Rubus Chamaemorus* L.).

Послѣ сказанного о постѣдствіяхъ сифилиса, о золотухѣ сказать почти ничего. Разсказывали мнѣ про два случая, когда „золотуха падала“ у молодыхъ на зубы, которые отъ этого выпадали всѣ и вновь не вырастали, но за то, будто бы, никогда нечезала и золотуха. Объ осѣнившихъ отъ „золотухи“ я уже поминутъ раньше. Дѣтей, у которыхъ бываютъ часто пары, опухоли подъ скулами и гнойная истеченія изъ ушей, считаютъ болѣвыми „золотухой“. На „проломъ“, т.-е., когда пары лопнули, для стягивавія „дурости“ прикладываютъ отмоченные въ теплой водѣ листья ольховыхъ кустовъ („бѣльха“—*Alnus viridis*) или „мандиши“. Въ то же время больного погать настоемъ ольховыхъ барвиковъ („бараскѣ“) или „двигательника“. Это лѣченіе даетъ, будто бы, скорые и хорошие результаты.

То, что у насъ зовется головной парою, считаютъ то же „золотухой“, пачкой на голову; такихъ зовутъ „солудѣвыми“ или „коростеямы“ (парша—„корѣсты“). Головы у нихъ моютъ краснымъ отваромъ ольховой коры, настоемъ „двигательника“, цванини-ника или перебродившей мочой. Иногда, кромѣ того, обѣиваютъ голову ольховыми листьями, а во время оленѣаго промысла вынимаютъ изъ только что убитаго оленя малый желудокъ, быстро его очищаютъ и, всполоскунъ, еще горячимъ наѣдають на голову, какъ чайникъ; спинаютъ, когда сопиренію остынетъ. Съ парою на головѣ въ настоющее время трое; есть еще двое—

¹⁾ Ильинъ Дьячкова, родного брата покончившаго Аланасія.

одинъ старикъ, а другой мужчина среднихъ лѣтъ,—у которыхъ она давно прошла, оставивъ черепа почти голыми. Порядочно лысый, но не отъ парши, есть всѣго одинъ мужчина, лѣтъ за 40. Лысыхъ отъ чего бы то ни было зовутъ „опрѣжиними“ или говорятъ—„голова опрѣла“.

Бываютъ продолжительные и сильныя боли головы, которая „бѣлиты“ люди объясняютъ темъ, что голова „стreichнѣта“. Причины считаются—ущибы головы, человѣкое наденіе или прыжокъ. Думаютъ, что отъ одной изъ этихъ причинъ мозгъ можетъ податься вправо или влево, увеличивая темъ объемъ соответствующей половины черепа, раздающейся, будто бы при этомъ всѣдѣствіе растяженія черепныхъ тканей („спой“). Бываетъ, что „стreichнѣтая“ голова, переставъ болѣть, постѣ соответствующаго лѣченія, трясется иногда годъ и больше—это, говорятъ, отъ того, что сильно „стreichнѣтой“ мозгъ сталъ „зѣдкобѣ“. Станетъ онъ твердымъ и трясеніе головы прекратится.

Правлятъ голову („правсыкъ“), а такихъ въ Марковѣ нѣсколько¹⁾, прежде всего стараются определить, которая половина головы стала болѣе. Для этого онъ измѣряетъ окружность головы, выше ушей, таловыми личкомъ или ремешкомъ изъ бѣлой мандалки²⁾; на мѣриѣ лѣвасть значки уголькомъ—противъ средини лба, верхнихъ концовъ ушей и средины затылка. Снявъ послѣ того мѣрку, сравниваютъ длину обѣихъ ся половинъ; оказавшаяся болѣе длинной, ясно указываетъ, какая половина головы стала болѣе. Вотъ врачеватель и начинаетъ ее растирать („сѣркать“) и прижимать³⁾, при этомъ потряхиваетъ еще голову съ такимъ расчетомъ, чтобы мозгъ принялъ свое нормальное положеніе. Послѣ сеанса, голову тую стягиваютъ шнуркомъ⁴⁾. Такое лѣченіе продолжается иногда довольно долго и передъ каждымъ сеансомъ мѣрять голову помянутымъ способомъ, по каждой разъ новой мѣркой. Но мѣрѣ уменьшения разницы между обѣими половинами головы, уменьшается и боль изъ неї. Когда голова перестаетъ болѣть окончательно, то оказывается, что и обѣ половины мѣриенѣ стали равными,—тутъ и лѣченію конецъ.

¹⁾ Есть и мужчины и женщины.

²⁾ Выѣбланная особомъ образомъ перинная кожа.

³⁾ Чтобы „спой“ сошли.

⁴⁾ Это делаютъ при всякой боли головы.

Мигрень—тоже „стreichутая“ голова; если при ней опухаеть лицо, то къ опухшимъ мѣстамъ прикладываютъ холодные компрессы. Волосы съ головы слѣдуетъ бросать въ огонь, а не на дворъ, а то унесеть сорока себѣ на гнѣзло, и отъ того будетъ болѣть голова.

При боли головы, считается полезнымъ пюхать дымъ „дусинцы“.

Номю, что и у насть, въ орловской губерніи, будучи сиѣ маѣткомъ, я слышаль отъ крестьянъ про возможность „свернуть пунъ“. Вѣдѣсь, при этой болѣзни („свѣрнутый пунъ“), чувствуютъ въ животѣ бѣеніе о наружные покровы, какъ бы пульсированіе („токать“) какого-то небольшаго желвака,—это и есть „свѣрнутый пунъ“. Онъ можетъ биться и выше своего постояннаго мѣста, т.-е. пунка, и ниже его, и сбоку. Это явленіе, кромѣ общаго разстройства и болей въ животѣ, влечетъ за собою: въ первомъ случаѣ — рпоту съ кровью, а во второмъ и третьемъ — поносъ съ кровью. Можно „свернуть пунъ“, поднявъ что-либо тяжелое или вообще при сильнойнатужѣ: неудачно спрыгнувъ съ высоты, вытягиваясь сильно къ верху и, паконецъ, пемонко повернувшись во снѣ. Одна старуха говорила мнѣ, что въ молодости ей случалось не разъ „свертывать пунъ“ и иссе по снѣ. Въ послѣдній разъ его никакъ не могли „направить“, и она болѣла долго—до тѣхъ поръ, пока пунъ не приросъ гдѣ-то съ боку, кула былъ „свѣрнутъ“. Когда, при рожденіи, у младенца отрываютъ пуповину, то опытная „бауска-пупорѣка“ даетъ вытянуть со столовой ложкы крови—это, говорятъ, предохранять вносаѣствіемъ отъ „свертыванія пупа“.

Якутскій способъ лѣченія состоить въ томъ, что больного („немощнаго“) кладутъ ничкомъ на полъ „токающимъ свѣрнутымъ пупомъ“ на скрученный въ комокъ („лабтой“, „клубомъ“) женскій головной платокъ (накидка). Затѣмъ врачеватель („правсыкъ“), поставивъ одну ногу на спину больного, противъ пупа, береть его одновременно за правую руку и лѣвую ногу и трижды тянетъ вверхъ; продѣлать то же самое съ лѣвой рукой и правой ногой, онъ по трижды же приподнимаетъ его кверху—сперѣа за плечи, а потомъ вяявшись за нитки носъ колѣнами („подзѣлки“). Послѣ этого больной остается лежать ничкомъ въ растяжку, а на спину ему, освобожденную отъ ноги врачеавателя, кладутъ, противъ пупа, не очень тяжелый камень („задѣвать сунсрѣв кам-

вемъ“) или другую какую-либо соответствующую тажесть. Лежать въ такомъ положеніи полагается до тѣхъ поръ, пока пунъ, „тока“ все ближе и ближе къ своему настоящему мѣсту, не дойдетъ до него и не успокоится. Послѣ того, немногого погодя, можно осторожно повернуться на бокъ и такъ полежать или уснуть; до утра слѣдующаго для нужно лежать и, лежа, соблюдать во всѣхъ движеніяхъ крайнюю осторожность.

Кроющъ якутскаго, есть и два своихъ способа.

Первый изъ нихъ состоить въ томъ, что больного кладутъ на спину съ согнутыми въ колѣняхъ и поджатыми ногами; „правсыкъ“, массажируя животъ противъ „токающаго свѣрнутаго пупа“, постепенно „направляеть“ его на свое мѣсто, куда окончательно и подворяется при помощи черенка пожа или „камандѣрева“¹⁾; захватывть затѣмъ рукою кожу живота у пунка, завертываетъ ее „сунсрѣвъ“ направо и держить такъ до тѣхъ поръ, пока пунъ не перестанетъ „токать“. Тутъ больной осторожно принимаетъ сидячее положеніе, и завернутая кожа осторожно же опускается. Иногда вмѣсто запрѣтыванія кожи, поставленной на свое мѣсто, пунъ придерживаютъ тамъ иѣкоторое время опрокинутой и туго привязанной чайной чашкой.

Второй мѣстный способъ состоить въ томъ, что больной дважды подрядъ переворачивается черезъ голову²⁾ Надая при этомъ на спину, онъ каждый разъ долженъ имѣть ноги согнутыми въ колѣняхъ и поджатыми; продѣлать это, полагается встать на ноги и сейчасъ же упасть на полъ, ничкомъ и, вытянувшись планими, лежать такъ съ $\frac{1}{2}$ часа, прижавшиись къ полу всѣмъ тѣломъ и лицомъ. Этимъ пунъ и „направлѣта“.

При обоихъ мѣстныхъ способахъ послѣдующія предосторожности ночью послѣ „направки“ пупа тѣ же, что и при якутскомъ способѣ.

Лѣченіе „свѣрнутаго пупа“ производится вечеромъ.

Чиреи („цирой“) очень часты; иногда наблюдается что-то вродѣ эпидеміи ихъ.

Какъ только чирей „зацѣйтъ виходить, пупурѣкъ“ его мажутъ три для подряда гряду съ точильного бруска; отъ этого онъ „сбѣгаетъ и торлѣтца“. Если же запустятъ, а тѣмъ болѣе, просту-

¹⁾ Накидка, изъ которой вставлена „зуты“ (стр. 104).

²⁾ Кувыркомъ.

дить, то вокруг „едра“ дѣлается большая, болѣзнистая опухоль, къ которой тогда прикладываютъ, предварительно намочивъ въ водѣ: или кусочекъ заячьей шкурки („усканина“), или кожу съ заячьяго уха („усканьё ухо“), или мышнюю кожу („мисъя коза“), или кожу еуслика („иэрәсоцю“). Иногда эти пластыри намазываютъ еще простымъ желтымъ мыломъ, а иногда это послѣднєе прикладываютъ и одно, намазавъ на какой-нибудь лоскутокъ.

Этими средствами вызывается прорывъ чирья, но этого еще мало—онъ перестаетъ болѣть и проходитъ лишь тогда, когда выйдетъ изъ ранки стержень („едро“). Не рѣдко бываетъ, что у одного человѣка сразу появляется иѣсколько чирьевъ.

Вереда („вѣрій“) называется большая, очень болѣзнистая опухоль съ иѣсколькими иногда стержнями; иѣсколько такихъ опухолей одновременно, подобно чирьямъ, не бываетъ. Къ „вѣрію“ прикладываютъ что-либо загнившее, чаще всего гнилое („кислую“) юколу. Этимъ его „квасятъ, покудь не проломитъ“. Иногда пользуются для того же обваренными къ киняткѣ листьями чемерицы бѣлой („семеріца“, по самое распространенное название „кукусоцѧ трава“—*Vergatrium album* L.). Назрѣвшій вередь „опитные“ люди иногда вскрываютъ.

„Злынками“ называются очень болѣзнистые нарываы, бываю-щіе, преимущественно, на пальцахъ рукъ; изрѣдка бываютъ и на ладоняхъ. Кажется, это называется въ медицинѣ гнойнымъ воспаленіемъ сухожильныхъ влагалищъ. Больной налецъ сильно опухаетъ и горитъ. Для уменьшенія опухоли и жару его обвязываютъ тряпкой, намоченной въ холодной водѣ или такимъ же „краснымъ тундраннымъ мѣхомъ“ (*Sagittaria*). Для того, чтобы „злыникъ“ прорвался, къ нему прикладываютъ что либо загнившее или простое желтое мыло. Чаше же всего пользуются съ тою же цѣлью дѣтскимъ¹⁾ или своимъ каломъ.

У одного марковца, во время лѣтней поколки дикаго оленя на Усть-Майнѣ, сдѣлалось на правой руцѣ сразу два „злыника“—одинъ между среднимъ и безымяннымъ пальцемъ, а другой на ладони. Вся кисть руки сильно распухла, и больной очень страдалъ. Но совѣту „опитныхъ“ людей, наполнивъ своимъ каломъ $\frac{1}{2}$ рукавицы, онъ надѣлъ ее на больную руку и сверху обвяз-

¹⁾ Мальтиковъ.

залъ еще заячьей шкуркой. Въ тотъ же день попутствовалось значительное облегченіе, а на третій день пациентъ былъ уже совершенно здоровъ, только кожа съ кисти болѣвшей руки сопла, какъ „корица“. У одной марковской женщины сдѣлались („зародились“) „злыники“ сразу на трехъ пальцахъ одной и той же руки, и она очень страдала—не могла даже спать. Но благому совѣту одной „опитной“ старухи, мужъ больной ущемилъ между колѣнами голову суки, а пациентка по иѣскольку минутъ продержала у неї въ петлю („передней проходъ“¹⁾) свои больные пальцы. Уѣбряютъ, что на другой день опухоль и боль въ пальцахъ исчезли.

Если на пальцѣ дѣлается обыкновенный нарывъ, то его сперва подержать въ холодной водѣ, и затѣмъ обвязываютъ чѣмъ либо тонкимъ—обыкновенно лоскуткомъ какого-либо мѣха.

Къ *ранамъ* отъ прорвавшихся только что описанныхъ нарываовъ (чирьи, вереда, „злыники“ и простые нарываы), для скорѣйшаго ихъ излеченія, прикладываютъ иногда пластыри изъ оленяго жира, или листвиничной „сѣры“ (смола, живица) или листового табаку. Если вокругъ такой раны сдѣлается краснота и опухоль не уменьшаются, то вокругъ намазываютъ углемъ, „чтобы не приключился (приключился)antonovъ огонь“. Что такое, по марковски „антоповъ огонь“ и какъ его лѣчить, я узнать не могъ,—ссылаясь, очевидно, только название.

Къ опухолямъ отъ ушибовъ или появляющимся „доброволь“ (сами собой), для уменьшенія въ нихъ жару и излѣченія, прикладываютъ сырое холодное мясо, или такую же распластанную рыбу, или мокрую глину. Наилучшимъ же средствомъ отъ нихъ считается „бѣхольная трава“ (*Sedum*), которую прикладываютъ распаренной, прикрывъ сверху тряпкой, намоченной въ ся же настоѣ. Чистой этой, приготовляемой въ фарфоровомъ („бѣлой“) чайникѣ, пьютъ сперва по 5—6 чайныхъ чашекъ въ день, а по томъ, по мѣрѣ уменьшенія опухоли, все меныше и меныше. Въ легкихъ случаяхъ ограничиваются одиними припарками.

Если внутри опухоли можно предполагать гной, то „на про-

¹⁾ Женскій половой органъ; зовутъ еще „купкой“, (съ чукотскаго). Мужскій половой органъ—„передней товѣркѣ“ или „пырка“. Кроме того, употребляются и русскія простонародныя названія.

ломъ вѣзутъ" сырье листья чамерицы, а когда такихъ нѣть, то отмоченные сухіе.

Кровостанавливающими средствами при порѣзахъ и другихъ раненіяхъ служатъ: листевничая сѣра, толченый уголь, жженая заячья шерсть, тертый и листовой табакъ и „пороховица“ (дождевикъ, пороховикъ — *Pesteromyscetes*¹). При сильно кровоточащихъ порѣзахъ конечностей, ихъ тутъ перетягиваютъ ремесломъ выше раны.

У собаки, укусившей человѣка, срѣзаютъ на головѣ, межъ ушей, клюкъ шерсти. Половину этой шерсти кладутъ на горячіе угли и дымомъ отъ этого окуриваютъ укусъ; остальная часть срѣзанной шерсти кладется поверхъ кровостанавливающаго пластирия — такого же, какой употребляется при порѣзахъ и раненіяхъ. Собачью шерстью пользуются для того „чтобы къ тому имъ могла присоединиться друга какаѣ боли“. Основывается это опасеніе, во-первыхъ, на томъ, что собака „ноганая“, а во-вторыхъ, на томъ, что водобоязни хотя не знаютъ, но о ней слыхали. Пользованіе же при этомъ лѣченіи собачьей шерстью является, вѣроятно, остаткомъ помнитой уже выше „корянской вѣры“.

При переломахъ конечностей ихъ крѣпко увязываютъ между двумя или тремя соответствующими образомъ выструганными дощечками, а пациента, пока не полегчаетъ, поить водой съ порошкомъ красной мѣди²). До окончательного выздоровленія запрещается есть и пить горячое и есть „лукъ“ (ликий чеснокъ)³) и щуку, чтобы не горячить кровь. За послѣднія десять лѣтъ не было ни одного случая перелома костей.

Вычики править умбюгъ; они такъ же рѣдки, какъ и переломы — за послѣднія десять лѣтъ что-то я не припомню ни одного случая.

Обнаруживаются чрезвычайно рѣдко — здесь умбюгъ предохранять себя отъ этого. За послѣднія десять лѣтъ обморозилъ себѣ ступни лишь одинъ, да и то падають, убѣжавши въ зимой изъ дома и потерявши гдѣ-то въ сугробѣ обувь съ одной ноги. Привезя

зъ Круглые бѣловатые грибы безъ шапки; изъ средней темный зелено-желтоватый порошокъ. Растутъ на лихихъ; всевѣнной доходятъ до греческаго ореха.

¹) Скоблять для этого ножомъ ложку чайника красной мѣди.

²) Другого нѣть.

волзши и рожденіе человѣка въ сель Марковъ на Анадырь. 113

его домой, родные даже не знали, какъ поступить въ такомъ случаѣ, и стали согрѣвать обмороженную ступню у огня. Результатомъ этого явилась, конечно, долгая болѣзнь и потеря пальца. Къ уѣздному фельдшеру, жившему тутъ же, обратились, по обыкновенію, поздно.

Обожженное място намазываютъ мыломъ и человѣческими соплями. При сильныхъ ожогахъ, отрубаютъ у собаки конецъ хвоста, вершка на 2, и если обильно пойдетъ кровь, то вѣрятъ, что обожженный поправится. Кровью этой мажутъ ожоги. Давая обильно кровь, собака, будто бы, принимаетъ весь „варъ“ на себя⁴). Лѣтъ 30 тому назадъ у умершаго въ 1902 г. здѣшняго священника о. Митрофана Шипицына сильно обгорѣла маленькая дочь; рубили, говорятъ, хвосты у 13 собакъ, а крови не набрали и со столовую ложку — ребенокъ не выжилъ. За послѣднія десять лѣтъ былъ всего одинъ случай смерти отъ ожоговъ — обгорѣла и умерла маленькая девочка.

Подавленіемъ кладутъ на голову мелкіе остатки („крохи“) той фы, которой онъ подавился. Въ этомъ и состоитъ вся помощь. Смертей отъ этого за послѣднія десять лѣтъ не было.

Комары и мошки, особенно послѣднія, такъ иногда пакусаются, что лицо совершино заплываєтъ — трудно бываетъ узнать человѣка. Къ опухоли прикладываютъ тальниковыя (ны) листья, предварительно подержавъ ихъ у огня.

На погтихъ нальцовъ съ заусеницами дѣлаютъ ноперечные надрѣзы ножомъ.

Если угорѣшилъ въ памяти, то томя ему мочать холодной водой или обкладываютъ сырьемъ, холоднымъ мяномъ и послѣ того сама же нагреваютъ у огня. Одновременно кладутъ въ уши мерзлую ягоды, а если ихъ не лѣтъ, то кусочки мерзлого мяса или рыбы или лыду. Когда томя у огня высохнетъ и положенное въ уши растаетъ, то опять все лѣченіе продолжается сначала, и такъ до тѣхъ поръ, пока угорѣший не оправится совсѣмъ. Чтобы вызвать рвоту, усвасино напаиваютъ очень крѣпкимъ чаемъ. Если же угорѣший безъ памяти, то его поскорѣй выносятъ на дворъ и, спустивъ штаны, сажаютъ на сибирь. При этомъ у мужчины, чтобы не отморозить, заворачиваютъ во что-нибудь поло-

⁴) „Корянская сѣра“.

Этнограф. Обо р. Ир. ХС—ХСІ.

вые органы („перéдніго товáриssa“ и „твéсій мѣста“ — стволъ лѣтнороднаго члена и мочепика съ яичками). Женщины сажаютъ на спѣхъ безъ великихъ предосторожностей. Отъ такого „гресна“ скоро, говорятъ, приходять въ себѣ. Къ угару вообще очень чувствительны; въ этомъ я убѣдился, начавъ протапливать только что отстроенный домъ уѣзданаго управления—я чувствовалъ лишь некоторую тяжесть въ головѣ, а бывшіе тутъ же со мной марковцы и камчатскіе казаки угороали до того, что ихъ рвало. За послѣдніе десять лѣтъ смертей отъ угара не было. Угораютъ, преимущественно, зимой, когда избы сильно паталиваются на ночь. Хорошо еще, что отъ задыхающихся дровъ почти не остается углей; плохая стройка избы тоже въ данномъ случаѣ находка—угаръ имѣеть съ тепломъ быстро улетучивается.

Задыхающая болезнь несомнѣнно могли бы дать не мало темъ для специальной разработки. Не говоря ужъ объ обыкновенныхъ проявленіяхъ первности — быстрой смѣи настросинѣ, плачѣ по пустачнымъ случаемъ, вскрикиваниемъ при малѣйшей неожиданности, повышенной чувствительности при всякомъ страданіи и какой-то странной заангажированности¹⁾, марковцы, особенно женщины, подвержены различнымъ первымъ приступамъ, зачастую очень тяжелымъ. Бывали случаи, когда участвующіе первыми припадки оканчивались смертью. Не рѣдики случаевъ смерти маленькихъ дѣтей отъ родимца („йхо“)²⁾.

Выдѣляясь изъ числа первыхъ болѣзней „имираченіе“, какъ явленіе своеобразное, встрѣчающееся только, кажется, на земли сѣверо-востокѣ³⁾, и дѣтскій „родимецъ“, оставшийся, безъ особой погрѣшиности, можно, кажется, подраздѣлить на истерію и эпилепсию. Я, конечно, не собираюсь этого дѣлать, а привожу ниже лишь описание извѣстныхъ миѣй задыхающихся болѣзняхъ, явленій на первой почвѣ, наиболѣе характерныхъ и органи-

1) „Задыху́сь или задохнешь“ — слышится почти при каждомъ разговорѣ и, дѣйствительно, задыхаются и вскрикиваютъ во самомъ незначительному поводу.

2) Описаніе дальше, въ числѣ дѣтскихъ болѣзней.

3) Не знаю, наблюдалось ли это явленіе за предѣлами Колымы; въ Колымскомъ краѣ „имирачать“. Амадырскіе замуты, тѣ же тунгусы, перекочевавшіе сюда съ Колымы, сильно „имирачать“. Можно поэтому думать, что это явленіе существуетъ въ общирномъ районѣ распространенія тунгусского племени.

БОЛЬЗИИ И РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ СЕЛѢ МАРКОВЪ НА АНАДЫРѢ. 115

шальныхъ. Въ началѣ этой статьи я уже помниулъ, что пѣть пи одной марковской семьи, въ которой не было бы какихъ-либо первно-больныхъ.

Большинство пожилыхъ женщинъ, а въ особенности старухъ¹⁾, при визанномъ шумѣ, стукѣ, крикѣ, а иногда лишь громко скавашномъ словѣ, вообще при всякой неожиданности — пугаются; испугъ этотъ оказывается сильнѣе, если въ то же время на глазѣ у нихъ что-либо уронить, сѣлаютъ какой-либо особенный либо или что-либо къ нимъ прикоснется или ихъ задѣшетъ. Испугъ этотъ выражается выкрикомъ какої-либо своеобразной фразы или слова, иногда совершенно безсмысленныхъ, а зачастую и ненормированныхъ, повторениемъ испугавшихъ громко сказанныхъ словъ, подражаниемъ испугавшему звуку, бросившему въ глаза жесту или тѣлодвиженію — до паденія на землю включительно. Бываетъ, что испуганные бросаютъ чѣмъ попало въ испугавшаго или первого подвернувшагося; случалось даже, что набрасываются и грызутъ зубами. Все это и есть „имираченіе“. Подверженныи этому называются „имирачками“ и „имирацками“; чаще же всего употребляется глагольная форма „имирачиться“. Есть разная степень „имираченія“, но вообще, чѣмъ старше, тѣмъ „имирачать“ сильнѣе.

Если „имирачка“ крикнуть — „брось чашку!“ — то она это монитально исполнить, такъ же поступить и со всякой другой находящейся у нея въ данный моментъ въ рукахъ²⁾. Такимъ же образомъ можно заставить ее бросить въ кого-либо изъ присутствующихъ любую вещь. По окрику — „упади!“ — упадетъ и даже съ парты, хотя бы на земль. Съ одной изъ „старухъ-имирачестъ“ продѣлали соответствующій опытъ въ то вре-

1) Въ настоящее время лѣбѣдь „имирачать“ сорокъ одна женщина, т.е. большинство пожилыхъ женщинъ и старухъ, и всего одинъ старикъ. Поэтому, не дѣльшиесь, я и буду говорить лишь о первыхъ: никакой разницы между имирачиться мужчинъ и женщинъ нетъ. Чуччи, оленные коряки и эскимосы „имирачать“ въ самой незначительной степени, да и то только исключительно женщинами. Несколько больше „имирачать“ сидятъ паромы коряцкаго залива.

2) Ребенка не бросить; не бросить его даже при самомъ сильномъ испугѣ; поэтому „имирачкамъ“ поручаютъ маленькихъ дѣтей безъ всякаго опасенія.

мя, когда она плыла на вѣткѣ¹⁾ по мелкому мѣсту, но, къ счастью, этотъ опытъ не удался—старуха въ поду не упала, а выкрикивала лишь нецензурныя слова и махала всломъ. Вообще, не часто можно встрѣтить „имириячу“²⁾, которая, какъ здѣсь говорятъ, „всѣё (воусѣ) умъ терялъ“.

Существуетъ злая забава пугать „имириячку“ для общей потѣхи. Одна такая забава кончилась очень печально: внукъ заѣдой стаѣ пугать свою бабушку, та, „заимириячилась“, подавилась и тутъ же умерла.

Непосредственно послѣ наркомезма „имириченія“ чувствуютъ нѣкоторую слабость и разстройство, охаютъ и, въ заключеніе, почти всегда восклицаютъ: „о, Господи!“ Если же потѣшиются пуганіемъ „имирички“ долго, то она обыкновенно проситъ, чтобы ее оставили въ покое, а если эти просьбы не помогаютъ, то, въ большинствѣ случаевъ, сердится и уходитъ.

Съ „имирияющими“ были здѣсь въ разное время такіе случаи: нѣсколько женщинъ или гуськомъ по лѣсной тропинкѣ; второю шла „имириячка“. Испуганная, потѣхи ради, задними, она съ крикомъ бросилась на переднюю, та—бѣжать, но упала; „имириячка“ на нее и давай ей грызть голову—настула отгасили. Голова упавшей была изгрызена въ кровь.

Другая, пля нозади пятиадцатилѣтнаго мальчика, наступила нечаянно на его лыжу своей; тогдѣ упала, а „имириячка“ съ крикомъ навалилась на него и, пока прибѣжалъ, изгрызла у него вену голову, бывшую въ парикѣ. При этомъ она поглотилась струйкой съ волосами, и ее долго и сильно рвало съ кровью. Обѣихъ этихъ женщинъ въ 1897 г. я уже не засталъ въ живыхъ.

Сейчасъ жила старуха, которая, сильно испугавшись, грызть свою руку до синяковъ—зубовъ у нея, къ счастью, уже нѣть. Она же, испугавшись ряженыхъ, стала грызть кроватную ножку и пекалась себѣ ротъ до крови.

Другая, еще не очень старая, задумала убить поселившагося у ея избы суслика („иирѣска“), постомъ пугавшаго ее своимъ рѣзкимъ крикомъ. Притаившись возлѣ поры съ палкой, стала ждать. Но не тутъ-то было: появилась изъ поры, сусликъ сей-

¹⁾ Маленькая лодочка изъ одного свитаго флангами листами изъ тонкихъ деревьевъ.

часъ же вздыбливаетъ и быстро оглядывается по сторонамъ; этого довольно—забыть совершенно о своей палкѣ, старуха тоже пекакиваетъ, мотаетъ головой и что-то бормочетъ. Испуганный сундукъ съ очень рѣзкимъ крикомъ моментально бросается въ пору, а старуха, тоже съ крикомъ, растягивается на землѣ. Продѣланъ съ одинаковымъ успѣхомъ эту исторію нѣсколько разъ подрядъ, она совершенно разстроилась („обезсилилась“) и, отчаявшись въ успѣхѣ, обратилась къ мужской помощи, и сундукъ былъ застрѣленъ¹⁾.

Дѣвъ пожилая „имириячка“, сидѣвшія рядомъ въ числѣ женщинъ, оципывавшихъ упомянутыхъ дикихъ гусей, почти не могли дѣлать этой работы, такъ какъ имъ попеволѣ приходилось постоянно подражать грызущимъ собакамъ, тутъ же рядомъ отымающимъ другъ у друга гусиныхъ кишкѣ.

Одна „имирияющая“ старійка (уморѣ въ 1900 г.), увидавъ, что изъ Маркова нежданно-негаданоѣдетъ „повозка“²⁾—дѣло было на Ерополѣ—схватилъ изъ избы маленький столикъ, выбѣжалъ на дворъ и стаѣ съ нимъ бѣгать вокругъ избы, что-то бормоча и выкрикивая.

Всего, конечно, не перескажешь.

Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, какъ дѣвочки играютъ въ „имирию“, отлично ихъ копируя и потѣшая тѣмъ взрослыхъ. Эта забава, какъ мнѣ кажется, не остается безъ вліянія на позднѣйшее развитіе „имириченія“. Я уже поминалъ, что испуганная „имириячка“ не уронитъ ребенка; наврядъ ли также найдется такая, которая бросится въ поду или пролѣтаетъ съ собой какой-либо другой подобный рискованный опытъ. Есть и такія, которые, разсердившись, не „имиричатъ“. Серьезно больныя тоже не „имиричатъ“. Затѣмъ замѣти, что „имирички“ сами иногда не прочь служить потѣхой для окружающихъ. Изъ всего этого можно, пожалуй, заключить, что „имириченіе“ развивается отчасти искусственно и что его, до нѣкоторой степени, утрпируютъ.

¹⁾ Дѣло было дѣломъ изъ безлюдномъ тогда Маркова: старуха жила въ домѣ одна.

²⁾ Крытая нарты. Въ такихъ нартахъѣздятъ только чины уѣздной администраціи.

Первые припадки¹⁾ взрослых очень разнообразны; женщины подвержены имъ гораздо больше, чѣмъ мужчины.

Передъ припадкомъ плохо себя чувствуютъ („лихостѣтца“); немножко болѣть голова, появляется тоскливо-настроеніе и сонливость, но съ тѣжелымъ, пугающимъ спомъ, сопровождающимъ страшными сновидѣніями. Все время бодрствованія тоже чего-то страшно, сердце усиленно бьется, въ ушахъ шумъ; всякий, сколько нибудь рѣзкій, звукъ раздражаетъ и кажется, что потъ, потъ упадешь. Въ некоторыхъ случаяхъ задувается жизнь. Изрѣдка бываетъ, что „начавъ лихостѣтца“, крѣпко заснуть и тѣмъ избавляется отъ припадка. Въ большинствѣ случаевъ припадки бываютъ вечеромъ. Это объясняютъ тѣмъ, что вызывающая ихъ нечистая сила, для нее любить. Во время серьезныхъ и продолжительныхъ болѣзней нерѣдко проявляется и первое разстройство, выражющееся „припадкомъ“ съ выкриківаниями и пѣснями, похожими на пѣманье. Это считается благопріятнымъ признакомъ и сулитъ выздоровленіе!

Въ наиболѣе легкихъ формамъ первого разстройства приналежатъ: довольно продолжительная сильная и очень громкая *трома* („инѣтца“²⁾ — *извѣстъ*), истерической смѣхъ и плачъ и то, что здесь называется „пѣшитца“ (пьянъ). Это послѣднее состояніе выражается тѣмъ, что больные патаются, погнутъ, приплюсываютъ и вообще держать себя такъ, что совершенно напоминаютъ выпившихъ. Дѣло въ томъ, что они, будто бы, чувствуютъ, что въ это самое время уѣхали куда-либо односельчане пьютъ водку или что вообще водка есть гдѣ-либо не особенно далеко. Это, конечно, не очень трудно угадать, зная, куда народъ уѣхалъ и когда, приблизительно, должны вернуться домой. Но были случаи и довольно оригинальные: лѣтомъ 1904 г. „пѣшилась“ въ Марковѣ одна старуха, уѣхавшая, что на „усѣ“³⁾ пришелъ пароходъ и что на немъ много водки. Но случаю войны мы тогда

1) Поѣздвшему „припадкомъ“ называются такое первое заболеваніе, при которомъ человѣкъ падаетъ безъ чувствъ, а при этомъ себѣ, поѣсть пошаманы. Такъ же зовутъ и тѣ первыи заболевания, при которыхъ больной, не лишившись чувствъ, поѣсть пошаманы. „Глухими припадками“ зовутъ похожее на пашу падучую болѣзнь; при нихъ пошаманы не поѣсть. „Припадки“ и „глухие припадки“ именуются еще „вразмы“ или „затыкай“.

2) Ново-Маріинскій поѣсть.

не могли ждать парохода изъ Владивостока, а о посылкѣ американского, не будучи своевременно уведомлены, не знали. Поэтому поплыли изъ Маркова на Ново-Маріинскій поѣсть лишь за тѣмъ, чтобы вывезти оттуда казенные припасы, оставшиеся отъ прежнихъ лѣтъ, и казенное имущество¹⁾; парохода ждать тамъ не предполагали и не ждали²⁾. Осенью вдругъ узнаемъ, что, приблизительно, въ то время, когда старуха „пѣшилась“, въ аяндырскомъ лиманѣ былъ американский пароходъ „Такома“, привозивший для уѣзда разные продовольственные припасы. Въ концѣ 1906 г. одна молодая женщина „занѣшилась“ въ церкви. Она почувствовала, что марковцы, а въ томъ числѣ и ея мужъ, вынѣваютъ въ Гижигѣ, куда, по расчету, они должны были уже доѣхать³⁾. Придя изъ церкви домой, стала приплюсывать и пѣсть; пронѣла, между прочимъ, присутствующему тутъ же каваку, что пропавшій у него два гола тому назадъ поджажъ украденъ ею и что теперь ея „прагоньки“⁴⁾ вселятъ признаться.

Рассказываютъ, что пожилой марковской юкагиръ Лаврентій Магонинъ, шаманъ, умершій осенью 1897 г.,⁵⁾ всегда „пѣшился“ пакапунѣ возвращенія марковцевъ съ Аниойской ярмарки, откуда въ прежнія времена возили спиртъ.

Первый „припадокъ“ одной пожилой вдовы выражается тѣмъ, что у нея начинаетъ болѣть голова и появляется потрясающій ознобъ; она ложится и просить прикрыть себя потепѣлье, но ее такъ сильно трясеть, что все набрасываемое постоянно сваливается. Этотъ пароксенізмъ скоро прекращается; больная встаетъ, закуриваетъ трубку и начинаетъ ходить по избѣ, наѣвавъ по пѣманьи; потомъ ходитъ на дворъ и пристально смотрить во все стороны, какъ бы видя тамъ что-то особенное. Такое со-

1) Но случаю войны. Распоряженіе о томъ получили весной съ парочными.

2) Все это, какъ и всѣмъ марковцамъ, старухѣ было известно.

3) Но возвращенія марковцевъ изъ Гижиги, стало известно, что, съ прѣдѣлами, имъ действительно удалось тамъ всѣмъ выжить—случается это далеко не каждый годъ.

4) Печисль духи, особые у каждого шамана, помогаютъ только ему, покойный духъ ей быть шаманомъ.

5) Была старостою Марковскаго юкагирскаго общества. Въ сентябрѣ 1897 г. я его засталъ уже почти умирающимъ, повилимому, отъ чахотки.

стояніе продолжается часа два-три. За нею все это время присматривают, боясь, чтобы она не ушла въ лѣсъ.

Такие, которые, очевидно, изъ первопомъ разстроены въ ухолятъ, куда глаза глядятъ, не рѣдкость. Старикъ чувацъ Илья Дьячковъ (умеръ въ 1900 г.) забрелъ въ такомъ состояніи нерѣзъ за 50 отъ жилья, къ горамъ¹⁾). Ему почудилось, что ионель и заволь его туда какой-то незнакомый человѣкъ въ платѣ со свѣтлыми пуговицами,²⁾ встрѣченный имъ въ лѣсу, близъ дома. У подножій горъ незнакомецъ предлагалъ Ильѣ зайти въ какуюто пещеру („йма“), но тотъ отказался и тутъ только сообразить, что дѣло „че спроста“, и что незнакомецъ, видно, „циодинко“. Посмотря на это, въ табачкѣ ему Илья не отказалъ, но ружья не дать, хотя тотъ и просилъ показать. Стать уходить Илья отъ „циодинки“, пятясь задомъ и молясь Богу. Какъ только сталъ молиться, видѣніе исчезло, и тутъ только старинъ совершилъ онамятоvalся и сообразилъ, куда забрелъ. Возвращаясь домой, онъ истрѣтилъ посланныхъ его разыскивать—оказалось, что это былъ уже третій день его странствованій³⁾). Мѣстному жителю заблудиться здѣсь трудно—лѣсъ растетъ лишь узкой полосою вдоль рѣки, текущей по долинѣ, ограниченной съ боковъ горами. Бывали и другіе подобные случаи. Зимой 1906/7 г. одной немолодой замужней женщинѣ, вышедшей вечеромъ на дворъ за дровами, почудился иѣкій марковскій чувацъ, пригласившій ее ийти на „Ваниную“⁴⁾. Очнулась она въ снеѣгу, въ приточкѣ передъ „Ваниной“. Тутъ ей почудился опять кто-то, а затѣмъ окончательно онамятоvalась она только въ домѣ своего отца на „Ваниной“, куда, не помнить, какъ ионала.

„Ціодинко“ не всегда уводить, а иногда покажеть лишь что-либо страшное, даже не появляясь самолично. Однажды пожилой мужчины, лѣтъ 20 тому назадъ, собирая мухоморы въ березинѣ у „коряцкой протоки“ (гдѣ по преданию зарыть „кладъ“⁵⁾)

¹⁾ Къ „Горѣловскому“ каменьямъ. Житель И. Дьячковъ въ Осиповѣ.

²⁾ Смотри ниже: „лѣбёдѣй хоянъ“.

³⁾ Самъ Илья єтъ не зналъ, такъ какъ, спасившія, „потерялъ пениеніе“.

⁴⁾ Шесть євѣръ, отдѣленія отъ оставшихъ марковскихъ построекъ узинской сухой проточной.

⁵⁾ Зарыты, будто бы были, за невозможностью увидеть, большие камни, часть оружія, церковныхъ колоколовъ и другія громоздкія вещи.

воинской командой, уходившей въ концѣ 18-го столѣтія на Ко-ляму изъ упраздненнаго тогда анадырскаго „острога“), набрѣль на небольшой холмъ, покрытый лишь рѣдкими деревцами. Взбѣгая на него, онъ услышалъ подъ ногами какой-то гуль и звонъ—какъ будто холмъ былъ внутри съ пустотой, наполненной металлическими вещами.

Отъ такой „страсти“ человѣкъ этотъ упалъ безъ чувствъ на вершинѣ холма. Очнулся онъ черезъ нѣсколько часовъ, уже вечеромъ—никакого холма нѣтъ; наспехъ пришелъ домой.

Бываютъ иногда „циодинья“ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ непріятій послѣдствій.

Рядомъ съ этими припадками можно поставить, такъ называемое здѣсь, „дикование“. При немъ больными овладѣваетъ матя преслѣдованія и что-то вродѣ буйного помѣшательства: имъ кажется, что окружающіе хотятъ ихъ убить, и они потому стараются куда-либо убежжать и спрятаться; вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ и ломаютъ все, попадающее въ руки, и бросаютъ то присутствующихъ, чѣмъ вошли.

Одна вдова среднихъ лѣтъ, во время такого припадка, сильно повредила своему сыну ухо, бросивъ въ него мѣднымъ тазомъ. Про человѣка въ такомъ состояніи говорятъ, что онъ „дикуетъ“, или что у него „умъ терята“¹⁾. Такое состояніе продолжается дни 2—3. Все это время за такими больными присматриваютъ, припрѣтываютъ и удаляя изъ избы все то, что они могутъ испортить или чѣмъ могутъ напести вродѣ другимъ. Однѣ пожилой мужчины, „задиковавъ“ однажды во время поколки дикихъ оленей, вмѣсто нихъ, стать „тыкать поколюгой“ (копье для этого промысла) въ прибрежныя скалы. Отъ же приказа однажды своей женѣ раздѣться до нага, стать на четвереньки („на четырехъ костяхъ“) и такъ ходить по избѣ; самъ сдѣлалъ то же самое и стала изображать въ лицахъ оленѣе „порозованѣе“ (оленя течка).

Затѣмъ слѣдуетъ группа первыхъ припадковъ, во время кото-

¹⁾ Эти же выраженія употребляются и относительно тѣхъ, которые вслѣдствіе первого разстроения остаются полуумными на долгій срокъ. Подверженныхъ „дикованиею“ называютъ иногда „диконѣжами“ или говорятъ, что они „дикуютъ“. (Единств. число—„дикуетъ“).

рыхъ больные падаютъ¹⁾; къ наиболѣе обыкновенному „принадѣкамъ“ этой категоріи, преимущественно у женщинъ, принадлежитъ слѣдующій. Вѣдуется въ большинствѣ случаевъ животъ, иногда дни за два до припадка; больная внезапно беззвучно падаетъ среди своихъ обычныхъ занятій и лежитъ, не дыша, но съ хорошо бьющимся сердцемъ. Нолежавъ такъ иногда болѣе часа, вздохнеть, вскочить и начнетъ ходить по избѣ, напѣвая по-шаманьи²⁾. Немного погодя, опять падаетъ нопрежнему, но на этотъ разъ лежитъ гораздо меньше и истаетъ, какъ ни въ чёмъ не бывало и не помнитъ того, что продѣлывала. Ни дерганья, ни судорогъ, ни шмы не бываетъ.

У одной молодой женщины припадокъ выражается спячкой. Быдущи уже взрослой девушки, она просыпала однажды почти недѣлю. Засыпаетъ въ той позѣ, которую иранила падая; просыпается не болѣе одного раза въ сутки, да и то на самое короткое время—съѣсть чего либо небольшой кусочекъ или глотнуть чаю да скажетъ—„ой, лѣхо“—и опять спить. Во время этой спячки у нея вздутый животъ и онухнія, холода, багровыя ступни ногъ и кисти рукъ.

Въ зиму 1906—7 г. съ одной молодой женщиною, испугавшейся въ своей избѣ „людинъи“,—ей показалось, что „людинко“ ходить по чердаку и стучать въ потолокъ,—стжалася обычный ея непродолжительный „принадѣкъ“, что случалось не разъ и прежде безъ всякаго „людинъи“. Но на этотъ разъ, противъ обыкновенія, послѣ припадка она слегла, будучи, по-видимому, совершило здорової, и обѣявила себя святой³⁾). Вѣѣмъ, приходившимъ ее паничѣть, говорила про разные грѣхи и, какъ на самый главный,

¹⁾ Не отъ „сгости“, какъ при „людинѣ“, а отъ неизвѣстной причинѣ—тѣбровѣль.

²⁾ Есть и такій, который, вскорѣ, бросаясь къ чурку, хватаютъ горячіе угли въ ротъ и грызутъ ихъ, даша въ то же время такъ сильно, что изо рта летятъ искры. При этомъ не обжигаются. Во время припадковъ больные дѣлаются чрезвычайно силными, а потому помѣшатъ имъ на чёмъ либо очень трудно.

³⁾ Одна маркансинъ, лѣть за 30, тоже подверженъ галлюцинаціямъ различного характера—разъ ему явился святой съ большой бородой и чашей въ рукахъ и наставлялъ его, какъ нужно жить, чтобы счастливъ. Вѣѣль это передать и остальнымъ. Другой разъ явился Ангелъ, указавший, какъ на святую, на одну глухонѣмую девушку.

указывала на такое повязыванье головы женщинами, при которомъ волосы бывають видны хотя немного. Послѣ болѣзни я ее видѣлъ повязанную такъ низко, что, действительно, волосы у неї были скрыты совершенно. Избу свою они¹⁾ продали всего за 40 рублей, несмотря на то, что она почти новая и стоитъ на неизвестномъ весной мѣстѣ. Это, вирочемъ, по марковскимъ понятіямъ, поступокъ совершенно естественный—надо было избавиться отъ „людинки“; удивительно только то, что насталася покупщица. Некоторая мать этой женщины была подвержена первому разстройству, продолжавшемуся иногда болѣе 2-хъ мѣсяцевъ; въ теченіе всего этого времени она страдала непроизвольнымъ мочеиспусканіемъ и, въ противоположность дочери, была все время на ногахъ, сквернословила и драилась.

Одна девушки, лѣть за 30, родивъ²⁾ въ концѣ 1906 г., дѣлалась полуумной, и такой я ее видѣлъ еще въ юнѣ 1907 г.

Съ одной, уже немолодой, женщиной дѣлается каждый разъ сильный „принадѣкъ“ во время родовъ.

Часто бываютъ непродолжительные „принадѣки“, при которыхъ къ горлу подкатывается какой-то клубъ, и больной падаетъ, иногда дико крича, а иногда молча; глаза закрыты, зубы стиснуты, слышится сопѣніе и хрюканье, и идетъ слюна.

Въ началѣ припадка, больной обыкновенно бѣется, а къ концу затихаетъ. Очувствовавши, всегда просятъ воды, и когда пьютъ, то еще сильно дрожать, такъ что слышенъ стукъ зубовъ въ посуду. Иногда такие припадки сопровождаются дерганьемъ конечностей и всего тѣла. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они посвѣтѣли специальное название—„тѣрять“. Такіе припадки принадлежать къ числу „глухихъ припадковъ“.

Самая тяжелая форма первого припадка эта та, которая называется здесь „тѣнѣть“³⁾). Оно очень похоже на тяжелую форму детского „родимца“⁴⁾.

¹⁾ Ея мужъ, живущий совместно съ своимъ роднымъ братомъ.

²⁾ Уже не въ первой разъ; при прежнихъ родахъ ничего подобного не бывало.

³⁾ Бываетъ, что одновременно и „дергать“. Такіе припадки принадлежать къ числу „глухихъ припадковъ“.

⁴⁾ См. дальше.

Больной внезапно падает (иногда съ дикимъ крикомъ), хрипить, лицо синѣеть, видны блѣдки глаза, зубы стиснуты, изо рта и носа идетъ кровавая вѣна. Голову, конечности и все тѣло судорожно загибаешь и сводить самыи несвѣроятныи образомъ. Происходитъ стремительное выбрасыванье въ стороны руку и ногу, и, наконецъ, всего больного подбрасываетъ и бросаетъ въ стороны съ большою силой. Нужна помощь искользкихъ сильныхъ людей, чтобы не дать ему при этомъ искалечиться. Послѣ такого приступа, а они нерѣдки, некоторое время чувствуютъ себя плохо—чѣмъ дальше, тѣмъ приступы спѣшне; иногда послѣдствія эти чувствуются дни 2—3. Отъ такихъ приступовъ были случаи смерти. Не далъ, какъ въ 1906 г., умерла такой смертью одна пожилая женщина.

Рассказывали мнѣ про одинъ такой давнишній случай: у старика, приступившаго съ молоду, за 4 мѣсяца до смерти приступы варугъ участились¹⁾ и усилились—сначала стали повторяться еженедѣльно, затѣмъ съ промежутками, всего въ 3—4 дни и, наконецъ, за 1 недѣлю до смерти бывали по многу разъ въ сутки. Послѣ конецъ они были такъ сильны, что при судорогахъ слышалась трескъ, какъ бы отъ ломающихся костей, и больного такъ сильно бросало по сторонамъ, что кости лица оказались изломанными, а все остальное тѣло въ кровоподтекахъ и черне отъ синяковъ. Умеръ во время приступа. Весной 1905 г. умеръ здѣсь одинъ незаконнорожденный мужчина, житель поселка Иенуинъ, гижигинскій мѣднанинъ Василій Сабининъ. У него съ дѣствія дергало правую половину тѣла. Сначала это бывало изрѣдка и въ легкой формѣ, но съ годами болѣзнь стала усиливаться и съ осени 1904 г. дерганье всей правой половины тѣла сдѣлалось постояннымъ и настолько сильнымъ, что больной могъ двигаться лишь съ большимъ трудомъ, производя впечатлѣніе совершиенної разинченности. Затѣмъ правая половина тѣла совсѣмъ отнялась, а вскорѣ послѣдовали и обѣй параличи, отъ которыхъ онъ и умеръ. Это, не здѣшнему, „болѣзни“ или „паралитъ“ („параличъ“); считается болѣзнью русской.

Некоторый бывъ незаконнорожденный сыномъ колымскаго куница Трифонова, жившаго на Анадырь въ концѣ 50-хъ—началѣ 60-хъ гг.

¹⁾ До того бывали не болѣе одного—двухъ разъ въ годъ.

прошлаго столѣтія¹⁾ и умершаго отъ такого же „паралитъ“. У одной изъ дочерей покойнаго Василія Сабинина²⁾ есть признаки той же болѣзни.

„Припадки“, главнымъ образомъ, лѣчатъ „надобныи“³⁾, которыми бываются предметы самые разнообразные, но испрѣменно отличающіеся какою-либо оригинальной особенностью—вообще рѣдкіе. Ихъ бываются: платки, ленты, чарки⁴⁾, камлѣйки⁵⁾, перчатки, шарфы, старинные серебряные рубли, палки (пісохъ), звѣринные шкуры, собаки и даже лошади⁶⁾. Роль „надобнаго“ при родахъ, играютъ иногда и люди (см. ниже). Платки и шарфы, напримѣръ, должны отличаться какими-либо особыми разводами или полосами; другія части одежды—такими же оторочками или отѣблкой; посохи—какими-либо естественными оригиналными рукоятками, а звѣринные шкуры и собаки—особенностями въ окраскѣ. Все же „надобныи“ являются то, что больные или сами когда-либо видѣли, или что могутъ себѣ представить по разсказамъ другихъ. Конечно, фантазія ихъ играетъ при этомъ тоже не малую роль.

Разъ пріобрѣтенное „надобное“ сохраняется всю жизнь⁷⁾. Послѣ смерти, если это какая-либо соответствующая случаю одежда, то ее, обыкновенно, надѣваютъ на покойнаго ся владельца, а оставшееся, если оно имѣть какую-либо цѣну, идетъ за упоминъ душъ⁸⁾, а предметы, не имѣющіе цѣнности, кладутся въ могилу.

¹⁾ Жилъ въ Оселькии въ 20 выше теперешнаго Маркова, тогда же еще не существовавшаго.

²⁾ Десятилетней; кроме нея, осталось еще три дочери—одна съ 1906 г. замужемъ, одна подростокъ и одна по третьему году. У нихъ быть пока никакихъ признаковъ отцовской болѣзни.

³⁾ „Надобное“ помогаетъ своему владельцу и при другихъ болѣзняхъ.

⁴⁾ Верхн. мѣховъ, одежда.

⁵⁾ Ровдужная (замшевая) или матерчатая (спариннѣ) одежда, падѣвъ, зимой сверхъ мѣховой, я лѣтомъ заступающая мѣсто мѣховой.

⁶⁾ „Бѣлу лосодѣ съ золотою уздой“ называла одна больная, видѣвшая бѣлыхъ лошадей въ Колымскомъ краѣ. „Золотою“ уздѣ—это фантазія, напѣсанная этой женой, на которой о такой узде поминается. Такого „надобнаго“ нѣдѣли было, конечно, никакихъ больныхъ умерло.

⁷⁾ Собаки, конечно, приходится заводить новыхъ, но бываетъ, что „надобныи“ остаются ихъ шкуры.

⁸⁾ Только не собака и не ся шкура—собака „поганая“.

Бывать и такъ, что „надобное“ умершаго лѣлается „надобнымъ“ же кого-либо изъ его близкихъ родственниковъ, къ которому и переходитъ по наслѣдству.

„Надобныхъ“ собакъ берегутъ и балуютъ. Если такую собаку, даже за глазами, кто-либо ударить или ее начинуть грызть другія собаки, то тотъ, для кого она „надобна“, сейчасъ же это, будто бы, почуетъ.

Желаніе получить „надобное“—явленіе чисто перваго свойства; въ немъ гибнется сильная вѣра въ спасительность этого средства. Нѣтъ поэтому ничего удивительного, что оно можетъ помогать въ такихъ случаяхъ, когда болѣзнь излѣчима, а въ особности, когда она на первной почвѣ.

„Надобное“ видѣть во снѣ или оно чудится во время „принадковъ“ и другихъ видовъ перваго разстройства¹⁾. Когда эти явленія сопровождаются изнѣмъ пошаманыи, то тутъ же чаще всего пропоготь и про то, что „нады“. Если только есть хоть малѣйшая возможность, его непремѣнно достаютъ, но „надобное“ другихъ пользы не привнесетъ, да и не отладутъ, а бываетъ иногда, что понадобится и чужое „надобное“.

„Надобныи“, окуривъ его предварительно „вересникомъ“ (можжевельникъ), больного сперва „сбѣркаютъ“ (растираютъ—болѣе для виду, особенно принадочныхъ, которыхъ испелить вообще не слѣдуетъ), а потомъ кладутъ его ему подъ голову или руку же его прикрываютъ. Собаку кладутъ такъ, чтобы она съ болѣніемъ соприкасалась, а бываетъ и такъ, что кладутъ ее и на него. „Надобныи“ обыкновеніи болѣзни лѣчить исчеромъ. „Принадки“, конечно, лѣчить тогда, когда они случатся²⁾.

Покойная тетка здравствующаго письмѣ марковскаго юкагира З. К.—на произошла во время „принадка“, что въ его „насти“³⁾ коали такіе-то и такіе звѣри и что между ними есть сиводушка⁴⁾ съ одной бѣлой лапкой; эту оригиналную сиводушку ей и „нады“ „Вѣде не дадутъ, пакость⁵⁾ въ племянниковы пасти понадать

¹⁾ О первою разстройствѣ во время серьезныхъ болѣзней смотри дальше.⁷

²⁾ Какъ уже помянуто, принадки, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ вскоры.

³⁾ Ловушки съ гнетками на волковъ,rossомахъ, лисицъ и песцовъ.

⁴⁾ Особый, лучший сортъ лисицы—переходная стадія къ бурой.

⁵⁾ Чушной звѣрь.

не стѣпѣть“. Исповѣдѣніе тетки вполнѣ оправдалось, и она получила сиводушечью шкурку съ тремя черными и одной бѣлой лапкой. Эта шкурка помогала ей отъ разныхъ болѣзней: умирая въ преклонномъ возрастѣ, завѣщала отдать ее въ церковь „за упоминъ душей“.

„Насти“ З. К.—находились въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Маркова, и старуха попасть туда никоимъ образомъ не могла. Можно все же думать, что у нея былъ какой-либо благопріятель, бывшій возлѣ этихъ „настей“ и видѣвшій, что въ нихъ попало.

Лѣтъ 25 тому назадъ, чтобы лучше росли косы, остригли девятилѣтнюю девочку Елену Воронцову¹⁾. Тутъ же у нея сразу сильно заболѣла голова, а къ вечеру того же дня слѣдался продолжительный „принадокъ“; она изѣла что-то неопытное, а изѣрѣла приходя въ себя, говорила, что голова сильно болѣть въ разныхъ местахъ—„бѣгать боль по головѣ“—и сѣтовала на то, что ее остригли. На следующій день нѣсколько разъ происходило то же самое, а на третій день утромъ больная, попросивъ сѣсть позлѣ себѣ всѣхъ домашнихъ, заставила одну изъ сестеръ держать себя за голову и сказала: „И снать станю, а ви сыдите. Кабу миѣ дали колымской русницѣ—голугинѣки, красинѣки, зиленинѣки и ёлтинѣки волосы, голова бы кай-будь (здрава) стала, а платка иѣть, снать станю“. „Па проходъ“, какъ миѣ рассказывала ее старшая сестра, „стала плакать (то, что у насть—„обирается“), съ дусы спускатца (отходить)“.

Умерша въ преклонномъ возрастѣ въ 1901 году жена покойнаго же марковскаго священника, о-ца Митрофана Шипицына, однажды сильно была больна въ молодости; ей „понадобился“ такой платокъ, который можно было достать только на Колымѣ, т.-с., почти за тысячу верстъ отъ Маркова. Парти были посланы, и „надобный“ платокъ къ общему благополучію былъ доставленъ.

Одной молодой девушки Е. В-ой, сильно и долго болѣвшей въ 1899 г. послѣ родовъ, попадались дѣтская ручка, протягивавшая изъ-за ся плеча (больная въ это время была въ первомъ разгрызтии) и державшая шелковый малиновый платокъ съ разводами (муаровый). Въ то же время ручка эта указывала на одно

¹⁾ Была принадочная.

изъ оконъ. У живущихъ въ томъ направлениі стали разыскивать описанный болѣюю платокъ, и, дѣйствительно, такой таинъ нашелъся, но, сожалѣнію, онъ ужъ былъ „надобиымъ“ другой. Вольной все же выздоровѣла. Если чѣть „надобнаго“, принадочнѣхъ „соркаютъ“ руками, дуютъ имъ въ лицо, прикрываютъ отцовскими нитками или подптиаками или материцкой рубахой или штанами (смотрѣши ниже), и черезъ нихъ переступаютъ. Соркать и дуть могутъ вообще „опитные“ люди, а переступать полагается только матери (см. ниже).

Онанизмъ, кажется, не распространенъ; но крайней мѣрѣ, мои разсысы въ этомъ направлениі привели меня къ тому, что изъ иѣсколькихъ лицъ, спрошенныхъ о немъ, знающимъ объ этомъ порокѣ оказался лишь одинъ мужчина и, надо замѣтить, такой, который побывалъ далеко за предѣлами юзла, достаточно потолкавшись во время этихъ странствованій между матросами и другимъ привилѣемъ людомъ. Онъ, впрочемъ, говорилъ мнѣ, что зѣть 20 тому назадъ случайно видѣлъ одну марковскую девиушку, занимавшуюся онанизмомъ съ помощью наложки. Именуетъ онъ онанизмъ русскимъ простонароднымъ назнаніемъ; мѣстного назнанія не зѣть¹⁾.

О случаяхъ мужскаго бѣзенія я не слыхалъ, хотя разсвѣтивалъ че мало.

Есть вскачивающее и ходатое во сѣнь по избѣ. Оканы ихъ, зовутъ чужими именами. Прѣдѣлъ вѣи себѣ, они не падаютъ. О случаяхъ настоящаго лунатизма не слыхалъ.

Іідотъ (дикобѣ), о которомъ уже помянуто, умеръ въ началѣ 1907 г. Онъ былъ сыномъ тїжигинскаго казака и марковской юкагирки. Сдѣлался іідотомъ на 21 году²⁾; былъ очень тихъ и все старался уйти потихоньку въ лѣсъ, такъ что родители постоянно приходилось за нимъ присматривать. Съ детства вся голова была у него въ сильной париѣ. Браѣъ его, казакъ, человѣкъ вполнѣ нормальный, толковый и хорошо грамотный; иконымъ тоже былъ грамотный.

¹⁾ Но крайней мѣрѣ, спрошенные мною такого-то не знали.

²⁾ „Дослѣдніе“ считали универсальнымъ средствомъ менѣнѣй: сало, жиръ изъ медвѣдѣй лапъ и медвѣдѣй желѣзъ ими погрязались при всякой боли. Теперь эти средства почти не въ ходу.

Въ 1900 г. умерла полоумная („диковата“; совсѣмъ безумная — „дикая“ или „дикуса“) лѣвушка лѣть за 30; изъ несчастной семьи Чайныхъ. У нея былъ ребенокъ.

Костяные нарости („могильна кость“) лѣчать прикладываніемъ земли съ могиль и упѣряютъ, что они отъ этого исчезаютъ. Упѣряютъ, что бываютъ и такія „могильныхъ кости“, которые периодически, въ зависимости отъ фазы луны, то увеличиваются, то уменьшаются — въ полнолуние они достигаютъ наибольшей своей величины, а въ послѣдней четверти дѣлаются почти незамѣтными. У некоторыхъ они болѣзни. Мне пришлось видѣть небольшіе, безболѣзинные костяные нарости на кистяхъ рукъ у одной старухи чуванки и ея замужнѣй дочери, но на нихъ луна не оказывала ни малѣйшаго вліянія.

Отъ изжоги („застойна вода“) дѣлять сухую горчицу, а если си пѣтъ, то пить холодную воду.

Чукчи, айваны, коряки, ламуты и бродягіе („горные“) чуванцы подтверждены, конечно, тѣмъ же болѣзнямъ, что и марковцы¹⁾, но, кроме того, у ламутовъ есть болѣзнь-спичка „аналѣ“ (—французское) и онѣ какіе-то опасные для жизни сиазмы въ горль — болѣзнь, кажется, перваго происхожденія. Вольной при ней постоянно какъ-бы давится, и это считаютъ признакомъ того, что у него въ горль растутъ волосы. У бродягъ чуванцевъ есть кожная болѣзнь „аталь“. Про какія либо специальныя болѣзни у остальныхъ не слыхалъ.

Условія жизни этихъ инородцевъ, иссравленію худшія марковскихъ, и меньшая культурность дѣлаютъ то, что % смертности у нихъ значительно болѣйшій. Къ медицинской помощи имѣютъ возможность обратиться только тѣ, которые не надолго бывають на анатырскихъ ярмаркахъ.

Своихъ лѣчебныхъ средствъ у нихъ гораздо менѣе, чѣмъ у марковцевъ²⁾, хотя это, пожалуй, и лучше для нихъ.

Относительно вѣрованій о происхожденіи болѣзней, отношенія къ нимъ и общей системы врачеванія, послѣ сказаннаго о мар-

¹⁾ „Черноты“ у ламутовъ я не наблюдалъ. Первія болѣзни наименѣе развиты у чукчъ. „Горные“ чуванцы, какъ „родники“, наиболѣе близки къ марковцамъ во всѣхъ отношеніяхъ затѣмъ идутъ ламуты, коряки и чуви. Объ айванахъ мнѣ известно весьма немногое.

²⁾ Ламуты знаютъ не мало лѣчебныхъ травъ.

ковцахъ, добавить нечего. Главными врачевателями, какъ было еще недавно и у марковцевъ, являются шаманы и *наговорники*¹⁾. Чукотскіе шаманы, какъ говорятъ, вскрываютъ иногда умершихъ, чтобы узнать причину смерти.

Если шаманъ опредѣляется, что дающіе ему чудодѣйственную силу его „враги“ сильны на столько, чтобы преодолѣть данную болѣзнь, посланную злымъ духомъ или человѣкомъ²⁾, то берется за лѣченіе. Въ противномъ же случаѣ говорить, что надо искать шамана болѣе „сильнаго“. Иногда, впрочемъ, по излишней самонадѣянности, шаманъ берется выгнать болѣзнь, посланную и „сильнѣйшимъ“ его, по считается, что при этомъ онъ рискуетъ, потому что болѣзнь, выйдя изъ пациента, можетъ вселиться въ него самого. Марковцы и чукчи-рѣбенки этимъ и объясняли смерть старика чукчи Іондлы (Ендля, Пондля), только что передѣтъ „выгнавшаго“ болѣзнь изъ старухи Никулиной изъ Усть-Енды. Дѣло было въ концѣ лѣта 1906 г.

Шаманско лѣченіе заключается въ слѣдующемъ. Больного садятъ или кладутъ такъ, чтобы шаманъ могъ ходить вокругъ него. Для вызова своихъ „враговъ“, шаманъ съ бубномъ и въ костюмѣ садится на оленью шкуру съ маленькими вссеними рожками въ шерсти; кожа эта должна быть съ кожею ногъ, конытами и „цѣрными мѣстами“ (кожа подъ щеткой³⁾). Вызвавъ обычнымъ порядкомъ „враговъ“, шаманъ вскаиваетъ и начинаетъ шаманить вокругъ больного, бубнить надъ его головой, дѣлаетъ пальцемъ пасемъ и, приставивъ ребромъ бубенъ къ больному мѣсту, громко выкрикиваетъ, приказывая тѣмъ болѣзни выйти; это, въ концѣ концовъ, и происходитъ при особенно громкемъ выкрикѣ („саманъ рѣхнѣть и болѣзнь выѣтъ“). Больной выходитъ и

1) „Наговорники“ пренмущескенно у ламутовъ. „Все равно, твой докторъ“—такъ называютъ мяѣ о „наговорникахъ“ одинъ говорящій по-русски ламутъ.

2) Шаманомъ или вообще человѣкомъ умлюющимъ портить, „враги“ которыхъ слабѣе „враговъ“ врачующаго. На такомъ безлюдіи, какъ здѣсь, знаютъ неѣ, въ помпѣ каждой встречѣ, каждое слово; поэтому опредѣлить „испортишаго“ не трудно.

3) Такой порядокъ соблюдался марковскими и соблюдается еще и теперь иѣкоторыми ламутскими шаманами. У каждого ламутского шамана есть особый костюмъ, какъ было то и у марковскихъ. У чукчъ проще—садятся шаманы на обикновенную оленью шкуру („иностранъ“, „ласегея“). Шаманы костюма у нихъ бываютъ не всегда.

оказывается у шамана на бубнѣ въ видѣ небольшого камешка, сгустка крови, или пасѣкомаго („цѣрбѣй“)⁴⁾. При врачеваніи больного, давящагося, будто бы, волосами, растущими у него въ горлѣ, вышедшая болѣзнь оказывается у ламутскаго шамана на бубнѣ въ видѣ комы человѣческихъ волосъ⁵⁾.

Марковская старуха, юкашира О. Воронцова, рассказывала мяѣ, что лѣть 40 тому назадъ имѣеть съ своей сестрой она подсматривала въ щель, какъ марковскій же шаманъ лѣчилъ одного ихъ родственника, сильно болѣвшаго желтухой. Онъ будто бы увидѣли его лежащимъ со вскрытою грудью, изъ которой обильно текла желтая вода; бьющееся сердце было на виду. Отъ такой „страсти“ насили убѣжалъ. „Были у насъ тогда сильныя коры (иѣкоторые) саманы—омрачали“—повинила рассказчица. Много слышалъ про разные случаи исцеленія болѣзней шаманами, но за достовѣрное знаю лишь то, что были случаи висаннаго изѣченія сильныхъ головныхъ болей выпутѣмъ изъ головы „цѣрбы“, и спазмъ въ горлѣ выпутѣмъ оттуда кома волосъ. Фокусы эти шаманы продѣлываютъ ловко. По приказанію шамана надѣвается иногда на „трудно больного шаманъ платье“⁶⁾; иногда къ обычной повсеннѣй одеждѣ больного прицаѣляютъ сдѣланную имъ маленькую куклу, прищипываютъ мисточки, какъ у него, наизыиваютъ на волоса бисерь или бусинки, надѣваютъ на шею или прицаѣляютъ къ носу какой-либо фетишъ⁷⁾, отпускаютъ, по шаманъ, косы; дѣлаютъ на лицѣ татуировку⁸⁾ (мужчины; у женщинъ это обык-

1) Происходить, значитъ, то же самое, что и при лѣченіи болѣзней колдурами разныхъ другихъ полукультурныхъ народовъ: въ Австралии, напримѣръ, колдуны вынимаютъ болѣзни въ видѣ камня. „Цѣрбѣй“, „цѣрбѣйкой“ зовутъ, безразлично, пасѣкомыхъ, червей и другихъ беспозвоночныхъ.

2) Марковцы въ прежній времена (старики еще помнятъ) тоже, случалось, умирали отъ этой болѣзни. Бѣ такъ и звали—„волосыами подавалася“.

3) Для лѣченія покойного Митроф. Чарна стѣна, то указателъ ламутскаго шамана, платье, правая половина которого, темная, была мужскаго фасона, а лѣвая, блакая,—женскаго. Такое изѣданіе бываетъ у ламутскихъ шамановъ.

4) Разныя оригинальной формы камешки, сучки, коготочки и шкурки, напр., рѣбекъ мыши и друг. грызуны. У одного старика пасѣбъ даже цѣльную мышь землеройку. Особенно цѣняются камешки и сучки, напоминающие своей формой человѣка или какую-либо часть его тѣла.

5) Небольшіе кружочки неправильной формы, немного пониже угловъ губъ,—изъ тѣхъ мѣстахъ, где прежде мужчины (эскимосы) наканѣ пропыкали щеки для поганенія въ нихъ изукрашенныхъ kostяшекъ, сдѣланныхъ изъ моржевої

новенное явление), начинают носить одежду чужого племени и называют имена. Такими способами разститывают напугать или обмануть болезнь и тѣмъ отъ ися избавиться¹⁾. Айваны надѣваютъ на припадочныхъ собачин алыки (шлойки), а кэреки мочатъ имъ холодной водой головы и горло. Ламуты растираютъ имъ руками грудь и область сердца. Все это, конечно, только второстепенные приемы. Затѣмъ слѣдуютъ умилистивительныя жертвы.

У коряковъ²⁾ главнымъ жертвеннымъ животнымъ по разнымъ случаямъ является собака; принося ёе въ жертву злому началу, пославшему болѣзнь, они ей перерѣзываютъ горло ножомъ (жертву по другимъ случаямъ закалываютъ особымъ копьемъ). Ещѣ длинной, еще горячей, кишкой обматываютъ больного по голому тѣлу; когда кишка остынетъ, ее снимаютъ и растигаютъ по землѣ отъ юрты на полночь, гдѣ „темное место“ и предполагаемое отверстіе въ небесномъ сводѣ—входъ въ загробный міръ и источникъ самихъ скверныхъ вѣтровъ и другихъ золъ.³⁾

Ламуты переняли у коряковъ обычай приносить собачин жертвы, но единственno только въ цѣлыхъ прачечанія, т.-е. злому началу. Они убиваютъ собаку налкой и кладутъ головой на полночь. Если болѣеть мужчина, то у головы жертвеннай собаки кладутъ модельки чаута⁴⁾, кѣнья и лука, а если женщина—то кѣнху этой собаки прикрѣпляютъ на ниткѣ несколько бисериноекъ или иголокъ. Чукчи, особенно сидячіе, и сидячіе айваны тоже приносятъ по разнымъ случаямъ собачин жертвы. Марковцы, какъ это уже помянуто, дѣлали то же самое еще не такъ давно.

Оленные коряки, кромѣ собакъ, приносятъ въ жертву и оленей; у оленныхъ чукчей жертвеннимъ животнымъ почти всегда служить олень; у ламутовъ, исключая случаевъ прачечанія, жерт-

вости на манеръ заноекъ. Этими думаютъ сойти за изъюнъ и такимъ образомъ обмануть болѣзнь.

1) Дабы болѣзнь не вернулась, весь этотъ ритуаль, исключая изъявленія памятаго платья, исполняется въ теченіе всей остаточной жизни. Все описанное действуетъ не только самими больными, но и тѣмъ отчами семействъ, которыхъ преслѣдуетъ судьба, убѣи ихъ семьи.

2) Кѣнхимъ отношу и кэрекою.

3) Всеобщая здѣшняя „вѣра“.

4) Оленье лasso.

венныхъ животныхъ является тоже олень. Сидячіе, не имѣющіе оленей, конечно обходятся одинѣми собаками. Не считается худымъ примѣнять чужіе приемы, если свои не действуютъ. Иногда примѣняютъ сразу чужіе, получившіе известность по своей пользѣ.

Плату за свою помощь шаманы получаютъ значительную. Мнѣ известенъ случай, когда ламутскій шаманъ получилъ за одинъ соансъ большую бумажную шаль (платокъ на плечи), лахтака¹⁾ и съ $\frac{1}{2}$ ф. бисера. Переведя это на деньги по разцѣнкѣ того времени, когда производилось лѣченіе (льть 25 тому назадъ), получимъ сумму рублей въ 15. Плата обыкновенно берется впередъ. Платить и теперь не меньше, особенно тѣ, которые съ оленями или вообщѣ побогаче. Большетабунные, случалось, платили за излѣченіе по нескольки десятковъ оленей за разъ.

Ламутскіе наговорщики не вынимаютъ болѣзни, подобно шаманамъ, а или шинчутъ падъ больнымъ, продѣливая при этомъ руками разные пассы, или лѣчать его наговоренными травами²⁾ и пр. настоями, а то такъ просто наговореній водой, въ которую къ тому же иногда кладутъ какой-либо оригиналной формы каменскъ, раковинку, сучокъ, а бываетъ, что и плюютъ въ нее. Они часто практикуютъ кровопусканіе и массажированіе. Даютъ, подобно шаманамъ, разные совѣты. Плату за свою помощь наговорщики получаютъ значительно меньшую, чѣмъ ихъ старшіе братья, шаманы.

Раздѣль одного ламута для обмѣна груди³⁾, я увидѣлъ начинку такъ бы ожерелье изъ небольшихъ синихъ птицъ; спереди эти птицы доходили почти до сосковъ, а сзади до половины лопатокъ. Оказалось, что у ламутовъ имѣть значительное распространеніе болѣзнь, именуемая ими „апала“; ее лѣчать сильными птицами, слѣды которыхъ не скоро проходить.

Болѣзнь эта начинается спячкой; больной неѣсть и не пьетъ и только изрѣдка немножко открываетъ глаза. На третій день подъ

1) Большой тюлень.

2) Отъ камня поять Багульникомъ („Хонкать“); отъ „костовой боли“—*Melod. crissant.*—(„Хынчиться“); отъ боли подъ ложечкой—*Pentiana* („перепѣчаніе“); отъ мыши—*Alectoria ohroleuca* („пѣтушины“); отъ головы, боли прикладываютъ памочни, въ холодной водѣ паскобасинную кору кедровника („Бѣлынѣ“).

3) Форма антропологическая измѣренія.

кожей на груди и на спинѣ появляются желваки, величиною отъ бисеринки до крупной бусины¹⁾; они подъ пальцами катаются; кожа въ этихъ мѣстахъ краснѣеть. На пятый день ноги и руки какъ бы оттерпнутъ, такъ что болѣйной не въ состояніи ни стоять, ни взять что либо въ руки. На десятый день смерть. Все это, конечно, происходитъ лишь тогда, когда болѣзнь запустить или не лѣчать вовсе. Обыкновенно же, какъ только на человѣка нападетъ синяка, его начинаютъ циннать, и если отъ этого не чувствуетъ, то, значитъ, у него „анала“. Тогда сейчасъ же сильными щипками²⁾ дѣлаютъ ему помянутое ожерелье. Если болѣзнь захвачена во время, то нацинация мѣста сразу краснѣеть и болѣйной на завтра здоровъ.

Если же со щипками опоздали, то кожа отъ нихъ не краснѣеть, и на третій день появляются помянутые желваки, которые непремѣнно надо прорѣзать острымъ кремнемъ. Течетъ обильное кровь, но пациентъ боли не чувствуетъ; на десятый день послѣ этой операциіи слѣдовъ ся уже не замѣтно. Если желваковъ скоро не прорѣзать, то болѣйной умретъ. Иногда, если щипки не помогаютъ, прокусываютъ зубами³⁾ шею болѣйного подъ затылкомъ и „поднятымъ зыбы“ — это, говорить, вылѣчиваєтъ наѣврияка. Болѣютъ „анала“ только взрослые; есть люди, которые подвергаются этой болѣзни до трёхъ разъ въ году. Въ числѣ первыхъ болѣзней марковцевъ, описанныхъ выше, тоже помянутъ одинъ случай синяка, но безъ симптомовъ „анала“ и съ благопріятнымъ исходомъ безъ всякаго лѣченія. „Родимецъ“ по ламутски тоже „анала“.

Ламуты совсѣмъ непривычны къ водѣ,—лодокъ у нихъ неѣть и плавать на нихъ они не умѣютъ. Черезъ небольшія рѣчки, если черезъ нихъ нельзя перебраться въ бродъ, переправляются на плотахъ, сѣдланныхъ, главнымъ образомъ, изъ вѣтвей кедровника. Скольконибудь значительный потокъ представляется для нихъ непреодолимое препятствіе. Женщины же ихъ положительно

¹⁾ Одни думаютъ утверждать, что видѣли разъ такой желвакъ, величиною съ пасиній глаза.

²⁾ Дѣлаютъ это или руками, или зубами черезъ какой-либо лоскутокъ.

³⁾ Прежде для этой операциіи были у ламутовъ особые желвакные щипки, но, по съвѣтамъ шамановъ, ими переселаніи ползоваться, т. е. желѣзо, при лѣченіи этой болѣзни, пользы не приноситъ.

боятся воды и между ними есть не мало и такихъ, которыхъ впадаютъ въ обморочное состояніе даже при переѣздѣ въ бродъ верхомъ на оленѣ черезъ небольшіе рѣчки и ручьи. Такихъ, конечно, въ это время кто-либо поддерживаетъ. Среди ламутовъ, бродящихъ въ окрестностяхъ пос. Еропола, есть вдова Фекла, которая всегда впадаетъ въ обморочное состояніе при переѣздахъ черезъ р. Агадырь съ сронольцами въ ихъ карбасахъ; такихъ легко приводить въ чувство, побрызгать лишь въ лицо водой. Надо при томъ замѣтить, что Фекла по „имирияченію“ по ламутски — „олапъ“, „л“ — мягкое). Есть между ламутами и такие, первые припадки которыхъ выражаются болѣзнью слѣта и людей. Такимъ, говорить, надо лежать ничкомъ, а не то покрутить.

„Аталь“ издревле считается достояніемъ бродячихъ („горныхъ“) чувашцевъ. Слышалось, впрочемъ, что она проявлялась и между чукчами и коряками¹⁾. Отъ этой болѣзни происходитъ и чукотское название бродячихъ чувашцевъ — „аталь“; (множ. число — „этальти“). Одна изъ бухтъ залива Св. Креста, у которой когда-то жили сидячіе чувашцы, именуется „Эталь-кѣмъ“. При этой болѣзни, на мозговѣй, пахахъ, подъ мышками и скапулами выходятъ небольшіе черные нарывтики, какъ концы молодыхъ оленевыхъ рожковъ; эти нарывчики скоро лопаются — идетъ кровь и гной. Послѣ этого дѣлаются мокнущія круглые ранки, изъ которыхъ достигаютъ иногда величины двухкопѣчной монеты; къ нимъ прикладываютъ въ видѣ пластыря паскобленій китовый усть, а если его неѣть, то паскобленій тальникъ. Болѣзнь эта тянется около года; послѣ неѧ, на мѣстѣ бывшихъ ранокъ остаются пансегда темные пятна, кожа же становится по прежнему гладкой.

II. Регулы. Беременность. Роды. Послѣродовой періодъ.

Регулы появляются у девочекъ около 14-лѣтняго возраста. Появленіе ихъ и здѣсь знаменуетъ окончаніе дѣтства и вступленіе въ девичій возрастъ — „дѣвчка стала“. Дѣвушки, у которыхъ

¹⁾ Марковцы отъ этой болѣзни избавлены, несмотря на свое кровное родство съ „горными чувашами“.

первые появлялись регулы, зовутъ и некоторые „Агафьи“ (Агафья). Если долго шить первыхъ регуль, то мать или бабушка наставлять: „Богъ забыть, молись Богу—Агафка выбьетъ и кровь пойдетъ“. При чёмъ тутъ какая-то Агафья, мѣй такъ и не удалось узнать¹⁾. Именование регуль мѣсячными многіе ноймутъ, но оно не въ ходу; говорять просто—„мѣсяца“. Менструальную кровь зовутъ „красками“, но рѣдко, въ большинствѣ же случаевъ говорятъ—„кровь идётъ“ или „крови идутъ“ или скажутъ: „така стала“ (это говорятъ чаще всего); говорятъ и „нога стала“. Во время регуль лѣнушку и женщину считаютъ поганой²⁾: ей никуда нельзя выходить изъ дома, не говоря уже про церковь³⁾; поэтому и говѣнье (говѣть—„поститься“) прекращается, если во время его появляются регулы; если же то же время случается какая-либо церковная служба на дому—молебенье, крестины, отпѣваніе или приходить священника съ крестомъ,—то она изъ-за „стойки“ (перегородка въ избѣ) въ переднюю горницу не выходитъ и не показывается. Прощается съ покойникомъ только тогда, когда у него снимутъ икону съ груди. Кромѣ того, ей нельзя мыть домашнихъ иконъ, зажигать передъ ними свѣчей и лампадокъ; нельзя пить „Вологодской“ воды, ни дотрогиваться до сосуда съ исю, нельзя есть и трогать просфоръ и носить шейного креста, который на весь періодъ вѣшается къ образамъ. Вообще нельзя прикасаться ни къ чему, имѣющему отношеніе къ культу. Нельзя садиться на постель къ больнымъ, припадочнымъ и беременнымъ; нельзя ихъ массажировать („сократъ“). Появляя ихъ, имѣющая регулы, садится обыкновенно на полъ; послѣ ея ухода, это место обкуриваютъ можжевельникомъ („вересникомъ“).

1) Старшина понемногу забываетъ—теперь даже не вѣдь знаютъ и самій апостолъ „Агафка“.

2) Нека не „мѣсяца“, что не всегда является тотчасъ же и окончаніемъ регулы; до тѣхъ же поръ возбраняется и водовая сионенія. Послѣ того, какъ „мѣсяца“, зажигается можжевельникъ и черезъ него переступаешь: послѣднее, впрочемъ, теперь ужъ, почти никѣмъ не исполняется. Вымывавшаяся послѣ регулы считается „чистой“. Вѣдько говорятъ—„ухудшилась“.

3) Теперь не ходятъ только въ церковь, а въ другое дома ходятъ, не только по какой-либо надобности, но и просто въ гости: не вѣдь, конечно, дѣланъ новому.

Не только участвовать или помогать при какомъ-либо промыслѣ, но даже и смотрѣть туда, гдѣ промышляютъ, ей нельзя, особенно при началѣ какого-либо промысла; нельзя переступать черезъ весла, сѣти, оружіе и другіе предметы, относящіеся къ промыслу, нельзя ихъ и трогать. Все это воспрещается потому, что, въ противномъ случаѣ, будетъ, будто, „просить“, т.-е. будетъ не везти въ промыселъ. Нельзя переступать черезъ чье-либо платье, чтобы его владѣлецъ не заболѣлъ. Нельзя переступать черезъ ногти, но то поѣздка будетъ неудачна. Всё это блюdetъ особенно тщательно при первыхъ регулахъ, и „попу лѣнушку“ рекомендуется сопѣть не брать на оленѣ промыселъ въ теченіе года¹⁾. Не такъ давно (лѣтъ 40 тому назадъ), при наступленіи первыхъ регуль, лѣнушку на все время ихъ засаживали въ почту, изъ которой она могла выходить только за нуждой, да и то такъ закрытъ голову, чтобы лица слѣ никто не видалъ.

При первыхъ признакахъ беременности („попеслѣасъ“²⁾) обыкновенно зару чаются „бабуской“³⁾. Она массажируетъ („сократъ“) при болѣхъ, „править младенца“, даетъ разныя наставленія и вообще все время блюдетъ беременную („не проста“, „брюхата“, „въ интересномъ положеніи“ и „беременна“; наиболѣе употребительны 1-е и 3-е выраженія, это послѣднее, преимущественно, употребляется въ разговорѣ съ пами—пришлымъ элементомъ). Специальная обязанность „бабушки“, при нормальномъ теченіи послѣродового періода, кончается на 9-мъ днѣ послѣ родовъ, но обыкновенно она продолжаетъ провѣдывать „родимницу“ до 40-го

1) Если же случится, что во время первыхъ регуль лѣнушки семья ея добудетъ оленя, то это ворожить счастливый промыселъ. Есть изъ этого оленя узелъ только небольшой кусочекъ изъ зада у хвоста.

2) Признаками считаются: прекращеніе регулы, хотя они иногда не прекращаются и у забеременѣвшихъ; кипрізы въ пищѣ; рвота; худоба лица; синева подъ глазами; твердость сосочка, боль въ нихъ, а иногда такое ощущеніе, какъ будто они мерзнутъ.

3) Новитухъ не мало, но самыми опытными считаются юнагирка Орина Воронцова и чумакъ Анина Анина; обѣ живутъ въ Марковѣ. Ихъ почтение слѣдуетъ отдать 1-й. За десять лѣтъ было одинъ изъ первыхъ случаевъ смерти послѣ родовъ, да и то не вѣдь. Ерополѣ, где тогда не было опытной юнагирки. Про запоминающихся этимъ лѣтомъ говорятъ „бабиницѣ“. Лѣтомъ 1907 г. когда я уѣхалъ съ Анастасіа, прибыла туда первая казенная повивальная бабка. Орина Воронцова умерла въ маѣ 1908 г.

дия. Если беременная стыдится „бабушки“¹⁾, или отъ „сорокалъ“ ся бози прекращаются сразу, то берутъ другую, такъ какъ при такой „бабушкѣ“ не ждутъ легкихъ родовъ. Если беременная упадеть, останется или вообще сдѣлается какое-нибудь человѣкое движеніе, то „бывать младенца въ утробѣ зѣсть съ мѣста“ или въ боясь, или винзъ („младенецъ на полу“)²⁾, или вверхъ,—все это „бабушка“ „усеинвать“. Въ первомъ случаѣ, положивъ беременную навзничь, она „направляеть“ младенца руками; во 2-мъ случаѣ, посадивъ ее на кровати или на полу („посадить сѣз“), беретъ подъ мышки и трижды слегка встряхиваетъ, а въ 3-мъ—кладетъ навзничь и, изложившись за заднюю сторону штановъ прогнѣвъ „хобокъ“ (ягодицы; задъ—„цимбръ“) или за ноги, трижды слегка встряхиваетъ. Тоже, чтобы не спрятать младенца съ мѣста, беременной пользы потягиваться, тянуться вверхъ, поднимать тяжелаго, а въ послѣднемъ мѣсяцѣ запрещается и погибаться; поэтому тогда не моютъ половъ и не стираютъ. Кроме того, если погибаться, у младенца „заливаться“ глазки, и онь тогда рождается съ глазами, залѣщенными гноемъ. Беременной нельзя переступить черезъ ремень и, лежа на постели, нельзя переворачиваться съ боку набокъ, а то отъ этого пуповина иногда обертывается у младенца вокругъ ручки, ножки или шейки. „Пока не распутастъ, когда Богъ дастъ, не замѣтѣть“. Пуповина, захвативъ шейку ребенка, можетъ его и задушить—давно, говорятъ, бывали тому примѣры. Поэтому, если беременная желаетъ перевернуться на другой бокъ, то она должна сперва встать съ постели, а затѣмъ уже лечь, какъ ей надо. Защищается сидѣть на твердомъ, а то кости станутъ болѣть ранѣе наступленія послѣдняго мѣсяца. Не слѣдуетъ успленно заниматься такой работой, при которой корпусъ („тѣса“) и руки находятся въ сильномъ движеніи³⁾; отъ этого „младенца Богъ дастъ съ зѣдкой голохокой: мати (маци) сыбко трудиласъ—разѣла“. Вмѣстѣ съ тѣмъ беременной рекомендуется побольше умѣ-

¹⁾ Это никогда случается, изъ особенности съ забеременѣвшими впервые.

²⁾ Въ этомъ случаѣ бываетъ задержаніе мочи у беременной, которое объясняютъ тѣмъ, что младенецъ давитъ на матовѣй пузары.

³⁾ При скованіи якорь, взаминивши руки, при требахъ и при приготовленіи гѣста.

ренаго движенія („мѣтца“)¹⁾—не засиживаться и не залеживаться и дѣлать все быстро; поэтому, проснувшись даже среди ночи, она должна немедленно встать съ постели, напиться воды и пройтись исколѣко разъ по избѣ. У мало двигающихся младенецъ, при роляхъ, „въ воротахъ стасть и маци мущитца, а которая мѣтца, ту скорѣ Богъ просссать; суга исеселюсса и не-прегана тозе замуциватца“. Движеніе беременной полезно и для младенца, который при этомъ тоже „мѣтца“. Для того же, выходя ночью на дворъ, беременная должна тамъ чѣмъ-нибудь стукнуть, чтобы младенецъ „здрогнѣль“. Отъ того, что беременная засиживается, младенецъ рождается съ плоскимъ темячкомъ и съ буграми („сыски“) съ боковъ черепа—„сѣза маци грудиной давыть“. Увидавъ у новорожденаго такую головку, „бабушка“ ее немедленно „правыть“—формируетъ руками, держа младенца головкой къ огню чувала. У беременной, мало имѣющей движенія, не скоро выходитъ „мѣсто“. Ей слѣдуетъ носить хорошие штаны, чтобы не мерзнуть снизу, а то пуповина будетъ толстая и въ пузиряхъ, наполненныхъ жидкостью, похожей на воду. Если она вообще часто будетъ зѣнуть („котора холоднасть“), то послѣ родовъ на тѣлѣ появится синь въ видѣ маленькихъ водянистыхъ „пупурковъ“, не очень скоро проходящая. Каждому новому мѣсяцу должна помолиться²⁾—„слава Тебѣ Господи, проине благонолучно!“

Пока младенецъ не всползнетъ, не вселять быть оленѣяго жиру и мерзлой икры красной рыбы (лососей). Отъ несоблюденія этихъ правилъ, въ 1-мъ случаѣ, онь рождается весь въ какомъ-то жиру, трудно отмываемомъ, а во второмъ—бынастъ весь въ какой-то красной, клейкой жидкости. Если быть сырье кедровые орехи (и сырье и сѣльмо вдѣять со скорлупой), скорлупа у которыхъ очень смолиста, то „мѣсто“ отъ этого прилипаетъ и не скоро выходитъ. Если пить очень горячій чай, то „мѣсто“ будетъ выглядѣть какъ бы свареннымъ, и у младенца на тѣлѣ будуть красныя пятна съ шелушащейся въ некоторыхъ мѣстахъ кожей. Нелья быть заячьяго языка и жевать („кусатъ“) „сѣры“ (листопадная смола), а то, въ 1-мъ случаѣ, рождается занка,

¹⁾ Беременные, даже съ очень большими животомъ, ходятъ на „вечерки“ и пляшутъ.

²⁾ Такъ и говорятъ—„новому мѣсяцу помолиться“.

а во 2-мъ—слонячий („слиноватой“). Нельзя переступить через собаку, иначе младенец родится „мохнатой“—бываются довольно густые волосы по спинѣ и по вискамъ до бровей; и по слѣдствіи они исчезаютъ. Особая желанія беременной относительно нищи стараются исполнить. Если у нея „сердце горитъ“, то новорожденный будетъ съ густыми волосами на головкѣ: „голохка будѣтъ мохнатинка“.

Никому не слѣдуетъ обходить вокругъ беременной, чтобы пуповина не обвернулась вокругъ младенца, какъ и при переворачиваніи беременной съ боку на бокъ въ постели. Не слѣдуетъ проходить у сидящей беременной за спиной, а то, при родахъ, ребенокъ подастся къ заду („бросается въ задъ“), и будутъ отъ этого трудные роды. Ей самой отнюдь нельзя пятиться задомъ, а не то младенецъ, при родахъ, можетъ пойти не головкой, а ножками, что опасно. Въ избѣ всегда должна быть вода, иначе, при родахъ, „воды“ выйдутъ раньше времени и младенецъ будетъ сухой—„родимникъ мука“. Поэтому же, если она уже не ходить по воду, то все же должна изъ присесенного въ избу ушата съ водой отлить хотя бы немнога въ какую-либо чистую посуду и поставить у своей кровати. Чтобы роды прошли скоро и легко, не слѣдуетъ запрещать беременной идти туда, куда она пожелаетъ; на ходу не слѣдуетъ ее задерживать—ни логоняя, ни при встречѣ; если она куда-либо пошла, то должна непремѣнно дойти до места, отюдь не возвращаясь съ пути. Входить и выходить дверями должна первой и на порогѣ не стоять. Возвращаясь изъ избу, должна что-либо съ собою принести, хотя бы щеночку. „Бабушка“ Ани Алии увѣряла меня, что на 7 или 8 мѣсяцѣ беременности можно уже узнать полъ младенца: девочка, будто бы, всегда бываетъ въ серединѣ живота „вѣстрой брюхомъ“), а мальчикъ—къ правому боку, какъ его ни правь. Спронсировано мною о томъ же „бабушка“ Орина Воронцова отнеслась къ этимъ увѣреніямъ Ани Алии скептически. Если у беременной болятъ ноги—„зѣмы тянутъ“—то на щиколотки („суставы“) надѣваютъ кольцо изъ жилъ оленыхъ ногъ или браслетъ изъ красной мѣди, обыкновенно коряцкой работы. Полезнымъ также считается стояніе голыми ногами на желѣзѣ.

Если у беременной появится кровь, какъ бы монструальная, то даютъ пить съ водой толченые квасцы или натертый обож-

женный кириничъ. Если при 1-хъ предродовыхъ боляхъ знобить, то сажаютъ на теплый шестокъ „чуvala“. При первыхъ потугахъ зажигаютъ передъ образами вѣчальная свѣчи, а если беременная—дѣвушка, то просто церковныя („Бозы“), и будущая мать съ „бабушкой“ молятся передъ образами на колѣньяхъ; помолившись, будущая мать, если она замужня, прежде чѣмъ лечь на кровать, говорить отцу и матери—„прости миля“, а если дѣвушка, то говорить то же самое, но стоя на колѣньяхъ и кланяясь въ ноги. Когда она и „бабушка“ молятся на колѣньяхъ, вѣс присутствующіе тоже молятся, но стоя. Призванная при начавшихся боляхъ, главная „бабушка“ опускаетъ беременную и если опредѣляетъ, что она знаменуетъ наступленіе родовъ, то говоритъ: „э-э, захворала“. т.-о.—да, начинаются роды. Тогда исполняется все только что изложenoе. „Бабушка“ Орина Воронцова безошибочно опредѣляла наступленіе этого критического момента. Наступленіе родовъ стараются скрыть отъ всѣхъ постороннихъ, и за „бабушкой“ въ этомъ случаѣ бываютъ „крыши“, да и зовутъ ее для чего-либо другого.

Кромѣ главной „бабушки“—профессиональки, блудущей будущую мать съ самого начала беременности, для помощи при родахъ приглашаются или другая такая же, или вообще „опытная земствина (зенспцина)“, которой зачастую бываетъ мать молодой роженицы или какая либо изъ ножильныхъ ея родственница („родицъ“). Передъ самими родами, у женщины замужней косы, обыкновенно завязанныя вокругъ головы, опускаются по плечамъ, а у дѣвушки ихъ совсѣмъ расплетаются. Отъ этого роды бываютъ легче.

Принимаютъ младенца такъ: помощница „бабушки“ („задняя бабуска“) садится на кровати, раздвинувъ немнога ноги, на которыхъ затѣмъ, прижавшись спиной къ ея груди и широко раздвинувъ ноги, садится роженица¹); обнявъ ее подъ руками и

¹⁾ Передъ нею пристраиваютъ толстую палку, обмазанную чѣмъ-либо мягкимъ (обыкновенно „коромысломъ“, на которомъ, по двое, носятъ ушаты, ходя по воду; русскихъ коромыслъ и палки не знаютъ) такъ, чтобы она опиралась на нее грудью и перекинутыми руками, держа такимъ образомъ верхнюю часть тѣла слегка на мѣсу, но отюдь ее не склоняя. Прокоторая, рожинія ужъ не растъ, довольствуются одной „бабушкой“; въ этомъ случаѣ она становится на кровати на колѣнѣ, широко разставивъ ноги и опираясь на по-

такимъ образомъ крѣпко держа, „задняя бабушка“ крестами своихъ рукъ начинаетъ нажимать на животъ роженицы сверху винть и тѣмъ какъ бы выдавливаетъ изъ нея плодъ. Главная же „бабушка“ („передня“) въ то же время принимаетъ младенца снаружи. Одна только „бабушка“ Ания Алина, кладеть роженицу и орудуетъ одна—она и животъ давить, она и младенца привинчиваетъ, но рожать такимъ образомъ соглашаются очень немногія. Если мужъ не въ дальней дорогѣ, то онъ всегда присутствуетъ при родахъ. Если роженицы облегчается, если быть ее держать за голову или кладеть руку на болѣющее мѣсто. Случается иногда, что роженица пожелаетъ вѣругъ, чтобы привинить кто-либо изъ постороннихъ¹⁾, заnimъ сейчасъ же бѣгутъ, и если у него „легкая рука“, то младенецъ рождается, лишь только привиненный выѣдетъ изъ своего дома. Въ случаѣ трудныхъ родовъ, мужъ, братъ, или кто-либо другой изъ домашнихъ, незамѣтно отъ роженицы заряжаетъ ружье чулей, выходитъ на дворь и, подойдя къ тому окну, воалъ котораго она лежитъ²⁾, стрѣляетъ, предварительно сказавъ: „какъ рузѣй наѣзть скоро, тоби и земства разрѣзылась скоро; какъ пудъ выпилить скоро, тоби и младенецъ родился скоро“. Отъ близкаго выстрѣла роженица „здрагивать, а то ни она, а младенецъ здрагивать и дѣлать движеній и этимъ направляюща на путь и родимницу разрѣзающа благополуцію“³⁾.

многую шашку. Тутъ все же кто либо изъ домашнихъ, зачастую мужъ, исполняетъ обязанности 2-й бабушки, придерживая роженицу свади и нажимая ей на животъ. Кричать роженицѣ нельзя, а то младенецъ подымается вверхъ и ротъ застываетъ. Въ большинствѣ случаевъ рождаются „живойкой“ на устроенныхъ тамъ парахъ („уруѣвъ“). Если роды проходятся ночью, какъ то и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, то приходится принимать младенца поочи изъ темнотѣ, т. к. ложить сѣть тамъ, гдѣ женщина рожастъ (за „живойкой“ или въ „передней горинѣ“) нельзя, — это напоминаетъ обычай чукчей и коряковъ, женщины которыхъ рожаются въ подлогахъ въ полной темнотѣ.

4) Въ большинствѣ случаевъ жалуютъ женщину. Для облегчения сгражданій, роженица проситъ привезенныхъ братъ себѣ за голову или винти руки на болѣющее мѣсто. Такимъ образомъ тутъ въ роли „западнико“ (см. выше) фигурируетъ человѣкъ.

5) Чтобы вышло покромче—„чтобы выстѣрѣть якко долѣтѣть“.

6) И сминаль только объ одномъ случаѣ особенно трудныхъ, но благополучныхъ родовъ, когда младенецъ вышелъ не головкой, а задомъ.

Съ тою же цѣлью просить священника открыть Царскія Враты, служить молебенъ Богородицѣ тоже при открытыхъ Царскихъ вратахъ и дома у себя развязываютъ роженицы мѣшики и открываютъ ся сундуки („яссыкѣ“). Въ былое времѧ, когда было много наговорицковъ, однимъ изъ нихъ всегда заручались на случай трудныхъ родовъ; онъ давалъ роженицѣ пить наговоренную воду. Если прежнія дѣти умирали, то новорожденшаго, чтобы уберечь отъ того же, „бабушка“ принимаетъ въ сѣть. Для этого она береть кусокъ олѣпѣй лукры и кладеть на нее кусокъ нитяной или волосянной сѣти, сдѣлавъ предварительно въ послѣдней дыру такой величины, чтобы черезъ нее могъ пройти младенецъ. Затѣмъ все это приспособленіе помѣщается такъ, чтобы новорожденный упасть прямо на сѣть, послѣ чего „бабушка“ береть его изъ-подъ избу сѣти такъ, чтобы онъ прошелъ черезъ помянутую дыру. При этомъ говорятъ: „Богъ дать въ сѣтѣ“. Присутствующіе должны радоваться и говорить другъ другу: „ль сѣтѣ дѣбили!“¹⁾. Этимъ, какъ и первѣйшій имень (см. выше) хотятъ обмануть злой рокъ. У некоторыхъ роды сопровождаются сильными перинами припадками, такихъ, конечно, деркаютъ многіе.

Пуповину „передняя бабушка“ перерѣзываетъ ножомъ или ножницами, поэтому ее зовутъ еще „бабушка-пупорѣзакъ“. Ни ножа, ни ножницъ, служившихъ для перерѣзыванія пуповины, не „дѣрзать“, т.е. не употреблять по прямому назначению до тѣхъ поръ, пока у младенца не отвалится пуповина. Чтобы застраховать новорожденаго на будущее время отъ „смертьванія пупа“, перерѣзать пуповину на четверть арии отъ его животика, „ба-

1) Какъ только ребенокъ родится, посыпаютъ „вѣстить родникамъ“, которые сейчасъ же приходятъ, хотя бы попою; раньше приносили подарки новорожденному, состоящие изъ разныхъ предметовъ домашнаго обихода, смогя по полу младенца. Теперь этого не делаютъ. Вблизи родникамъ посыпаютъ мальчишъ, которые, замыкавшись въ избу и вытинаютъ: „у насъ одоска“ или „мама одоску хватила“, т.е. побѣжала (объясненіе этого ниже; „одоска“—нарицательное для каждого младенца). Несбѣщенный долженъ откликнуть: „Слава Богу, Богъ тусу прѣстиль!“ Затѣмъ они, обыкновенно справляются о полѣ новорожденного, и вѣстникъ мчится дальше. Поздравляя, говорятъ: „Поздравлю Васъ съ новорожденнымъ (новорожденной), дай Богъ вскорить, вспоють и землю (замужъ вѣдти)!“ Поздравляющихъ угощаютъ какой-либо закуской и чаемъ.

булка" дасть выпечь изъ нея со столовую ложку крови; затѣмъ, выжавъ ее, перевязываетъ предевомъ ("руска пинка", въ отличіе отъ своей—жильной, которая просто называется пинкой) на 4 пальца отъ животика, а у самаго животика обертывасть пуповину мягонькимъ кусочкомъ памоченой слюной заячей шкурки ("усканины") и завязываетъ; эту обертку потомъ часто смачиваютъ или слюной или теплой водой, чтобы пуповина поскорѣе перогнила ("вѣкина") и отвалилась. Занахъ отъ этого очень тяжелый. Покончивъ съ пуповиною младенца, главная "бабушка", выкупая его въ теплой водѣ, обрѣдитъ и запелевавъ¹⁾, подносить близко къ тоящему чулку и, держа головку къ огню, обжимаетъ ее слегка руками, "чтоби сиби сослись"; такимъ же образомъ грѣть ("зарить") лицо, которое тоже слегка обжимасть и растирасть; послѣ этого надѣвать на младенца чепчикъ ("саноцьку")²⁾ и кладеть его къ матери³⁾.

1) Мать приготовляетъ заранѣе чепчикъ, обыкновенно ситцевый, синий, синельникъ ("пѣхромъ"), сшиваемый изъ ситцевыхъ же обрѣзковъ и ситцевую же рубашечку. Чепчикъ и синельникъ выются изъ некаго матеріала, а рубашка, для мягкости, изъ попошеннаго. Изъ попошеннаго же ситца дѣлается "пуповая завязка", которой, какъ поясомъ, обвязываютъ младенца по голому тѣлу ноперхъ пунка.

2) Тутъ же зовутъ какую-либо "груднѹ" (съ молокомъ) бабу покормить ребенка. У рождающихъ внериме, обыкновено, первые два дня послѣ родовъ отдаиваются плохое молоко изъ какую-либо посуды. Отасасываніе происходитъ дѣвочками подростками, которымъ за это что-либо дарятъ. Это молоко выливаютъ на дно въ "цинкое" мѣсто, но которому не ходить,— плюнуть имъ, напр., на сѣву. Затѣмъ, пока настоящее молоко не пойдетъ хорошо, берутъ къ груди чужого ребенка, хорошо сосущаго. Своего начишаютъ кормить только тогда, когда молока станетъ довольно. У рожавшихъ нескользко разъ, все это происходитъ гораздо скорѣе, и ониъ обыкновенно обходятся и безъ отасасывающихъ и безъ чужихъ ребятъ. Отдопть сама лишь плохое молоко и начинать кормить своего. Недостатокъ молока у матери не рѣкость; хорошо при этомъ, если есть возможность кормить ребенка грудью какой-либо "родинцы" или посторонней женщиной (постороннихъ чѣмъ-либо за это вознаграждаютъ),— въ противномъ случаѣ, кормятъ соской изъ ржаного хлѣба съ сахаромъ или изъ рожка (съ ровдужной па концѣ его соской съ дырочками) жидкой болтушкой изъ ржаной муки съ сахаромъ; такую болтушку зонуть "затураюю". Извѣтъ 14 тому назадъ, когда не всегда можно было достать муки, кормили соской изъ вареной икры "красной" (кеты). Иногда, за смертью матери, а то и при ней ребенокъ переходитъ въ руки бабушки ("бабулька"). Чтобы ребенокъ не плакать, бабушка

Пока главная "бабушка" продѣлываетъ все только что изложенное съ младенцемъ, помощница ея, а если таковой нетъ, то она сама, покончивъ съ младенцемъ, велитъ роженицу лечь на бокъ, поджавъ ноги, и начинаетъ сжимать ей руками голову, а на плечо и тазъ надавливаетъ сверху руками, "какъ судѣрѣ", т.-е. пока терпимо, но больно. Это дѣлается для того, чтобы сошлись ѣспои костей; съ тою же цѣлью нажимаетъ задъ кверху (къ головѣ). Послѣ этого роженица тутъ повлѣзываютъ платкомъ голову и чѣмъ-либо широкимъ обвязываютъ животъ тоже довольно туго и даютъ выпить около $\frac{1}{3}$ чайки теплаго растворимаго "мозгового" оленѣаго жира, что должно предохранять отъ сильныхъ болей живота.

Если "мѣсто" ("мѣсто", "мѣстецко") у родившей не выходитъ вѣльдь за ребенкомъ, то вышедшую часть пуповины, оставшуюся послѣ отѣленія ребенка, привязываютъ предевомъ къ сѣ бедру ("стегнѣ") и, чтобы "мѣсто" вышло поскорѣе, даютъ ей пюхать дымъ сѣры (sulfur), а если это не помогаетъ, то растираютъ животъ сверху внизъ тряпкой, памоченой въ горячей водѣ. Нѣкоторыя умѣлия "бабушки", случалось, доставали "мѣсто" рукой. Иногда, послѣ выхода мѣста не идетъ кровь или выйдетъ запекающійся ("печенїца"), тогда появляются въ животѣ очень сильныя боли, сопровождающіеся сильнымъ пульсированіемъ чего-то внути него (не въ маткѣ ли?); это называется "золотниками" или "болитками", отъ нихъ роженица сильно кричитъ. На то мѣсто, противъ котораго бьются "золотники", кладутъ горячія припарки; теперь ихъ научились дѣлать какъ слѣдуетъ, а раньше припаркой служила горячая зора или мелкая галька ("дресна"), завернутая въ мокрой тряпкѣ. Въ случаѣ очень сильныхъ болей ("будѣ сѣбѣ золотники"), пюхть настоемъ "лонгусовъ" (Pirola incana). Чтобы предупредить появленіе "золотниковъ" или ихъ ослабить, поскорѣ послѣ родовъ роженицу стараются хорошо-шенько накормить, но только свѣжей и вареной пищей—супомъ постоянно дасть сосать ему свою пустую грудь. Мнѣ припоминается случай, когда у одной такой старухи, не рожавшей уже лѣтъ 20, но не вдовы, появилось молоко. Говорятъ, что это не рѣкость. Матери кормить грудью иногда зѣть до 4-хъ. Мнѣ случилось однажды видѣть и такой казусъ: сынъ рыбника-чукчи Василій Коноваленка, лѣтъ 6 отъ роду, потянувшись у стла изъ трубки, подбѣжалъ къ матери и стала сосать грудь. Большинство кормятъ ребятъ грудью до 3-хъ лѣтъ.

съ свѣжимъ оленіемъ мясомъ или съ свѣжей рыбой, а то и какой-нибудь кашей¹⁾). Пищу эту начинаютъ приготовлять, какъ только рождается ребенокъ. Частъ, но не очень горячимъ, погрѣть съ бѣлымъ или ржанымъ хлѣбомъ (пищу вѣдь безъ хлѣба). Передъ родами и послѣ нихъ стараются, чтобы желудокъ былъ въ порядкѣ; особенно нежелательнымъ считается запоръ, отъ котораго ставить мыло („пѣску“). Нѣкоторыя не пьютъ сырой воды до 40 дней, а нѣкоторыя только до десяти дней, но и эти послѣднія, начавъ пить сырую воду, не пьютъ ее холодною до 40 дней.

Для облегченія болей живота во время беременности и послѣ родового периода считается полезнымъ класть подъ постель полынь. Для остановки сильного кровотеченія принимаютъ квасцы.

Вышедшее „мѣсто“ вымываютъ и, завернувъ въ чистую тряпку, кладутъ подъ кровать роженицы; если младенецъ рождается „какъ олень“—въ пузирѣ („рубаска“ или „мѣсохъ“), то и его завертываютъ вмѣстѣ съ „мѣстомъ“²⁾, туда же присоединяютъ отвалившуюся у младенца пуповину, что иногда бываетъ лишь на 5-й день (когда она толстала). Про запахъ отъ этихъ аксессуаровъ ничего ужъ и распространяться. Все это глянцая „бабушка“, завернувъ въ кусокъ оленьей шкуры или ровдуги, увязываетъ хорошенько ремешкомъ; снаружи къ этому свертку, если новорожденный—мальчикъ, привязываетъ маленький, съ пальцемъ, лукъ со стрѣлой, такой же ножничъ, лоскутки лисы и бѣлички и какую-либо небольшую монету, а если дѣвочка—разные матерчатые лоскутки („комбѣтки“), маленькой деревянной женской рабочей ножичкѣ („палѣмка“), наперстокъ и иголку. Мальчикъ будетъ удачливымъ промышленникомъ и богатымъ, а дѣвочка хорошей мастерницей. Съ приготовленными такимъ образомъ сверткомъ главная „бабушка“ уходитъ подальше въ лѣсъ и, выбравъ тамъ молодое, крѣпкое деревце, на вѣтку его, повѣши, чтобы не достали собаки, вѣшаютъ привезенный свертокъ и для крѣпости привязываютъ сго къ ней еще ремешкомъ, приговаривая: „счастливъ будь, долговѣкай!“ Раньше всегда такъ дѣлали, а теперь нѣкоторыя „бабушки“ зарыпаютъ эти свертки въ

¹⁾ Если ее отъ этого даже тошнитъ („сарадо мутитга“).

²⁾ „Рубаску“ эту „бабуска“ старается скрыть отъ всякихъ, т. к. наличие ея добра не сущъ.

ВОЛЪЗНИ И РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ИАНАДЫРѢ. 147

землю или кладутъ въ дупла. Послѣдніе способы, пожалуй, цѣлесообразнѣе, т. к. уберегутъ свертокъ отъ вороновъ и сорокъ, которыхъ около селеній очень много.

Бываетъ, что ребенокъ рождается какъ бы въ чепчикѣ изъ тоненькой, прозрачной какъ „коронасей пузырь“ (зобъ) кожицы („сороцька“, „въ сороцькѣ родилса“). „Сорочка“ эта бываетъ или чисто бѣлой, или съ черненькими пятнышками, слегка напоминающими трефы, или съ красненькими прожилками. Первая предвѣщаетъ („ворозить“) удачу въ хозяйствѣ и промыслахъ, вторая—счастье въ картахъ¹⁾, а третья, самая рѣдкая,—какое либо особенное счастье въ жизни. „Сорочка“ вымывается и высушивается. Во время крестинъ священникъ погружаетъ ее въ купель вмѣстѣ съ младенцемъ. Послѣ крестинъ „сорочку“ зашиваютъ въ ладанку; причащая ребенка, кладутъ ему ее подъ чепчикъ. Когда собственникъ „сорочки“ вырастетъ, то носить ее на крестѣ, а до того обыкновенно носить ее на крестѣ его отца, но изъ причастію собственникъ „сорочки“ долженъ непремѣнно имѣть ее на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ. Когда онъ умрѣстъ, „сорочка“ ого кладется съ нимъ въ гробъ.

Иногда у новорожденного по тѣльцу бываетъ меленькая желтовато-красноватенькая сыпь, какъ „икорка бѣлой рыбы“ (cargomonus), появляющаяся вскорѣ послѣ рожденія до 40-го дня, а въ рѣдкихъ случаяхъ и позже; это, говорятъ, младенецъ „цивѣтъ“. Она проходитъ сама собой. Бываетъ по спинѣ темненькія, синеватыя пятнышки, тоже въ большинствѣ случаевъ впослѣдствіи исчезающія; не рѣдкость темнѣла, съ синеватымъ отливомъ родимая пятна разной величины—у „бабушки“ Орины Воронцовой такая была вся правая лопатка²⁾. Классическій аистъ на Аналырѣ не извѣстенъ. „Оля“ или „Олюска“ появляется неожиданно изъ подполъя гдѣ-либо подъ кроватью, „урѣномъ“ или

¹⁾ Это счастье было для марковца еще не tanto давно очень важнымъ, т. к. азартная карточная игра была очень развита. Уничтожилъ это зло И. Л. Рондатти, бывшій начальникомъ Аналырской Округи (теперь уѣздъ) съ 1894 по 1907 г. И, конечно, действовалъ въ томъ же духѣ. Протраншился (не вѣрить—„мѣдитъ“) по рѣдко выпрашивали на счастье чужую „картику сороцьку“, но при этомъ требовалось, чтобы ее одолжилъ самъ родившійся въ ней.

²⁾ Не Psoriasis ли? Всѣ эти пятнышки и пятна считаются какъ бы синяками, происшедшими отъ того, что мать скоблила шкуру, будучи беременной,—„бездна младенца грудиной“.

диваномъ, мама, конечно, стромглажъ („съ прыти“) бросается, чтобы его взять оттуда („хватить“) и при этомъ „бередитца“, а потому и принуждена бывать лечь въ постель и хворать. Эта версія годится для того времени, когда живутъ въ селеніяхъ въ избахъ; лѣтомъ же, когда живутъ въ избахъ¹⁾, не имѣющихъ ни подполья, ни кроватей и прочаго, мама усматривается „Олюску“ подъ кустомъ и бросается поскорѣе схватить его—результаты получаются тѣ же, что и въ избѣ. Пострадавшей при этомъ считается обыкновенно мамина нога. Иногда говорятъ, что мама пострадала въ борьбѣ изъ-за „Олюски“ съ какой-либо другой женщиной—„отымались“.

Теперь приходится вернуться иѣсколько назадъ.

Когда главная „бабушка“ управится съ новорожденнымъ, т.-е. выкупаетъ его, заселенастъ и украсить ченчикомъ, и когда, почти одновременно, уберутся съ роженицей, то отецъ новорожденного идетъ къ священнику просить его прійти и дать „цисту молитву“²⁾. Тутъ же дается новорожденному и имя, выбранное родителями. Надо при этомъ знать, что все туземцы нашего крайняго Сѣверо-Востока³⁾—и христіане и язычники—твердо вѣрятъ въ то, что умершіе могутъ возвращаться съ того свѣта подъ видомъ новорожденныхъ младенцевъ. Для этого обратнаго переселенія безсмертному жителю загробнаго міра приходится умереть и на томъ свѣтѣ. Для такихъ вернувшихся существуетъ особый терминъ—„далѣко присоль“⁴⁾. Возвращаются только тѣ, которые сильно тоскуютъ обѣ оставшихся на землѣ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы и на землѣ о нихъ сохранили добрую память. Могутъ поэтому возвратиться и водвориться въ семью и не родственники, а просто друзья. Сильный шаманъ вѣръ правиль—онъ можетъ вернуться и водвориться у тѣхъ, которые этого и не желали бы. Случается, что женщины возвращаются въ видѣ маль-

¹⁾ Еще лѣтъ 15 тому назадъ большинство марковцевъ въ начальѣ зѣва упивались въ разныи мѣста по рѣкѣ, гдѣ жили и въ положкахъ и на ладахъ.

²⁾ Если дѣло поэзью, то идуть за священникомъ утромъ. Когда отда пѣть дома, идеть за священникомъ главная „бабушка“. За „цисту молитву“ священнику ничего не платятъ.

³⁾ Уездъ—Анадырскаго, Гижигинскаго, Петропавловскаго (Камчатка) и командорскихъ О-вѣ и изъонъицъ р. Колымы (Колымскій округъ, Якутской облости). Про туземцевъ Охотскаго уѣзда и верховьевъ р. Колымы не знаю.

чиковъ и наоборотъ. Если у ребенка два „пѣмиска“¹⁾ (макушки—волосистыхъ центровъ), то говорятъ, что въ лицѣ его вернулись двое. Обнаружить личность вернувшагося можетъ чьё либо сновидѣніе, предсказаніе самого умершаго, какіе-либо знаки на тѣлѣ новорожденаго, какіе-либо его особенности, напр., лѣвша и удостоеніе шамана или вообще „опитнаго“ или „знающаго“ человѣка.

Опредѣливъ однимъ изъ этихъ способовъ, что въ лицѣ новорожденаго „далѣко присоль“ какій-либо „дѣлуско Гѣврѣ“ или „тѣтка Агапія“, ему даютъ то же имя. Если же сразу не могутъ опредѣлить, кто вернулся, то обыкновенно даютъ имя въ честь наиболѣе почитаемаго святого изъ поминаемыхъ или въ день рождения младенца или въ одинъ изъ ближайшихъ къ нему дней; при этомъ, конечно, не трудно выбрать имя кого-либо изъ умершихъ родственниковъ или друзей, что обыкновенно и дѣлаютъ; также поступаютъ, если вернувшійся былъ непрестанымъ чукчей. Зачастую узнаютъ вернувшагося только тогда, когда онъ начинаетъ уже говорить, и тогда или самъ скажетъ, кто онъ, или отвѣтить на вопросъ о томъ кого-либо изъ домашнихъ.

Каждаго ребенка, если въ немъ раньше никого не узнали, становятъ распрашиватъ о томъ, лишь только онъ заговорить. Съ той же цѣлью слѣдить за всѣми его дѣйствіями и пріемами, особенно за отличающимися чѣмъ-либо отъ обыкновенныхъ.

Когда кто либо хочетъ узнать, кто вернулся подъ видомъ интересующаго его ребенка, то спрашиваютъ: „охто онъ далѣко присоль?“ Если знаютъ, то говорятъ, а если иѣть, то отвѣчаютъ: „онъ никто“.

Для поясненія приводу иѣсколько примѣровъ.

Покойный ероополецъ Семенъ Шарыповъ²⁾, у которого въ лицѣ каждого изъ его семерыхъ дѣтей фигурируетъ вернувшийся съ того свѣта покойникъ, такъ мнѣ о нихъ рассказывалъ.

„Былъ на Ероополѣ мой родственникъ, сильный³⁾ ламутскій шаманъ Захарь; онъ былъ слѣпой; ему сильно вѣрили. Когда

¹⁾ „Двѣйцимой“.

²⁾ Былъ самъ шаманомъ до начала 90-хъ годовъ прошл. столѣтія и посыпалъ землю ихъ—косу. Тогда покаялся, обрѣзать косу и исполнить вѣнтию, наложенную священникомъ. Умеръ, имѣя болѣе 60 лѣтъ отъ роду, осенью 1907 г.

³⁾ Волшебствомъ.

отъ 1-й жены у меня родился сынъ (сейчасъ 38 лѣтъ¹⁾), то Захаръ сказалъ мнѣ, что это „далѣко пришелъ“ мой покойный отецъ и что послѣ онъ мнѣ это самъ скажетъ. Поэтому новорожденаго и назвали въ честь покойнаго моего отца Егоромъ. Когда мальчикъ сталъ поговаривать, я спросилъ у него, кто онъ „далѣко пришелъ“, какъ его раньше звали, сколько у него тогда было дѣтей и какъ ихъ звали? Онъ отвѣтилъ, что онъ мой отецъ, что звали его и раньше Егоромъ и что у него было двое дѣтей—Николай и Семенъ (мой старшій покойный братъ и я, другихъ дѣтей у покойнаго отца не было). Тотъ же шаманъ Захаръ однажды сказалъ мнѣ, что онъ самъ „далѣко придетъ“ ко мнѣ, когда я буду женатъ на 2-й женѣ; первая моя жена была тогда въ добромъ здоровьи, и предсказаніе недалеко ся смерти меня очень огорчило, и я „умомъ себѣ подумалъ на Захара—циркѣ тибѣ въ ротъ, дресвянку (галька) на добавокъ“. Вскорѣ послѣ того умеръ Захаръ. Прошло не сколько лѣтъ, и ужъ и забыть о его предсказаніи, какъ вдругъ отъ „попѣтря“ умираетъ моя 1-я жена. Послѣ семи лѣтъ вдовства, я женился на тещеринѣ моей женѣ, и черезъ 2 года у насъ родился сынъ, котораго назвали Иковомъ (не хотѣлось мнѣ назвать Захара).

Два мѣсяца со дня рождения онъ постоянно плакалъ²⁾ и не раскрывалъ глазъ. Я ужъ думалъ, что онъ слѣпорожденный, и однажды вечеромъ сказалъ, что напрасно было радоваться его рожденію—все равно, онъ не выживетъ, а если и выживетъ, то какая жизнь слѣпому! Въ ту же ночь вижу по снѣ шамана Захара, который напомнилъ мнѣ свое предсказаніе и упрекнулъ въ томъ, что я не узналъ его въ слѣпомъ младенцѣ³⁾, и въ томъ, что я, въ концѣ концовъ, не радъ ему.

1) Въ 1907 г.

2) Если поворожденный сильно и долго плачетъ, то говорятъ, что онъ гаданіемъ проситъ, и обращаются съ просьбой къ „знающему“ человѣку, чтобы онъ „ко себѣ посмотрѣлъ“, кто въ лицѣ этого младенца „далѣко пришелъ“. Если угадаетъ, то плачь прекратится. Обращаются къ „знающему“, когда сами (семья) не могутъ угадать, кто вернулся. Самъ С. Шарыповъ былъ такимъ „знатчимъ“, и къ нему многие обращались. Въ начальѣ пробуютъ унять плач младенца тѣмъ, что вѣ ложку къ нему, если онъ мальчикъ, кладутъ игрушки: луники, стрѣлку и пожичкѣ, а если девочка—такой же мѣшочекъ съ принадлежностями женскаго мастерства и куколками. Кладутъ съ присловіемъ: „не плачь, не уроши, ногъ тиѣ подарокъ“.

3) Захаръ, какъ было помянуто, былъ слѣпъ при жизни.

Вспомнилъ и про чирей съ дресвянкой. Зналъ силу покойнаго Захара, я порядочно струсилъ („здрогнѣлъ“). Уходя, онъ ударилъ меня палочкой по лѣвому предплечью („мишка“—отъ мышцы), отъ чего я проснулся и тутъ же почувствовалъ, что не могу поднять лѣвой руки, „мишка“ которой оказалась распухшѣй. Утромъ, поднявшись съ постели, я сейчасъ сказалъ младенцу: „ну, старикъ Захаръ, буде вѣбуль (вѣро, въ действительности) ты присоль мнѣ, будѣтъ плакать и уросить (посыпать неудачу, бѣду—памекъ на заболѣвшую руку), помиримса! И тиба сїбѣ залѣтъ (любить) буду, не сѣрдїса, будѣтъ, перестань нынѣ“¹⁾. Послѣ этихъ словъ, младенецъ сразу („напроѣдѣ“) заснуль и проспалъ цѣлые сутки. Проснулся только на другой день утромъ—былъ праздникъ—„Царь Константинъ“—, открылъ глазки и разсыпался ла съ тѣхъ поръ никогда ужъ и не плакалъ.

Сынъ мой Василій, какъ только стала поговаривать, самъ сказалъ мнѣ: „я твоя мати (мати) Ани“.

Сынъ Михаилъ сталъ уже „бѣльсѣнъкимъ“ (лѣтъ 5—6), а мы все еще не знали, кто онъ. Изъ всей нашей семьи онъ одинъ до сихъ поръ очень боится грому. И его тогда брали за это и однажды спросили о причинѣ такого страха. Ребенокъ отвѣтилъ, что когда онъ успулъ въ „Ольховой“ (лѣтникъ), и мы его понесли и, положивъ въ яму, стали засыпать землей и дресвой, то эта послѣдняя сильно гремѣла. Этого онъ очень испугался, выскочилъ изъ ямы, убежалъ къ мамѣ и спрятался у неї подъ одѣяло. Съ тѣхъ поръ и страшно, когда загремитъ громъ²⁾.

Изъ этого рассказа Михаила я понялъ, что онъ вернувшійся покойный шуринъ мой Михаилъ же, давно умершій въ „Ольховой“ и похороненій нами въ дресвянной почѣ, которая, при засыпаніи могилы, сильно гремѣла по крышкѣ гроба.

Дочь Ани, какъ только стала поговаривать, сказала сама, что она мать моего старшаго сына Егора, т.-е. моя 1-я покойная

1) Каждому вернувшемуся, какъ только его узнаютъ, говорятъ: „не уроши (т.е., не приноси неудачи, несчастія), зины, мы тиба залѣтъ станѣтъ.“

2) Такъ-какъ марковцы, если вѣтъ ничего нового, ведутъ безконечные разговоры о разныхъ минувшихъ событияхъ, то ничего вѣтъ мудренаго, что мальчишъ слышать всѣ подробности о смерти и погребеніи своего тезки, „дядюсы“ Василія и видѣть рассказанный отцу сонъ. Всеобщая первинность и есть та почва, на которой легко могутъ возникать такие сны и разныя видѣнія.

жена, и стала звать его: „тятю мой“ (родители зовут мальчиковъ „тятя“, а девочекъ—„мама“—это результатъ того же вѣрованія въ возвращеніе умершихъ).

Сынъ Степанъ—это мой покойный „братацъ“ Степанъ же, который еще при „зыбностѣ“ сказалъ, что когда умретъ, то ко мнѣ придетъ. Когда мой Степанъ родился, я пѣ ту же ночь видѣлъ во снѣ, что пришель покойный „братацъ“.

Сынъ Николай—это покойный молодой ламутскій шаманъ Николай же. Я былъ у него посаженнымъ отцомъ („благословленій отецъ“); „онъ“ былъ для меня (я) сыбко ласковъ“, и я его любилъ, и конечно, раннею смертью его былъ сильно огорченъ. Успивъ за иѣсколько часовъ до рожденія моего Николая, вижу сонъ (агрэзитца), что кто-то со двора приближается къ моей избѣ съ вѣнцемъ, звучащей откуда-то сверху; я сойчасъ же узналъ голосъ покойного Николая, который, действительно, скоро вошелъ ко мнѣ въ избу, поздоровался и сказалъ: „тонэрѣ я Вашъ наисоль, я вить вѣсё Вамъ присоль и не побѣдь ламутамъ (ламуткамъ) назать“. „Кай-буль (хорошо, ладно), у меня зыви,—сказалъ я,—съ тѣмъ и разбудился“. Черезъ часъ родился сынъ, и мы вѣримъ, что это вернулся покойный шаманъ Николай».

У марковской семьи Бѣляевыхъ (родители моей жены) съ 1902 г. жилъ въ работникахъ бедный молодой чукча. Онъ попалъ къ нимъ съ обмороженными на ногахъ пальцами, на которыхъ отъ того были пузыри. Лѣтомъ 1903 г. онъ утонулъ, а весной 1904 г. у Бѣляевыхъ родился сынъ. Такъ какъ у новорожденного оказались на пальчикахъ ногъ какие-то пузыри, то ни у кого во всемъ Марковѣ и не осталось сомнѣнія, что вернулся утонувший чукча.

Нѣкоторая дочь Сигклитикія, отъ самаго рожденія почти до 3-хъ-лѣтняго возраста, была сильной плаксуньей. Старались не разъ узнать, кто она, но это не удавалось ни своимъ, ни постороннимъ, ни даже „знающимъ“ людямъ. Паконецъ однажды, когда ребенокъ не зналъ, что за нимъ наблюдаютъ, тетка ся Аниа увидала, что девочка уединилась въ уголокъ и какъ-то особенно странно все время вздергивала носомъ. Такъ какъ домашніе и по такому казусу угадать ничего не могли, то побѣжали „съ пѣстью“ къ бабушкѣ девочки, старухѣ Оринѣ Воронцовой, которая сразу и открыла Америку: „буль не сыбко давно старикъ

Аханасій, онъ сыбко дѣргалъ носомъ, и улісно имъ было дергунъ¹⁾; Кисилля (уменьшенніе отъ Сигклитикія; говорить и Кисилля) Кисилля онъ и есть“. Старуха угадала, и девочка, будто бы, съ того самого дня перестала быть плаксуньей. У моего сына Владимира, родившагося въ 1904 г., въ возрастѣ около года, поперекъ переноса обозначилась голубенькая жилка. Такъ какъ по своему облику онъ сразу былъ отличенъ отъ туземнаго типа, то угадывать въ немъ кого-либо изъ покойныхъ аянадырцевъ не приходилось. Поэтому теща моя весьма дипломатически иѣсколько разъ заговаривала со мною обѣ этой жилки и о моихъ покойныхъ родныхъ. Сначала всѣ эти подходы мнѣ были какъ-то нѣдовѣрчивы, но, сообразивъ вскорѣ, что ей нужно, я очень удачно разрѣшилъ ся недоумѣніе, вспомнивъ, что у моего покойнаго отца отъ постояннаго носенія очковъ была поперекъ переноса глубокая бороздка. Этого открытия было, конечно, слишкомъ достаточно, чтобы безаппаратно заключить, что въ лицѣ сына моего Владимира вернулся съ того свѣта мой покойный отецъ Шавель.

Марковонъ Артемонъ Воронцовъ привезъ однажды съ ярмарки кусокъ продымяленаго чукотскаго чума (покрышка юрты). Маленькая его дочка, про которую не было еще известно, „кто она“, все верглась около покупки, обнюхивала ее и смеялась. Эта ея радость, при видѣ чукотскаго чума, показала, что она вернувшаяся покойная чукчанка, жившая не мало лѣтъ тому назадъ у отца жены А. Воронцова.

У сроопольца Алексея Шитикова родился мальчикъ. Ко всему удивлению, у только что принятаго „бабушкой“ младенца оказалась на головкѣ вишня²⁾. Такой казусъ далъ возможность рѣшить сразу, что въ лицѣ его вернулась не особенно давно умершая старуха, жившая въ домѣ Ал. Шитикова, какъ родная; она отличалась особыніемъ обилиемъ вишекъ.

На р. Колымѣ, близъ Нижне-Колымска, былъ богатый оленный чукча. Онъ былъ некрещеный, но имѣлъ крещенаго взрослого сына (единственнаго). Пачакъ дряхлѣть и болѣть, старикъ, какъ

¹⁾ Этотъ Аханасій жилъ когда-то въ семье Воронцовыхъ.

²⁾ Собственно говори, удивительного въ томъ мало—ишакъ могла унести головы или одежду принесшей „бабушки“, но дело въ томъ, что „дѣло“ того никогда не бывало.

то часто бывало у чукаль, захотѣлъ отправиться на тотъ спѣть раньше времени. Сынъ отказался исполнить надъ нимъ этотъ обрядъ, мотивируя это тѣмъ, что ему, какъ христіанину, нельзя убить своего отца, хотя бы и по его настоянию. Умирая вскорѣ естественною смертью, старикъ сказалъ сыну, что за неисполненіе онъ вориется къ нему, но не на радость, а на тяготу, но тутъ же сказалъ, что оленей у него не возьметъ (т.-е. что они у него не переведутся). Дѣйствительно, вскорѣ послѣ старика у сына его родился мальчикъ, оказавшійся какимъ-то искривленнымъ уродомъ—все тѣло его и конечности были искривлены, и двигаться безъ посторонней помощи онъ почти не могъ; несмотря на это, онъ дожилъ до старости и владѣлъ большими табуномъ, унаследованнымъ отъ отца. Умеръ онъ недавно.

Если младенецъ здоровъ, то крестини бываютъ на 8-й день отъ рожденія. Перодъ крестинами его купаютъ во 2-й разъ послѣ рожденія, а послѣ нихъ купаютъ черезъ день; дѣлается это передъ плающимъ чуваломъ. Выкупавъ, держать такъ близко отъ огня, что у него даже покраснѣетъ все тѣльце; въ то же время младенца массажируютъ. „Зарать“ (жарить) его такимъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы тѣльце скорѣе стало „тугимъ“ и чтобы, выросши, не былъ блѣднымъ. Для мальчика можно ограничиться однимъ кумомъ („кека“ или „красный“), но обыкновенно приглашаютъ и куму („кека“ или „крѣсна“); для девочки достаточно одной кумы, но иногда добавляютъ и кума. Куму полагается принести шейной кресть съ „гайтапомъ“ (шиурокъ или ленточка) и ризку („рѣска“)¹⁾, а кумъ—рубашечку, чепчикъ и свивальникъ. Если приглашены олинъ кумъ или одна кума, то все это приноситъ приглашенный. Всѣ эти вещи кладутся около купели; съ ними же кладутъ и „сорочку“, если конечно, младенецъ родился въ ней. Какъ ужо помянуто, священникъ погружаетъ ее въ купель имѣеть съ младенцемъ. Если крестятъ въ церкви, то оттуда расходятся прямо по домамъ, а если въ домѣ, то священниковъ и прочихъ участниковъ крестенія угощаютъ чаемъ²⁾; только у наиболѣе состоятельныхъ, да

¹⁾ Отъ 1 до 5 ариш. ситуу, дрези, мигкалю и т. п.

²⁾ За крестина священнику ничего не платятъ, но если по болѣзни ребенка его крестятъ раньше времени, когда пурпуринъ еще не отвалился, то для

и то въ послѣднее время стали на крестинахъ подавать угощеніе съ пирогомъ. Пока крестникъ малъ, его родители дарятъ чѣмъ-либо крестныхъ по большимъ праздникамъ и на именины, а кромѣ того, при случаѣ помогаютъ, чѣмъ можно. Выросши, дѣлаетъ это крестникъ. Въ случаѣ смерти родителей, крестные почтаются заступающими ихъ мѣсто. На свадьбахъ благословляютъ крестниковъ послѣ того, какъ благословятъ родители.

Только послѣ крестенія младенца начинаютъ класть въ люльку („зѣбка“), которую вѣшаютъ надъ кроватью матери, приблизительно надъ ея колѣнами; благодаря этому, она можетъ кормить младенца грудью, сидя на кровати и не вынимая его изъ люльки. Люлька состоитъ изъ прямоугольной рамы, приготовленной изъ поставленныхъ на ребро березовыхъ планокъ (шириною вершка въ 2 и толщиною около $\frac{1}{2}$), соединенныхъ по угламъ замокъ; недалеко отъ нижнаго края ихъ просверлены дырочки для подшивки углубленного дна изъ ровдуги (чаще) или дреzi. Отъ угловъ люльки идутъ 4 тонкихъ ремешка, связанныхъ надъ нею въ узелъ; дальше идетъ уже одинъ ремень потолще, прикрепляемый къ потолку. Такая люлька, сдѣланая отцомъ для первенца, служить послѣдовательно всемъ его дѣтямъ. Крестильный крест прияззываютъ къ одному изъ ремней люльки надъ головою младенца. Въ первыя три обѣдни послѣ крестинъ его обязательно причащаются,—даже и въ томъ случаѣ, если онъ не здоровъ. Крестильный крест при этомъ надѣвается поверхъ того, въ чёмъ онъ занесенъ, а ладанку съ „сорочкой“ кладутъ подъ чепчикъ.

Если все благополучно, то не позже 9-го дня¹⁾ роженица встаетъ съ постели. Тутъ прежде всего „бабушка“²⁾ моетъ ее съ мыломъ передъ топящимся чуваломъ, помѣстивъ на диванъ или на кровати съ голыми досками. Одѣвшись послѣ этого мытья, роженица „моѣть бабускѣ руки“: берется большой мѣдный тазъ съ водою, и въ него опускаютъ серебряные деньги³⁾; въ то же

обѣранія руки послѣ погружения какъ бы „чистаго“ младенца подается священнику новое полотенце, а если пѣть, то новый бумажный головной платокъ, которые поступаютъ изъ пользу священника.

¹⁾ Много разъ рожавшая встаютъ и на 3-й день.

²⁾ Если при родахъ было дѣв., то обѣ.

³⁾ Обыкновенно около 3 руб.

время „бабушки“, обнажив правую руку с плечомъ и частью груди (вынуть руку изъ праваго рукава рубахи—„выплитица“ или „выплицитца“), опускаетъ ее въ тазъ съ водою и опирается на дно его ладонью. Роженица трижды обмываетъ водою изъ таза лицо и обнаженную части тѣла „бабушки“, дѣлая это сверху внизъ; затѣмъ дѣлается то же самое одинъ разъ съ мыломъ: покончивъ съ правой, точно такъ же обмываютъ лѣшую руку „бабушки“, но лишь отъ локтя. Обтирается „бабушку“ чистымъ полотенцемъ или какимъ-либо бѣлымъ¹⁾ или ситцевымъ лоскутомъ или, наконецъ, бумажнымъ головицмъ платкомъ; этотъ послѣдний и ситецъ не должны быть темныхъ цветовъ. Денеги изъ таза, мыло и то, что служило для обтирания, берется „бабушкой“. Въ большинствѣ случаевъ, если роженица не болѣетъ долго послѣ родовъ, это и составляетъ плату за всю ея работу въ теченіе беременности и послѣродового периода. Въ противномъ же случаѣ, ей вносятъ прибавляютъ какое-либо пустяки. Наиболѣе состоятельные прибавляютъ иногда къ этому аршинъ 10 сант. и рубль или два денежк. Если при родахъ было дѣвъ „бабушки“, то моются руки обѣими. Все, чѣмъ обтираютъ „бабушку“, должно быть новымъ. Если родившая умираетъ, то мытье рукъ „бабушки“ проводится кѣмъ-либо изъ домашнихъ нокойной—женищой, конечно. Еще недавно, умервшая лѣтъ 10 тому назадъ старуха паговорщица, она же и главная тогда „бабушка“ Прасковья Дьячкова (Ермилиха), для „мытья рукъ“ обнажалась до пояса и заставляла при этомъ обмывать себя по стариинному: сперва трижды съ лѣвой щеки черезъ правую грудь обмывали ей правую руку, а затѣмъ трижды же съ лѣвой груди—лѣвую руку. Теперь такъ не дѣлаютъ.

На 12-й день послѣ родовъ, если роженица здорова, „паратъ рѣды“²⁾. Снявъ съ сырой кедровой пѣтки („кедрина“) верхнюю темную кору, насѣбливаютъ ножомъ бѣлой мягкой дренесину („сосна“), затѣмъ въ тазъ съ водою, поставленный на полу на оленьей шкурѣ, кладутъ большой галечный („дренайной“) камень, предварительно накаленный, а на него кладутъ темную кедровую кору. Надъ этимъ приспособленіемъ, имѣя тазъ между ногами, помѣщаются на четверенкахъ голая роженица: сверху ее

¹⁾ Изъ козенкора, миткаля и т. п.

²⁾ Дѣлать это главная „бабушка“.

совершенно закрываютъ большимъ одѣлломъ. Въ такой паровой паниѣ она потѣстъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ болѣ. Тѣмъ временемъ „бабушка“ беретъ насѣбленную „сосну“¹⁾, подсовываетъ ее подъ одѣлло и роженицу и, распаривъ хорошенько надѣль тазомъ, растираетъ („сбрѣвать“) ею половые органы („рѣды“), промежность и весь тазъ роженицы, особенно противъ мѣстъ соединенія („сѣби“) его костей. „Паратъ рѣды“ три дня подрядъ по два раза ежедневно. Каждый разъ послѣ паренъя, роженица ложится на кровать, а „бабушка“ прижимаетъ у нерѣдѣніи таза и головы. Голову послѣ того туго повязываютъ платкомъ. Бандажированіе живота, начатое сейчасъ же послѣ родовъ, продолжаютъ до 40-го дня. Во время паренъя „рѣдовъ“ бандажъ этотъ снимаютъ. Если всѣго этого не продѣлать, то, говорятъ, будетъ часто болѣть голова, а во времія беременности и къ старости станутъ болѣть кости, особенно тазовыя. „Парить рѣды“—старинный обычай; въ послѣдніе годы его практиковала только одна покойная Орина Воронцова. У роженицы, начавшей кормить младенца, иногда опухаетъ и затвердѣваетъ грудь; сосанію ребенка вызываетъ при этомъ острую, рѣжущую боль. Происходить это, по словамъ „бабушекъ“, отъ того, что кормящая грудью выпила съ водой какую-либо маленькую соринку, попавшую затѣмъ въ грудь и тамъ застрявшую. Чтобы она вышла оттуда съ молокомъ, расплетаются конецъ косы съ соответствующей стороны и покрывають имъ больную грудь („расплѣтігъ косу и располѣтігъ по титкѣ“²⁾). Затѣмъ расплетонный конецъ расчесываютъ на ней греблемъ сверху внизъ. Въ вечеръ подрядъ. Если кормящей грудью не предложить или не дадутъ чего-либо изъ пищи, очень ей захотѣвшагося, то грудь тоже можетъ заболѣть, какъ и отъ соринки, но въ этомъ случаѣ приписываютъ болѣзнь груди тому, что „титка осѣдила“³⁾. Дѣченіе то же, что и при чопавтѣй соринкѣ. Если же оно не помогаетъ, то въ обоихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ пріпаркамъ изъ распаренныхъ чайныхъ листочковъ, оставшихся по-

¹⁾ Какъ мочалку.

²⁾ У многихъ симпо—„титкѣ“.

³⁾ Грудь роженицы можетъ заболѣть и отъ того, что ее увидѣть кто либо, кромеъ ее блогушинъ.

слѣ пятья байхового чаю („оварки хорбаго цлю“) или изъ мягкаго бѣлого тундроваго моха.

До сорокового днія роженицѣ запрещается садиться на твердомъ, а не то будуть впослѣдствіи болѣть кости.

На 40-й день она съ новорожденнымъ идетъ въ церковь, гдѣ дается „сорокова молитва“; (тутъ же и некоторые служатъ молебенъ Богородицѣ) послѣ этого она становится „чистой“¹⁾.

Новорожденный же воцерквляется; покойный о. Митрофанъ Шипицынъ, умерший въ 1902 г., воцерквлялся („оцерквлялся“) младенцевъ непосредственно послѣ крещенія, если оно произвѣдилось въ церкви, если же на дому, то до службы въ день 1-го причащенія младенца. Ни за „сорокову молитву“ ни за воцерквленіе священнику ничего не платить.

Около того же премени, смотря по крѣпости ребенка („тугой“)²⁾, его начинаютъ держать по днямъ въ „пѣмайкѣ“ и „макѣ“, а на ночь, сиявъ только „пѣмайку“, пеленаютъ; некоторые, впрочемъ, одѣваютъ младенца въ „пѣмайку“ и „маку“ вскорѣ послѣ крестинъ. Месяцъ 3-хъ, ребенка перестаютъ пеленать и кладутъ спать въ „пѣмайкѣ“, обвязывая головнымъ платкомъ, чтобы не могъ шевелить руками.

„Пѣмайка“ представляетъ собою какъ бы чахоль для ребенка, — это рубашечка, сшитая нераздѣльно съ лапками и чулками; концы рукавовъ и ней защиты наглухо круглыми вставками; спереди, по всю, продольный разрѣзъ, продолжающійся вдоль промежности и доходящій до кобчиковой кости („хвѣстикъ“). Теша моя, по моему согѣту, стала дѣлать этотъ разрѣзъ сзади, что значительно облегчаетъ надѣваніе „пѣмайки“ — не надо заворачивать назадъ ручки ребенка, когда другая уже надѣта на руки, что исключительно приходится дѣлать при разрѣзѣ спереди³⁾. Есть въ Марковѣ одна сухорукая замужняя женщина О. Иванова, рука эта была повреждена въ младенчествѣ, при надѣваніи „пѣмайки“. „Пѣмайки“ пытютъ двойными (шерстяные внутрь и наружу) изъ оленьихъ выворотковъ; передній разрѣзъ завязывается

¹⁾ До того считается „ногѣвой“ съ тѣми же послѣдствіями, какъ и во времена регулы.

²⁾ Когда кто либо, во времена болѣзни, ослабѣетъ, то говорятъ „маккой (мѣгкій) сталь“. Младенецъ первое время тоже „маккой“

³⁾ Особенно, когда „пѣмайка“ хорошо облегаетъ тѣло ребенка.

4 парами ровдужныхъ завязокъ; воротъ обшиваютъ чѣмъ либо матерчатымъ („партиль“).

„Мака“ — это прямоугольный лоскутъ „дымасины“,¹⁾ обшитый по краямъ мягкой ровдугой; на него кладутъ мягкий, бѣлый тундровый мохъ (*sphagnum*), сверхъ которого посыпаютъ опилками „топольниковой“ гнилушки²⁾ („глѣнцина“ или глѣнтина). Такой бандажъ помѣщаются между ногами ребенка такъ, чтобы задний его конецъ прикрывалъ задъ ребенка, а передній доходилъ до нижней части живота, закрывая половые органы; подвѣзывается онъ къ талии ребенка посредствомъ пришитыхъ къ нему ровдужныхъ петель и завязокъ. Такал „мака“ по снимается всю ночь³⁾; днемъ же мохъ и присыпку перемѣняютъ не разъ. При настоѧщемъ досмотрѣ, мохъ и опилки гнилушки отлично дѣлаютъ свое дѣло — ребенокъ не подопрѣваетъ. И видѣть это на своихъ дѣтяхъ. Пока младенца пеленаютъ безъ „маки“, т.-е. до 40 дней (пѣкоторые начинаютъ пеленать съ „макой“ и раньше этого срока), въ пеленки все же подкладываютъ мохъ съ опилками. Когда ребенокъ станетъ хватать ручками, привыкшая его „бабушка“ расшинаетъ наглухо зашитые рукава „пѣмайки“, приговаривая: „мастирь будь, роботѣсой, не пакості!“⁴⁾ Для дѣвочки редакція этого приговора измѣняется соотвѣтствующимъ образомъ. Когда ребенокъ пачинаетъ ходить, „пѣмайка“ кончаетъ свою роль, и ребенка начинаютъ одѣвать, какъ взрослаго. „Маку“ же ребенокъ носить до тѣхъ поръ, пока не станетъ проситься за нуждой, что и некоторые начинаютъ дѣлать лишь съ трехлѣтнаго возраста.

Самою странною дѣтскою болѣзнью считается „родимецъ“ или „ихо“. Чтобы ее не пакликать, о ней при дѣтяхъ прямо не говорятъ, а „отводомъ“ (иноскказательно). Самое слово „родимецъ“ избѣгаютъ произносить, а, въ случаѣ надобности, говорятъ „ихо“ — ихъ болѣзнь, т.-е., дѣтей.

¹⁾ Отъ чукотскаго чума.

²⁾ Трутъ гнилушку крупными панильникомъ. „Топольникомъ“ зовутъ петлу.

³⁾ Такъ кись довольно широкой макой (около 1½ арш. шир.) ноги ребенка на верхней ихъ части значительно раздвинуты, а ниже стянуты синевальницами (пеленаются на ночь мѣсяцъ до 3-4-хъ), то это, нѣроятно, оказывается значительное帮忙 на кривизну ногъ, сильно развитую у маркапцевъ.

⁴⁾ „Пакостить“ — портить.

Признаками предрасположенія ребенка къ заболеванію „родимцемъ“ считаются тяжелые вздохи и стоны во снѣ („младенецъ бѣать“) или часто повторяющейся сильный его плачъ передъ вечеромъ. Признаки эти появляются иногда въ первые же дни послѣ рожденія. Въ лучшемъ случаѣ, дѣло этимъ только и ограничивается¹⁾, но бываетъ, что ребенка начинаетъ сильно дергать („дергать“), посинѣвшее лицо у него перекашивается, отнимается языкъ и некоторые конечности и, случается, идетъ пѣна. Такой припадокъ обыкновенно проходитъ, не оставляя слѣдовъ²⁾. Если онъ и за третьямъ разомъ, что бываетъ иногда на протяженіи несколькиихъ лѣтъ, окончается благополучно, не переходя въ болѣе тяжелую форму, то ребенка считаютъ отъ смерти спасеннымъ³⁾). Къ этому же разряду принадковъ слѣдуетъ отнести и внезапный паденія безъ чувствъ, иногда среди игрь, дѣтей 5—6 лѣтъ; при этомъ его не дергаешь и лицо не перекашивается, а только иногда слегка синѣетъ; пѣна показывается рѣдко. Тяжелый „родимецъ“, въ который иногда переходятъ только что описанные припадки, состоять въ томъ, что ребенка страшно корчить („тѣнѣть“): головку иногда загибаешь совсѣмъ назадъ, изгибаетъ все тѣльце, занорачиваешь и сводишь ручки и ножки, при чемъ слышится трескъ, какъ бы отъ ломающихся костей; изъ носа и рта идетъ кровавая пѣна, зубы крѣпко стиснуты и лицо дѣлается синимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ребенка такъ сильно подбрасываешь, что въ люлькѣ оставлять его нельзя, да и съ большой кровати, если не обложить хорошенько подушками и не досмотрѣть, онъ можетъ упасть на полъ. Такое всегда умираютъ—иногда во время 1-го же припадка. Послѣ смерти выглядятъ какъ дѣти, умершія отъ какой-либо обыкновенной болѣзни. Одинъ двухлѣтій ребенокъ, испуганный вечеромъ выстрѣломъ, тутъ же за-

¹⁾ Вздохи и стоны во снѣ иногда продолжаются до 4—5 лѣтъ, не сопровождаются припадками.

²⁾ Иногда, вирочемъ, остается хромота, некладкое рукою и покрипленіе тѣла или лица, по такимъ постѣдствіямъ принисываются тому, что въ семье были люди неопытные, которые хватали ребенка во время припадка,—за что схватятъ, то и испортятъ.

³⁾ Но, конечно, не отъ припадковъ, которымъ онъ будетъ подверженъ и израсходованъ.

болѣль тяжелой формой „родимца“ съ икотой¹⁾). Къ утру припадокъ прошелъ, но затѣмъ всю весну онъ вечерами плакалъ и старался отъ всѣхъ прятаться. Все лѣто былъ совершенно здоровъ, а осенью у наружного угла одого изъ глазъ появился липчай („лациха“); около Рождества липчай этотъ увеличился и изъ него стало выступать что то въ родѣ воды, одновременно съ этого мокнувшаго мѣста сошла кожа. Въ теченіе 3 днѣй такія же мокнущи пятна со склономъ кожи покрыли одну половину лица, подбородокъ, кисть ручки, которой ребенокъ обтирался, и спину; на послѣдней они доходили до величины иѣднаго пятака. На ребенка напала сонливость, но онъ по плакалъ и, повидимому, у него ничего не болѣло; было только замѣтно, что тѣло у него чешется. Къ вечеру 3-го днѣя слѣдался сильный припадокъ „родимца“, послѣ котораго ребенокъ былъ 2 днѣя безъ памяти и, не приходя въ себя, часто стоналъ, плакалъ и кричалъ. На 3-й день умеръ въ тяжеломъ припадкѣ „родимца“. Отъ „родимца“ умираетъ не мало дѣтей, преимущественно до году, но бывали случаи смертей и большихъ дѣтей—за 10 лѣтъ.

При первыхъ угрожающихъ признакахъ—оканѣй, вечернемъ плачѣ, а иногда и легкихъ подергиваньяхъ, а затѣмъ и при припадкахъ „родимца“—до 40 днѣй—мальчика прикрываютъ въ люлькѣ отцовскими штанами или подштанками, а дѣвочку материнской рубашкой или штанами²⁾). Когда мать уже ходитъ, пускается въ ходъ средство, считающееся болѣе действительнымъ: ребенка „продергиваютъ“. Для этого, вечеромъ, когда стемнѣється, мать ребенка становится у входной двери, задомъ къ ней, и нагибается впередъ; „бабушка“ же или другая какая-либо женщина беретъ ребенка и, зайдя сзади, просовываетъ его между разставленныхъ ногъ матери; та, принявъ его спереди и не оборачиваясь, передаетъ его по солнцу подавшей. Это продѣлывается по трижды три вечера подъ рядъ. Каждый разъ, послѣ 3-го продергивания, мать, держа на рукахъ ребенка, трижды плюетъ къ входной двери.

¹⁾ До того никакихъ обычныхъ признаковъ предрасположенія къ такому заболеванію у него не замѣчалось.

²⁾ Нѣкоторыми практикуются эти средства и послѣ 10 днѣй, т.-е. послѣ того, какъ мать сходитъ съ постѣдствіемъ въ церковь и получитъ тамъ очистительную молитву („сороковая молитва“). Прикрываютъ во время припадковъ и взрослыхъ жгунами и бѣльемъ родителей.

ри. Присовыая ребенка, „бабушка“ говорить: „цѣмъ родился, тѣмъ и лѣчись (лѣтись).“ Если матери въ этомъ дѣлѣ некому помочь, то ребенокъ кладется на полъ, близъ двери, и мать отъ нея трижды переступаетъ черезъ него, возвращаясь каждый разъ на первоначальное мѣсто по солицу и приговаривая высприведенные слова.

Окончивъ это, беретъ ребенка на руки и трижды плюетъ къ двери. Дѣласть все это три вечера подъ рядъ. Если „продергивание“ не помогаетъ, то обкуриваютъ ребенка въ люлькѣ церковнымъ ладаномъ („ростнѣмъ ладаномъ“), а иногда полть водой съ порошкомъ изъ него, и кусочекъ его зашиваются ему въ чепчикъ или вѣшаются въ ладанкѣ на крестъ (ребятамъ побольше, носящимъ уже крестъ). Послѣднимъ средстvомъ считается прикрываніе ребенка церковными воздухами или поленою, которые при конвульсіяхъ надѣть имъ вѣшаютъ. Послѣ лѣченія ладаномъ, воздухами и поленою, прикрываніе ребенка нижнюю бѣльемъ родителей, питаніемъ отца и „продергивание“, какъ средства „нечистыя“¹), больше не практикуются.

Дѣтей постарше, уже бѣгающихъ, внезапно иногда внадающіхъ въ обморочное состояніе безъ другихъ симптомовъ „родимца“, прикрываютъ корытомъ, не убирая его до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ себя. При признакахъ и при припадкахъ „родимца“ стараются наблюдать вокругъ ребенка возможно большую тишину, особенно остерегаясь лязга желѣза. Отецъ и мать заболевшаго ребенка подходитъ къ нему не должны; изъ прочихъ, какъ ужъ было помянуто, никто не долженъ къ нему прикасаться. Помощь былыхъ марковскихъ шамановъ заключалась въ томъ, чтольному „родимцемъ“ ребенку пришивали къ чепчику сдѣланную приглашеннымъ шаманомъ куколку, кисточку, ремешокъ съ бисеринками или бусинками или, наконецъ, какой-либо особенный камешекъ.²

Сильная жара въ избѣ отъ пылающего „чувала“, быстро сминающаяся такимъ холодомъ, что къ утру вода въ неї замерзаетъ³.

¹) Не имеютъ ли эти способы лѣченія какого-либо отдаленного отношения къ имѣніему, быть можетъ, когда-либо мѣсто фаллическому кулаку? Хотя, пожалуй, они скорѣе напоминаютъ лѣченіе подобнымъ, на что указываются въ слова приговора.

²) Не у всѣхъ, но у многихъ. У большесемейныхъ этого не случается только потому, что въ избѣ спитъ много народа.

промерзающіе углы, обмерзшія окна, щели вездѣ, изъ которыхъ лустъ, и постоянно отворяемая входная дверь, черезъ которую вкатывается въ избу цѣлосъ облако морознаго воздуха, губить не мало дѣтей въ 1-е мѣсяцы ихъ жизни,—обыкновенно появляется у „олюски“ „насмѣрка“ и „касель“, а тамъ, смотришь, онъ уже и „задусылса“. Чтобы облегчить дыханіе младенца и чтобы ему сильно не заложило носикъ, матери часто высасываютъ его содергимое и прыскаютъ въ ноздри молокомъ изъ груди. Снаружи носы намазываютъ „бѣbosнымъ мозгомъ“¹); иногда, когда внутри носа появляется „корѣсты“ (струпья), смазываютъ имъ и внутри.

Если младенецъ крутить головкой или у него появляются опухоли за ушами, то рѣшаютъ, что болѣть уши; ихъ лѣчить, какъ и у взрослыхъ, лѣчить табакомъ (см. выше). „Опѣмъ да табацѣкъ не суйесь?“—скажетъ молодой матери болѣе опытная женщина, усмотрѣвъ у младенца признаки боли въ ушахъ. Кромѣ запора и поноса, признаками болѣзни желудка считается дерганіе ребенка кожками—„сѫцить пѣзками!“ Тоже происходитъ, когда у ребенка появляются изъ задняго прохода маленькие, бѣленькие червячки („цербѣцьки“), причиняющіе ему сильный зудъ; иногда ихъ бываетъ такъ много, что они расползаются по всему тѣлу ребенка²). Видѣть ихъ и у пятилѣтнихъ ребятъ. Отъ запора ставятъ мыло („пѣску“), отъ поноса даютъ крѣпкій чай (совсѣмъ черній), а отъ „цербѣцковъ“ между ягодицами, противъ отверстія задняго прохода, вкладываютъ тряпочку, намазанную рыбьимъ жиромъ или керосиномъ; иногда суютъ размоченный листовой табакъ; червячки на всемъ этомъ и скопляются („кѣватца“) и, т. о., легко удаляются. Говорятъ, что у пѣкоторыхъ они бываютъ до старости. Бываютъ довольно крупныя гноинные сили, которыхъ иногда и сами подсыхаютъ и проходятъ, а иногда ихъ для излѣченія маютъ жиромъ изъ бабокъ оленыхъ ногъ.

¹) Изъ бабокъ оленыхъ ногъ.

²) Ог҃ь недосмотръ конечно. Во время „попѣтрій“, когда всѣ болѣютъ, дѣтишки бываютъ брошены почти на произволъ судьбы, т. к. взрослые, очень чувствительные ко всякому своему страданію, не обращаютъ на нихъ почти никакого вниманія, особенно ночью. Ночью, впрочемъ, даже серіозно больной изъ взрослыхъ, когда остальные здоровы, предоставляютъ самому себѣ, т. к. всѣ изъ избѣ крѣпко спятъ.

Шупочная грыж у младенцевъ не рѣдкость; на нихъ накладываютъ самодѣльные бандажи, но главная польза, оказывается, не въ нихъ, а въ томъ, что при первомъ накладываніи ихъ, между кѣмъ-либо изъ присутствующихъ и „бабушкой шупорѣзкой“, грызущей одновременно или перо, или кость, или кусочекъ твердой кожи, происходитъ слѣдующій діалогъ: „Циво грызесъ?“ „Шупову грызу!“ Грызетъ ево гораздѣй, чтобы (и) вѣкъ и по вику не булы!“ Такъ поступаютъ по трижды три дня подъ рядъ. Какъ бы то ни было, пушки у ребятъ зарастаютъ.

Другихъ грыжъ, какъ меня увѣряли, раньше не знали и только теперь впервые видятъ мошночную грыжу у малолѣтняго сына сропольца Алексея Шотикова.

Если ребенокъ начинаетъ сильно плакать¹⁾ и у него имѣеться тѣмъ начинаютъ болѣть глазки, то говорятъ, что это „броки“, т.-е., что его кто-то сглазилъ. Иногда отъ сглазу онъ просто „тихоститца“ (нездоровится). Когда не могутъ додуматься, кто могъ сглазить, то промываютъ глазки водой и вытираютъ переносомъ подола материнской рубахи; иѣкоторыя дѣлаютъ на лбу младенца З креста материнскими „красками“, а если все это не помогаетъ, то отцепляютъ кусочекъ церковнаго порога, черезъ который ужъ наѣриое переходилъ сглазинишъ, и часть этой щечочки кладутъ въ чашку съ водой, служащей для промыванія больныхъ глазокъ, которые при этомъ уже нельзя обтирать переносомъ материнской рубахи, а лишь какимъ-либо чистымъ лоскуточкомъ или чистымъ же полотенцемъ²⁾. Остальную часть щечочки „палятъ“ и дымомъ ея обкуриваютъ больного ребенка. Если же сглазинишъ (который „изурбциль“) известенъ³⁾, то стараются потихоньку отъ него („крадчи“) достать его „стельку“⁴⁾ или лоскуточъ отъ какоѣ-либо его одежды („лопатина“). Дымомъ ихъ обкуриваютъ больного ребенка. Если ребенокъ чего-либо

1) Не по чечерамъ, какъ при „родимой“, а во всякое время.

2) Тутъ, какъ и при лѣченіи „родимца“, разъ начинаютъ лѣчить чѣмъ-либо изѣюющимъ отношеніе къ церковному обиходу, несъяля уже пользоваться средствами „по чистыми“.

3) Въ данномъ случаѣ такимъ считается кто-либо изъ постороннихъ, не склонившийся на похвалы ребенку. Отъ сглазу слѣдуетъ беречь, пока не сгинеть подзатыльникъ. Поэтому младенца показываютъ постороннимъ исключительно.

4) Сухая трава, кладущаяся всегда въ обувь.

сильно испугается, то льють на церковный колоколь воду и сбравъ стекающую изъ чашки, поять сю испуганаго; поять и водой или молокомъ матери съ порошкомъ церковнаго ладана.

Новерхъ головы ребенка не смотрять — отъ этого онъ „сыбко крутитца“ и, выросши, будуть глядѣть изподлобья. Ни отецъ, ни мать не должны цѣловать его въ затылокъ, чтобы онъ, подросши, „сыбко за нима не гонялся“, т.-е., не увязывался и не ревѣлъ отчаянно, когда его не берутъ съ собою. Если ребенокъ плохо спитъ, то въ его ченчикъ противъ макушки („цимо“, „цимиско“)¹⁾ зашиваются косточки изъ налимъей головы, похожую на камешекъ; ее такъ и зовутъ „налимій камисбѣкъ“. Принимая налимій камешекъ, „бабушка“ приговариваетъ: „будь (буль) какъ налимъ, спи крѣпка, какъ налимъ, не плачь“. Это, говорятъ, „помогать“, но если „повому (ионому) не слузить“, то надо искать другую „бабушку“ — „простосердѣцную, хорбсу и послѣсни“ (довѣрчивую). Такую „послѣсать“ налимъ, и ребенокъ станетъ спать хорошо.

Капризничая, малая ребята пріучаются иногда быстро выгибаться назадъ („робәюсь выпинатца“). Чтобы отучить, берутъ миску съ холодной водой и подставляютъ незамѣтно сзади; появивъ туда затылкомъ, капризникъ обыкновенно отъучается выгибаться.

Если дѣти начинаютъ внезапно просыпаться съ плачемъ („пузатца“), то это обозначаетъ скорый приѣздъ кого-либо издалека; ставъ на четверики, ребенокъ иногда смотрѣтъ назадъ, опустивъ голову между рукъ, оттуда и надо ждать приѣзжихъ. Если, играя, начнетъ здороваться или грузить игрушечную нарту, то тоже ждутъ приѣзжихъ. Если ребенокъ брызжетъ слюной, — надо ждать ненастыля; если онъ сосетъ большой палецъ своей руки („пакуль“), — ворожить рожденіе братца, а если указательный („перстъ“) — сестренки. Если, капризничая („сэрдитца“), маленький мальчикъ хочетъ ударить беременную мать, то будетъ дѣвочка, и наоборотъ.

Если ребенокъ позьмогъ что-либо въ руки и станетъ убаюкивать, какъ младенца, то говорятъ, что въ селеніи кто-либо долженъ скоро „разрѣснѣтца“ (родить).

1) Темя — „топенько мѣстиско“.

Какъ ужъ было помянуто относительно лѣченія болѣзней, такъ и тутъ, по разнымъ обычаямъ и пріемамъ, связаннымъ съ появленіемъ на свѣтъ новаго человѣка, ближе всѣхъ стоять къ марковцамъ ихъ „родинки“, бродячіе чувашцы, затѣмъ ламуты, коляки и, наконецъ, чукчи. Я уже поминаль, что въ возираненіе умершихъ въ видѣ новорожденныхъ младенцевъ вѣрятъ всѣ. Пріемы для распознанія такихъ вернувшихся тоже почти одинаковы—у марковцевъ ихъ, конечно, наиболѣе. Вѣнчаніе къ лѣсу или на тундрѣ¹⁾ свертка съ мѣстомъ и прочимъ тоже практикуется всѣми. „Бабушки“ есть у всѣхъ, при чемъ зачастую они въ то же время или наговорщицы или шаманки.

Теперь разскажу, что знаю о родахъ у ламутовъ, коляковъ и чукочъ. Ламуты также „тиѣрдо“ знаютъ зеніцию, какъ и мы—говорили мы въ Марковѣ. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что у ламутовъ почти тѣ же вѣрапанія и пріемы (все это по-марковски—„пѣра“), какъ и у марковцевъ.

Дней за 15—20 до родовъ ламуты перестаютъ кочевать и дожидаются события, стоя на одномъ мѣстѣ. „Бабушки“ бываютъ обыкновенно двѣ. При появлѣніи предродовыхъ болей, беременная постоянно выходитъ изъ юрты. Между подругами дѣлается тоже самое, при чемъ постепенно развязывается всѣ свои мѣшки²⁾ и выбрасывается содержимое ихъ на землю. Если при наступленіи родовъ, успѣеть попасть въ юрту, то родить стоя на колѣниахъ и опиралась на повѣшенную жердь (одинъ изъ марковскихъ способовъ); если же роды застанутъ ее на дворѣ, то кричитъ. „Бабушки“ тогда бѣгутъ къ ней и принимаютъ; при этомъ роженица тоже стоитъ на колѣниахъ, опиралась на что-либо и поддерживаемая одной изъ бабушекъ. Принимаютъ всегда на оленюю шкуру („постеля“—по-марковски). Отрѣзанъ пуповину и сѣдланъ съ пупомъ, что полагается, моютъ ребенка, заворачиваютъ его въ заранѣе приготовленную выѣланную ныжичью шкуру и, обвязавъ сверху ремешкомъ, подвѣшивають къ юртѣнѣмъ жердямъ („рѣзвини“—по-марковски) надъ юртѣнѣмъ костромъ³⁾. Провисѣть такъ съ

½ часа, младенецъ начинаетъ изрѣдка покрикивать¹⁾, затѣмъ дѣлаетъ это все чаще и чаще и, наконецъ, провисѣвъ около часу, заплачетъ настоящимъ образомъ; тутъ его главная „бабушка“ сейчасъ же снимаетъ, развязываетъ и, одѣвъ въ приготовленную „пѣмайку“ (безъ рубашечки) и шапочку и завернувъ, сверхъ того, въ пижичью или выпороточью шкурку, обвязываетъ ремешкомъ. Пока „бабушка“ не покончитъ съ этимъ, родившая сидитъ тутъ же, у юртѣнаго костра, на сѣдлѣ, обвязавъ себѣ животъ сейчасъ же послѣ родовъ сѣдловой подпругой (лахтачий ремень, шириной въ ладонь). Когда она увидѣть, что „бабушка“ младенца обрядила, то идѣть и завертывается въ свое одѣяло²⁾; туда ей „бабушка“ подаетъ младенца. На слѣдующій день обыкновенно уже кочуютъ, и роженица, какъ ни въ чёмъ не бывало, идѣть верхомъ на своемъ оленѣ.

„Сорочки“ на головѣ новорожденного сулитъ ему удачу („тальянъ“) въ жизни, но 3 сорта „сорочекъ“, какъ марковцы, ламуты не различаютъ.

Церковные обряды производятся ежегодно въ началѣ марта, когда ламуты собираются для этого близъ мѣста туманской ярмарки. Кромѣ крестнаго имени, почти у всѣхъ есть свои имена, при чёмъ между женскими встрѣчаются и такія имена, какъ солнышко, утренняя заря, цвѣточекъ, напоминающія далекое прошлое ламутовъ—жизнь въ лучшей странѣ, гдѣ „не о хлѣбѣ единомъ“ живѣтъ человѣкъ.

Если обратить вниманіе на носы ламутскихъ женщинъ, то окажется, что они, сравнительно съ мужскими, очень приплюснуты. Это, конечно, не случайность и не какая-либо физиологическая особенность, а просто результатъ придавливанія переносой у новорожденныхъ дѣвочекъ. Дѣлаютъ это „бабушки“ въ цѣляхъ эстетическихъ. Дѣло въ томъ, что ламутская красавица („юта“), кромѣ широколицести, должна обладать возможно болѣе приплюснутымъ носомъ—иногда между скѣлѣвъ виднѣется только кончикъ носа съ

¹⁾ До того его считаютъ мерзлымъ, что и не мудрено, т. к. и зимой вся процедура проходитъ на открытомъ воздухѣ. Юрта защищаетъ лишь отъ вѣтру, да и то не вполнѣ.

²⁾ Родивъ благополучно, ламутка въ дальнѣйшемъ обходится безъ посторонней помощи—сама приходитъ въ юрту, если родила на дворѣ, сама обвязываетъ себѣ животъ подпругой, сама укладывается въ одѣяло.

³⁾ На тундрѣ для этого ставятъ треногу изъ плахъ.

²⁾ Мѣшки эти, обыкновенно изъ оленевыхъ камасовъ, держатъ спаружи юрты, прикрывъ кускомъ чума. Иногда, какъ и у чукочъ, они лежать на санкахъ.
³⁾ Все это дѣлается въ сонгашенпо холодной тундрѣ, конечно, „бабушками“.

обращенными почти въерхъ поздрьми. Это въерхъ красоты. Деформируя у новорожденной носикъ¹⁾, „бабушка“ приговариваетъ, приблизительно, съдающее: „Зачѣмъ тебѣ большой носъ, какая въ немъ красота—только будешь отмораживать!“ Ничего и говорить, что шаманы, а въ особенности бабы-шаманки, которая и почи всегда и „бабвичаютъ“, играютъ главную роль во всемъ, сопряженномъ съ появлениемъ нового ламута на свѣтѣ. Если не могутъ рѣшить сразу, кто въ лицѣ новорожденного „далѣко припой“²⁾, то давая „своє“ имѧ, гадаютъ такъ: шаманъ или шаманка дѣлаетъ маленькую деревянную фігурку, кладетъ ее въ рукавицу и, подвѣсивъ эту послѣднюю на маленькую треногу, называетъ разныя имѧ. При произнесеніи надлежащаго, рукавица должна закачаться. Свертокъ съ „мѣстомъ“, приготовленный по-марковски, вѣшаютъ въ лѣсу на дерево.

Сидячіе коряки селенія Каменскаго³⁾ и другихъ, ближайшихъ къ нему поселковъ, какъ имѣющіе издавна гораздо больше сношеній съ Гижигою, Марковымъ и Тигилемъ⁴⁾, чѣмъ поселки сидячихъ коряковъ окрестностей бухты барона Корфа, имѣютъ и болѣе полный ритуалъ.

Женщины ихъ рожаютъ въ пологу, въ полной темнотѣ, при помощи 2 или 3 „бабушекъ“; рожать на корточкахъ („на ку́коркахъ”—по-марковски), опершись обыкновенно руками и грудью на подвѣшенную жердь; иногда, впрочемъ кто-либо держитъ родильницу на вѣсу, охвативъ сзади подъ мышки. „Бабушки“ у нихъ умѣлия. Передъ родами даютъ пить наговоренную шаманомъ воду, это дѣлаетъ роды легкими, ускоряетъ выходъ „мѣста“ и помогаетъ отъ „болѣтковъ“. Нусть перевязываютъ заранѣе приготовленной ниткой, сущенной изъ оленьей жили съ волосами матери! Младенца не моютъ, а вытираютъ насухо мягкимъ махомъ. Мѣсто съ пуповиной уносятъ въ травяномъ мѣшкѣ⁵⁾ по-

далъне отъ жилья и вѣшаютъ на треногѣ изъ палокъ¹⁾; къ свертку этому привязываютъ маленький лучокъ съ стрѣлкой, соответствующей охранять новѣнное отъ вороновъ.

По выходѣ мѣста, родильницу „парятъ“, а послѣ того прижимаютъ у неї „спон“²⁾. Дѣлается это почти такъ же, какъ и у марковцевъ³⁾. Загѣмъ ее укладываютъ въ пологу и подаютъ обрѣзаннаго младенца. До десяти днѣй она не выходитъ на дворъ, и если выходитъ изъ полога, хоть на минутку, оставаясь тутъ же въ юртѣ, то въ пологу одного младенца никогда не оставляеть, и если въ юртѣ лѣтъ взрослыхъ, то сажаєтъ въ пологъ къ младенцу хотя бы малыша. На утро послѣ рожденія младенца, отецъ приноситъ въ жертву собаку; при этомъ онъ смотрѣтъ въверхъ, на пѣбо, и что то громко кричитъ, кроша въ то же время кровью жертвеннной собаки во всѣ стороны. Имя даютъ при помолчи гадательного камня („Аніпэль“)⁴⁾, подвѣшиваемаго къ 2 налочкиамъ, верхніе концы которыхъ связываютъ вмѣстѣ, а раздвинутые нижніе втыкаются въ землю.

У сидячихъ коряковъ окрестности бухты барона Корфа женщины рожаютъ на четверикахъ, упираясь въ землю локтями и колѣнами. „Бабушка“ помѣщается сзади и, упираясь одной колѣнкой въ задъ роженицы, принимаетъ младенца. Ничего для облегченія родовъ не дѣлаютъ⁵⁾ и родильницу не „парятъ“. Остальное дѣлается такъ же, какъ и у каменцевъ.

Чукчанка, почувствовавъ предродовыя боли, тушитъ въ юртѣ огонь (костеръ), и уединяется въ зарапѣ приготовленіемъ отдельнаго полога, гдѣ и рожаетъ въ полной темнотѣ и безъ всякой посторонней помощи. Только тогда, когда младенецъ рождается, можетъ войти къ неї „бабушка“⁶⁾ для помощи въ остальномъ. Эта „бабушка“ обыкновенно въ то же время шаманка или наговорщица. Если чукча олонинъ, то какъ только „бабушка“ скажетъ, что роды близко, приговариваютъ къ юртѣ табуль, и отецъ будущаго младенца ловить изъ него арканомъ („чайтъ“) теленка

¹⁾ У Каменскаго лѣтъ лѣса.

²⁾ У марковцевъ, какъ помянуто выше, „парить родов“ на 12-й день послѣ родовъ.

³⁾ Тотъ же способъ угадыванія, какъ у ламутовъ.

⁴⁾ Поэтому, говорятъ, родильницы ихъ сильно мучаются „болѣтками“.

⁵⁾ У чукча приглашаютъ только одну „бабушку“.

¹⁾ Изъ волоконъ краинки.

²⁾ Обрублѣмы Гижига и Тигиль, подобно Маркову, имѣютъ гораздо больше всякихъ сусѣднихъ обрядовъ и собственныхъ пріемовъ привлечения, чѣмъ окружающие инородцы.

³⁾ Изъ волоконъ краинки.

„важенку“ (тёлка) и держать ее на арканѣ до тѣхъ поръ, пока не родится младенецъ. Какъ только онъ появится на свѣтъ Бога, отцу сообщаютъ его полъ, и онъ, сообразно съ этимъ, дѣлаетъ на ушахъ пойманий тѣлочки особыя нарѣзки („пестнѣть“—по-марковски), которыя и остаются на всю жизнь новорожденного тавромъ его оленей. Послѣ того, какъ управятся съ роженицей и младенцемъ, отецъ или кто-либо изъ постороннихъ немногого пошаманитъ¹⁾ (но не есть по-шаманы—если есть, то съ бубномъ, а то и безъ него). На другой день послѣ родовъ роженица обыкновенно уже на ногахъ и первымъ дѣломъ зажигаетъ въ юртѣ огонь (костеръ). На 7-й день послѣ родовъ „знающая бабушка“²⁾ шьеть младенцу шапочку (обыкновенно изъ выворотка), дѣласть маленькую куколку (изъ обрѣаконъ выворотковъ или „голенькихъ“³⁾ пыжиковъ) и маленькую же деревинную троногу („таганчикъ“—по-марковски). Затѣмъ шапочку эту съ положеніемъ въ нее куколкой подвѣшинается на таганчикъ и пачинаеть вслухъ загадывать имена для новорожденного. Какъ и у прочихъ, дается то имя, при произнесеніи которого подвѣшенное закачается. Если „бабушка“ въ такомъ дѣлѣ не сильна, то зовутъ шамана или шаманку. Вообще для этихъ „крестиль“ приглашаютъ человѣка съ разборомъ, такъ какъ неумѣлое гаданіе влечетъ за собой дачу несоответствующаго имени, а отъ этого ребенокъ умираетъ. Именами обыкновенно служатъ разныя окружающіе предметы⁴⁾, члены человѣческаго тѣла (голова, дѣтгородные члены и др.), а иногда и что-либо изъ цикла вѣрованій встрѣчаются, напр., имя „кѣля“, что значитъ чортъ.

У богатыхъ оленныхъ „бабушки“ за свои хлоноты получасть двухъ упряженыхъ („проговиахъ“—по-марковски) оленей и одного заводного, кромѣ того ей даютъ полный комплектъ новой одежды. Зимой, при рожденіи мальчика, устраивается иногда олений бѣгъ на приездъ, выставляемый отцомъ новорожденаго. Сѣхавшихся угощаютъ мясомъ и чаемъ.

¹⁾ За немнѣнѣемъ настоящаго шамана.

²⁾ Шаманка или виговорница.

³⁾ Съ низкою ширстью.

⁴⁾ Въ томъ числѣ и экскременты.

Весной 1902 г. мнѣ пришлось быть проѣздомъ въ юртѣ безълениаго сидячаго чукачи на берегу залива си. Креста¹⁾. Войдя въ юрту, мы²⁾ увидали, что огонь (костеръ) потушенъ и что пологъ закрытъ плотно. Въ тѣ же времена услыхали въ немъ стопы. Оказалось, что хозяйка юрты собирается родить. Пока мои спутники раскладывали огонь на дворѣ, младенецъ родился, и такъ какъ, кроме отца новорожденаго, дальнѣйшей помощи родильницѣ подать было некому, то онъ и полѣзъ къ ней въ пологъ исполнить обязанности „бабушки“. Немногого ноголя, онъ учесъ туда, для обтирания младенца, миску чистаго сѣнга. Управившись съ родильницей и младенцемъ, отецъ немногого пошаманилъ. „Это онъ молитву даетъ“—сказали спутники мои марковцы. И, дѣйствительно, религіозные обряды язычниковъ чукачъ и корякъ при рожденіи ребенка—ихъ обрядности сейчасъ же послѣ родовъ и обрядъ даванія имени черезъ иѣкоторый промежутокъ времени послѣ нихъ—какъ бы соответствуютъ нашей послѣродовой молитвѣ и крестинамъ.

О шаманѣ помощї при трудныхъ родахъ покойный ерополецъ Семенъ Шарыповъ рассказалъ мнѣ такой случай: прѣѣхалъ онъ какъ-то съ односельчанами къ „горнимъ“ чукацамъ. Въ большої юртѣ было шесть пологовъ, и въ одномъ изъ нихъ уже болѣе сутокъ мучилась родами молодая женщина; около нея хлопотали всѣ остальные бабы, но ничего подѣлать не могли. На вопросъ прѣѣзжихъ, почему по своей „вѣрѣ“ не зовутъ шамана, отвѣтили, что уже давно послали за сильной шаманкой-чукачкой. Къ ночи сеѣ привезли; войдя въ юрту и немногого обогрѣвшись у огня, прѣѣзжая вошла въ пологъ къ больной и удалила оттуда всѣхъ остальныхъ женщинъ. Побывъ съ больной немногого падинѣ, вышла изъ полога и трижды обойдя вокругъ него слѣва направо, приказала подать себѣ „тресалку“³⁾ больной и сю провела⁴⁾ по всѣмъ стѣнкамъ и потолку внутри полога и потерла⁵⁾ животъ больной. Выѣдя послѣ того изъ полога, плот-

¹⁾ Хронице „Эрдзэнѣ“.

²⁾ Спутниками моими были: старш. уѣзда, фельдшеръ И. С. Балашинъ, переводчик чукотскаго языка рѣчника-чукача Пиконъ Ипповъ и четверо марковцевъ.

³⁾ Роговая изогнутая пластина для отряханія сѣнга съ платья.

⁴⁾ „Вѣкоркала“.

но закрыла его и той же „тресалкой“ ударила по его верху и стала прислушиваться. Результатов никаких не последовало, но тут шаманка закричала на бабу, что они дали ей „тресалку“, принадлежащую не больной; это оказалось правдой, и нужная „тресалка“ сейчас же была разыскана. Съ нею шаманка предъявила вновь уже описанное и, выйдя изъ полога съ сердитымъ видомъ, сильно („пориб“—по-марковски) ударила ею по пологу. Всѣль за этимъ услыхали въ пологу голосъ новорожденного. Спросивъ черезъ пологъ роженицу о „мѣстѣ“ и узнавъ, что оно съ младенцемъ не вышло, шаманка „заругаласа“, что еще не слушать и ударила по пологу тресалкой еще порибъ. Родимница скричѣла—„готово“. Только тогда шаманка вошла въ пологъ и принялась за исполненіе дальнѣйшихъ обязательствъ „бабушки“.

Н. Сокольниковъ.

Материалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ.¹⁾

Къ крестьянству Микулы Селяниновича.

Въ одномъ изъ своихъ „Очеркъ“²⁾ я старался уяснить тѣ бытъвия, реальная черты, которыя прикрываютъ типъ Микулы Селяниновича и сложеніе былины обѣ его встрѣчъ съ Вольгой Святославичемъ къ старой новгородской территории. Въ числѣ типичныхъ деталей былины я отмѣтилъ точное изображеніе въ ней процесса сѣверной пахоты на сельѣ, сѣяніе ржи, сѣверную соху, выворачивание камней, которыми усыяны пивы, и иѣкоторые другія. Къ новгородской же территории привѣтилось былину столкновеніе Микулы Селяниновича съ орѣховскими мужиками изъ-за соли гдѣ-то на Извѣ у города Орѣховца (нынѣ Шлюсъ-бургъ). Кстати въ подтвержденіе того, что мы не ошиблись въ отождествленіи Орѣховца съ городомъ Орѣхкомъ, старымъ новгородскимъ поселеніемъ, можно привести сице то, что тотъ же городъ упоминается въ другой, песеннично новгородской, былинѣ о гостѣ Терептьицѣ въ одномъ варианѣ Рыбникова³⁾. Считая вышеупомянутыя данныя достаточными для обоснованія новгородского происхожденія былины и исходя изъ нихъ, я все же считаю пелининъ еще разъ вернуться къ пахарю Микулѣ и поставить вопросъ, на сколько можетъ быть реаленъ и на сколько фантастиченъ или сказоченъ этотъ былинный персонажъ. Въ „Очеркѣ“⁴⁾ я предположилъ, что фабула былины могла быть бродячимъ сюжетомъ, заимствованымъ извѣтъ, но вполнѣ национализированномъ въ силу переработки, сквозь которую иногда, впрочемъ, сквозятъ иѣкоторые черты не реального новгородского мужика, а какого-то сказочного персонажа. Къ послѣднимъ чертамъ относится, напр., встрѣчающаяся въ вариантахъ идеализация пахаря и его сохи, въ родѣ того, что онъ одѣтъ въ кафтанъ чернаго бархата, носить пуховую шляпу и зеленые сафьянные

¹⁾ См. Этнogr. Обозрѣніе кн. XXX IX.

²⁾ Очерки русс. нар. словесности, и. I 1897 г. стр. 168—179.

³⁾ III № 49.

⁴⁾ I стр. 177—178.